

ПРАКТИКУМ ПО ФИЛОСОФИИ

ЧАСТЬ 1

УДК 1(072)

«Практикум по философии» предназначен для проведения семинарских занятий по философии и самостоятельной работы студентов. Первая часть «Практикума» содержит материалы по историко-философскому блоку курса «Философия» и включает в себя основные понятия и персоналии по каждой теме, задания по изучению первоисточников и вопросы для самоконтроля.

Составитель:

Варич В.Н., к.ф.н., доцент

Общая редакция:

Грибов Г.М., к.ф.н., доцент

Рецензенты: Климович А.В., доцент кафедры философии БрГУ им.
А.С. Пушкина.

Учреждение образования

«Брестский государственный технический университет», 2006

Изучение философии является одним из важнейших направлений гуманитарной подготовки современного специалиста. В условиях политического, экономического и культурного плюрализма и ускорения темпов общественного развития возрастает значение системного подхода к осмыслению природной и социальной действительности. Бурное развитие и дифференциация научного и технического знания требуют от специалиста умения самостоятельно анализировать события и научные факты с помощью философской и научной методологии. Процессы информатизации и компьютеризации ускоряют и интенсифицируют глобальное межкультурное взаимодействие, что требует от специалиста с высшим образованием расширения гуманитарного горизонта и владения навыками конструктивного диалога с представителями различных социально-политических, национальных и конфессиональных программ. Выполняя мировоззренческую функцию, философия формирует у студентов активную жизненную и гражданскую позицию, закрепляет в их сознании и поведении общечеловеческие ценности и культурные нормы.

«Практикум по философии» призван решить следующие задачи: закрепить основные понятия курса, выстроить последовательность философских школ и направлений в их историческом развитии, инициировать изучение студентами фрагментов из сочинений классиков философии с помощью проблемных вопросов к каждому из них и проверить результаты теоретической работы. «Практикум...» разработан в соответствии с представленной в 2001 г. Министерством образования и науки республики Беларусь программой курса «Философия» для студентов высших учебных заведений. Данное методическое пособие находится в компьютерной сети университета и доступно всем студентам с любого компьютера, подключенного к сети. Электронный адрес: U:\ FiK\Философия \...

1 ФИЛОСОФИЯ И КРУГ ЕЕ ПРОБЛЕМ

1.1 ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

МИРОВОЗЗРЕНИЕ – система взглядов на мир и место в нем человека, на отношение человека к окружающей действительности и самому себе.

МИФОЛОГИЯ – способ понимания природной и социальной действительности на ранних стадиях общественного развития, для которого характерны неразделенность объекта и субъекта, мира и человека.

МИФ – архаическое повествование о деяниях богов и героев, за которыми стояли фантастические представления о мире, об управляющих им богах и духах.

РЕЛИГИЯ – образ мыслей, чувства и действий, обусловленный верой в сверхъестественное и допускающий возможность непосредственного общения с ним.

ОНТОЛОГИЯ – философское учение о бытии.

ГНОСЕОЛОГИЯ – философское учение о познании.

АНТРОПОЛОГИЯ – учение о человеке.

АКСИОЛОГИЯ – философское учение о ценностях.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ – философское учение об обществе.

МОНИЗМ – философское учение, в котором признается существование только одного первоначала бытия.

ДУАЛИЗМ – философское учение, в котором признается существование двух первоначал бытия (чаще всего – материального и идеального).

ПЛЮРАЛИЗМ – философское учение, в котором признается существование многих (более двух) первоначал бытия.

МАТЕРИАЛИЗМ – течение в философии, в котором в качестве первоначала бытия признается материя.

ИДЕАЛИЗМ – течение в философии, в котором в качестве первоначала бытия признается некая идеальная, духовная сущность.

ОБЪЕКТИВНЫЙ ИДЕАЛИЗМ – течение в философии, в котором в качестве первоначала бытия признается некое идеальное начало, существующее вне и не зависимо от человеческого сознания (объективно).

СУБЪЕКТИВНЫЙ ИДЕАЛИЗМ – течение в философии, в котором в качестве первоначала бытия признается человеческое сознание, человеческое «я».

ДИАЛЕКТИКА – учение о наиболее общих связях бытия, его становлении и развитии.

МЕТАФИЗИКА – 1) синоним философии; 2) учение, противоположное диалектике, т.е. учение о неизменных и вечных началах бытия.

СКЕПТИЦИЗМ – течение в философии, в котором любое знание считается относительным и условным, в силу чего объективная истина недостижима.

АГНОСТИЦИЗМ – течение в философии, в котором мир признается в принципе непознаваемым.

1.2 ЗАДАНИЯ

1. Какие особенности философии указывает Аристотель в приведенном ниже фрагменте?

«... и теперь и прежде удивление побуждает людей философствовать, причем вначале они удивлялись тому, что непосредственно вызывало недоумение, а затем, мало-помалу продвигаясь таким образом далее, они задавались вопросом о более значительном, например, о смене положения Луны, Солнца и звезд, а также о происхождении Вселенной. Но недоумевающий и удивляющийся считает себя незнающим (поэтому и тот, кто любит мифы, есть в некотором смысле философ, ибо миф создается на основе удивления). Если, таким образом, начали философствовать, чтобы избавиться от незнания, то, очевидно, к знанию стали стремиться ради понимания, а не ради какой-нибудь пользы. Сам ход вещей подтверждает это; а именно: когда оказалось в наличии почти все необходимое, равно как и то, что облегчает жизнь и доставляет удовольствие, тогда стали искать такого рода разумение. Ясно поэтому, что мы не ищем его ни для какой другой надобности. И так же как свободным называем того человека, который живет ради самого себя, а не для другого, точно так же и эта наука единственно свободная, ибо она одна существует ради самой себя» (Аристотель. *Метафизика* // Сочинения. В 4 т. М., 1975. С. 69).

2. В чем отличие философии от обыденного познания? Попробуйте дать ответ на основе приведенного фрагмента:

«Философия, как мне кажется, играет ныне среди людей ту же роль, какую, согласно преданию, в седой древности играли хлебные злаки и вино в мире вещей. Дело в том, что в незапамятные времена виноградные лозы и хлебные колосья лишь кое-где попадались на полях, планомерных же посевов не было. Поэтому люди питались тогда желудями и всякий, кто осмеливался попробовать незнакомые или сомнительные ягоды, рисковал заболеть. Подобным же образом и философия, т.е. *естественный разум*, врождена каждому человеку, ибо каждый в известной мере рассуждает о каких-нибудь вещах. Однако там, где требуется длинная цепь доводов, большинство людей сбивается с пути и уклоняется в сторону, так как им не хватает правильного метода, что можно сравнить с отсутствием планомерного посева». (Гоббс Т. *О теле*. Цит. по: *Мир философии*. Ч. 1. М., 1991. С. 18).

3. В чем видит сущность и предназначение философии Р. Декарт?

«Прежде всего я хотел бы выяснить, что такое философия, сделав начин с наиболее обычного, с того, например, что слово “философия” обозначает занятие мудростью и что под мудростью понимается не только благоразумие в делах, но также и совершенное знание всего того, что может познать человек; это же знание, которое направляет самую жизнь, служит сохранению здоровья, а также открытиям во всех науках. А чтобы философия стала такой, она необходимо должна быть выведена из первых причин так, якобы тот, кто старается овладеть ею (что и значит, собственно, философствовать), начинал с исследования этих первых причин, именуемых началами. Для этих начал существует два требования. Во-первых, они должны быть столь ясны и самоочевидны, чтобы при внимательном рассмотрении человеческий ум не мог усомниться в их истинности; во-вторых, познание всего остального должно зависеть от них так, что хотя начала и могли бы быть познаны по-

мимо познания прочих вещей, однако, обратно, эти последние не могли не быть познаны без знания начал. /.../

Действительно, те, кто проводит жизнь без изучения философии, совершенно замкнули глаза и не заботятся открыть их; между тем удовольствие, которое мы получаем при созерцании вещей, видимых нашему глазу, отнюдь не сравнимо с тем удовольствием, какое доставляет нам познание того, что мы находим с помощью философии. К тому же для наших нравов и для жизненного уклада эта наука более необходима, чем пользование глазами для направления наших шагов. Неразумные животные, которые должны заботиться только о своем теле, непрерывно и заняты лишь поисками пищи для него; для человека же, главною частью которого является ум, на первом месте должна стоять забота о снискании его истинной пищи — мудрости. (Декарт Р. Начала философии // Избранные произведения. - М., 1950. - С.411- 426).

4. В чем А. Шопенгауэр видит предмет настоящей философии? Дайте ответ исходя из приведенного фрагмента:

Неразвитое сознание «ограничивается тем подвластным законом основания познанием, с помощью которого никогда нельзя достигнуть внутренней сущности вещей, а можно только до бесконечности идти во след явлениям, двигаться без конца и цели подобно белке в колесе, пока, наконец, утомленный искатель не остановится на любой точке, вверху или внизу, желая потом добиться и со стороны других почтения к ней.

Истинное философское воззрение на мир, т.е. то, которое учит нас познавать его внутреннюю сущность и, таким образом, выводит нас за пределы явления, не спрашивает, *откуда и куда и зачем*, а всегда и всюду интересуется его только *что* мира: иначе говоря, оно рассматривает вещи не в каком-либо отношении, не как становящиеся и преходящие – а, наоборот, имеет своим объектом как раз то, что остается по устранении всего этого подчиненного названному закону способа познания, то, что проявляется во всякой относительности, но самой ей не подчинено, то, что составляет всегда равную себе сущность мира, его идею. Из такого познания исходит как искусство, так и философия...» (Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Цит. по: Мир философии. Ч. 1. – С. 56-57).

5. Прочитайте рассуждение Б. Рассела и определите, какие вопросы он считает философскими.

«Разделен ли мир на дух и материю, и если да, то что такое дух и что такое материя? Подчинен ли дух материи или он обладает независимыми способностями? Имеет ли вселенная какое-либо единство или цель? Развивается ли вселенная по направлению к некоторой цели? Действительно ли существуют законы природы или мы просто верим в них благодаря лишь присущей нам склонности к порядку? Является ли человек тем, чем он кажется астроному, — крошечным комочком смеси углерода и воды, бессильно копошащимся на маленькой второстепенной планете? Или же человек является тем; чем он представляется Гамлету? А может быть он является и тем и другим одновременно? Существуют ли возвышенный и низменный образы жизни, или же все образы жизни являются только тщетой? Если же существует образ жизни, который является возвышенным, то в чем он состоит и как его достичь? Нужно ли добру быть вечным, чтобы заслуживать высокой оценки, или же добру нужно стремиться, даже если вселенная неотвратимо движется к гибели. Исследовать эти вопросы, если не отвечать на них, — дело философии» (Рассел Б. История западной философии. М., 1969. С. 7-8).

6. Выскажите свое мнение по поводу рассуждений о философии Н. Бердяева, содержащихся в приведенном фрагменте:

«Философия чужда большей части людей, и вместе с тем каждый человек, не сознавая этого, в каком-то смысле философ. Весь технический аппарат философии чужд большей части людей. Большая часть людей готова употреблять слово «философ» в насмешливом и порицательном смысле. Слово же «метафизика» в обыденной обывательской жизни почти ругательство. /.../ Но каждый человек, хотя бы он этого не сознавал, решает вопросы «метафизического» порядка. Вопросы математики или естествознания гораздо более чужды огромной массе людей, чем вопросы философские, которые в сущности ни одному человеку не чужды. И существует обывательская философия тех или иных социальных групп, классов, профессий, как существует обывательская политика. Человек, испытывающий отвращение к философии и презирающий философов, обыкновенно имеет свою домашнюю философию. Ее имеет государственный деятель, революционер, специалист-ученый, инженер-техник. Они именно потому и считают ненужной философию. Мы должны констатировать социальную незащищенность философии и философа. Философия не выполняет непосредственных социальных заказов. Философ видит даже свое достоинство в том, чтобы стать выше предъявляемых ему социальных требований. Философия не социальна, а персональна» (Бердяев Н. И мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. Цит. по: Мир философии. Ч.1. М., 1991. – С. 107).

7. Какие отличия философии от частных наук раскрывает Л.И. Шестов в приведенном фрагменте?

«Много говорят о том, чем отличается философия от других наук, но, по-видимому, одно отличие – и самое существенное, то, что делает философию философией, т.е. наукой, совершенно не похожей ни на какую другую науку, – умышленно всегда игнорируется. /.../ Так пошло еще с древнейших времен. Уже греки подметили, что философия иначе устроена, чем другие науки, и уже греки всячески старались доказать, что философия во все не иначе устроена, чем другие науки. Даже больше того – непременно хотели убедить себя, что философия есть наука из наук и что ей особенно свойственно разрешать единым способом все подлежащие ее ведению вопросы. У других наук есть только мнения, философия же дает истину, говорил уже Парменид. /.../

Мнения людей об обыденных вещах если и бывают ошибочны, то только на время. /.../ К примеру: есть ли люди на Марсе? Одни думают, что есть, другие – что нет. Но придет время, и все перестанут «думать» и убедятся либо в том, что люди на Марсе есть, либо в том, что людей на Марсе нет.

Совсем иначе обстоит дело с вопросами чисто философскими. Парменид думает, что мышление и бытие тождественны. Я думаю, что это не так. Одни согласятся с Парменидом, другие со мною. Но никто не вправе утверждать, что в его суждении заключается подлинная истина. Последняя, подлинно достоверная истина, на которой рано или поздно согласятся люди, заключается в том, что в метафизической области нет достоверных истин». (Шестов Л. Соч. Т. 1. М., 1993. С. 187).

8. В чем состоит специфика философии? Попробуйте дать ответ, исходя из приведенного ниже фрагмента.

«Я хочу подчеркнуть, что философом является каждый человек – в каком-то за- таенном уголке своей сущности. Но профессиональный философ выражает и эксплициру- ет особого рода состояния, которые поддаются пересказу лишь на философском языке.

Я хочу определить философию как сознание вслух, как явленное сознание. То есть существует феномен сознания – не вообще всякого сознания, а того, которое я бы на- звал обостренным чувством сознания, для человека судьбоносным, поскольку от этого сознания человек, как живое существо, не может отказаться. Иными словами, философия не преследует никаких целей, помимо высказывания вслух того, от чего отказаться нельзя. Это просто умение отдать себе отчет в очевидности – в свидетельстве собственного соз- нания. То есть философ никому не хочет досадить, ничего не хочет опровергнуть, никому не хочет угодить, поэтому и говорят о задаче философии: «Не плакать, не смеяться, но понимать». Я бы сказал, что в цепочке наших мыслей и поступков философия есть пауза, являющаяся условием всех этих актов, но не являющаяся никаким из них в отдельности. Их внутреннее сцепление живет и существует в том, что я назвал паузой. Древние называ- ли это «недеянием».

Философию можно определить и так: философия есть такое занятие, такое мышление о предметах, любых (это могут быть предметы физической науки, проблемы нравственности, социальные проблемы и т.п.), когда они рассматриваются под углом зре- ния конечной цели истории и мироздания».

(Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 57)

9. Каково соотношение науки и философии, с точки зрения Бердяева? Со- гласны ли вы с этой точкой зрения?

«Когда философия делается наукой, она не достигает своей заветной цели – про- рыва из мировой данности, прозрения свободы за необходимостью. В философии есть по- беда человеческого духа через активное противление; в науке – победа через приспособ- ление, через приведение себя в соответствие с данным, навязанным по необходимости. В науке есть горькая нужда человека; в философии – роскошь, избыток духовных сил. Фи- лософия не менее жизненна, чем наука, но это жизненность творчества познания, перехо- дящего пределы данного, а не жизненность приспособления к данному для самосохране- ния в нем. Природа философии совсем не экономическая. Философия – скорее расточи- тельность, чем экономия мышления. В философии есть что-то праздничное и для утили- таристов будней столь же праздное, как и в искусстве. Для поддержания жизни в этом ми- ре философия никогда не была необходима, подобно науке – она необходима для выхода за пределы данного мира. Наука оставляет человека в бессмыслице данного мира необхо- димости, но дает орудие охраны в этом бессмысленном мире. Философия всегда стремится постигнуть смысл мира, всегда противится бессмыслице мировой необходимости. Ос- новное предположение всякой подлинной философии – это предположение о существова- нии *смысла* и постижимости смысла, о возможности прорыва к смыслу через бессмысли- цу». (Бердяев Н.А. Философия свободы. М., 1989. С. 268).

10. Как вы оцениваете приведенные ниже слова П.Л. Лаврова? Что означает «философствовать», по Лаврову?

«... со словом *философия* наше общество связывает представление о чем-то весьма темном, трудном, доступном лишь немногим специалистам. /.../ Между тем философия есть нечто весьма обыденное, нечто до такой степени нераздельное с нашим существованием, что мы философствуем не учась, при каждом произносимом слове, при каждом осмысленном действии, философствуем хорошо или дурно, но постоянно и неудержимо. /.../

Дело в том, что философия, и она одна, вносит смысл и человеческое значение во все, куда она входит. Мы осмысливаем нашу деятельность настолько, насколько вносим в нее элемент философии. Насколько человек обязан себе отдавать ясный отчет в каждом своем слове, в своих мыслях, чувствах и действиях, настолько он обязан *философствовать*. Пренебрежение философией есть искажение в себе человеческого сознания. Требование *сознательной* философии равнозначительно требованию развития человека./.../

Философия в знании есть построение всех сведений в стройную систему, понимание всего сущего как единого, единство в понимании. Философия в творчестве есть внесение понимания мира и жизни в творческую деятельность, воплощение понятого единства всего сущего в образ, в стройную форму, *единство мысли и формы*. Философия в жизни есть осмысление ежедневной деятельности, внесение понимания всего сущего в практический идеал, *единство мысли и действия*. Довольно сблизить эти выражения, чтобы в них прочесть отдельные термины одного понятия, отдельные признаки одной деятельности.

Философия есть понимание сущего как единого и воплощение этого понимания в художественный образ и в нравственное действие. Она есть процесс отождествления мысли, образа и действия» (Лавров П.Л. Три беседы о современном значении философии. Цит. по: Мир философии. М., 1991. Т.1. С. 90-91).

11. Как определяет философию Гегель?

«Философию можно предварительно определить вообще как *мыслящее рассмотрение* предметов. Но если верно – а это, конечно, верно, - что человек отличается от *животных* мышлением, то все человеческое таково только потому, что оно произведено мышлением. /.../

Так как в философии именно *мышление* является своеобразной *формой* ее деятельности, а всякий человек от природы способен мыслить, то /.../ происходит как раз противоположное тому, что, как мы упомянули выше, часто составляет предмет жалоб на *непонятность* философии. Эта наука претерпевает часто такое пренебрежение, что даже те, которые не занимались ею, воображают, что без всякого изучения они *понимают*, как обстоит дело с философией, и что, получив обыкновенное образование и опираясь в особенности на религиозное чувство, они могут походя философствовать и судить о философии. Относительно других наук считается, что требуется изучение для того, чтобы знать их, и что лишь такое знание дает право судить о них. Соглашаются также, что для того, чтобы изготовить башмак, нужно изучить сапожное дело и упражняться в нем, хотя каждый человек имеет в своей ноге мерку для этого, имеет руки и благодаря им требуемую для данного дела природную ловкость. Только для философствования не требуется такого рода изучения и труда» (Наука логики. Т. 1 // Антология мировой философии. М., 1971. Т. 3. С. 285).

1.3 ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Что такое мировоззрение?
2. Какова структура мировоззрения?
3. Какие существуют исторические типы мировоззрения?
4. В чем заключаются особенности мифологического мировоззрения?
5. Что представляет собой религия как тип мировоззрения?
6. Что изучает философия?
7. Каковы особенности философского мировоззрения?
8. Какие разделы существуют в структуре философии?
9. Какие направления возникли в философии в решении вопроса о первоначале?
10. Какие подходы существуют в философии к пониманию вопроса о познаваемости мира?
11. В решении какого вопроса сложились такие направления в философии, как материализм и идеализм?
12. Чем различаются субъективный идеализм и объективный идеализм?
13. В чем заключается мировоззренческая функция философии?
14. В чем состоит методологическая функция философии?
15. Каково, на Ваш взгляд, предназначение философии в современном обществе?

2 ФИЛОСОФИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

2.1 ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

АТМАН – всепроникающее субъективное духовное начало, «Я», душа. Противопоставляется брахману и в то же время совпадает с ним, так как брахман осознает себя и тем самым становится атманом.

АХИНСА – воздержание от нанесения вреда живому.

БРАХМАН – безличное абсолютное духовное начало, из которого возникает мир со всем, что в нем находится.

ДАО – невидимый вездесущий естественный закон природы, человеческого общества, поведения и мышления отдельного человека; первопричина возникновения вещей и различий между ними.

ЖЭНЬ - совокупность нравственных норм взаимоотношений между людьми, строящихся по принципу: «Чего не желаешь себе, того не делай людям».

ИНЬ и ЯН – понятия, выражающие противоречивость и единство всех мировых процессов, человеческой жизни и принципов истинного познания и разумного действия. Инь – земное начало, ян – небесное. Инь и ян также принадлежат следующие характеристики: женское и мужское, темное и светлое, холодное и теплое, податливое и опорное, влажное и сухое, родящее и порождающее.

КАРМА – причинно обусловленный закон судьбы и одновременно та сила, которая порождается действиями человека и способна влиять на его жизнь в последующих перерождениях.

ЛИ – нормы общежития, являющиеся конкретным воплощением жэнь, методом его осуществления со всех сферах жизни (от семьи до государства).

НИРВАНА – 1) угашение страстей, а вместе с ними и страданий, прекращение перерождений, выход из сансары, выход из-под власти кармы; 2) гармоничная согласованность всех духовных способностей человека, делающая необязательной внешнюю деятельность.

РИТА (рта) – космический порядок, закон или закономерный ход вещей.

САНСАРА – букв.: «прохождение через что-нибудь, непрерывное перерождение». Понятие базируется на представлении о родстве всего живого, обладающего душами. Душа бессмертна, а после смерти вселяется в новое тело – животного, человека или бога.

2.2 ПЕРСОНАЛИИ

КОНФУЦИЙ (Кун Цзы) – ок. 551-749 гг. до н.э. *Основные труды:* «Лунь Юй» – изложение идей Конфуция учениками

ЛАО ЦЗЫ – годы жизни неизвестны. *Основные труды:* «Дао дэ цзин»

ЧЖУАН ЦЗЫ – ок. 369-286 гг. до н.э. *Основные труды:* «Чжуан Цзы»

СИДДХАРТХА ГАУТАМА (БУДДА) – VI в. до н.э. *Основные труды:* «Трипитаки» – изложение учения Будды тремя его учениками

2.3 ЗАДАНИЯ

1. Прочитайте приведенные ниже фрагменты и определите, какие мировоззренческие вопросы поставлены в них.

«Тогда не было ни сущего, ни не-сущего;

Не было ни воздушного пространства, ни неба над ним.

Что в движении было? Под чьим покровом?

Чем были воды, непроницаемые, глубокие?

Тогда не было ни смерти, ни бессмертия, не было

Различия между ночью и днем.

Без дуновения само собой дышало Единое,

И ничего, кроме него, не было.

Вначале тьма была сокрыта тьмою,

Все это [было] неразлично, текуче».

(Самхиты. Цит. по: Антология мировой философии. Т.1. Ч.2. С. 72)

«Кто поистине знает, кто теперь бы поведал,

Откуда взялось это мирозданье?

Боги [появились] после сотворения его.

[Но] кто же знает, из чего оно возникло?

Из чего возникло это мирозданье, создал ли

[Кто его] или нет?

Кто видел это на высшем небе,
Тот поистине знает. [А] если не знает?
(Там же)

«Когда разделили пурушу, на сколько частей он был разделен?
Чем стали уста его, чем руки, чем бедра, чем ноги?
Брахманом стали уста его, руки – кшатрием,
Его бедра стали вайшьей, из ног возник шудра,
Луна родилась из мысли, из глаз возникло солнце.
Из уст – Индра и Агни, из дыхания возник ветер.
Из пупа возникло воздушное пространство, из головы возникло небо.
Из ног – земля, страны света – из слуха.
Так распределились миры».
(Самхиты. Цит.по: Антология мировой философии. Т.1.Ч.1. С. 73)

« Как паук выпускает и вбирает [в себя нить], так возникают на земле растения; как [растут] волосы на голове и теле живого человека, так возникает все из негибнущего [Брахмана].

Как из пылающего огня тысячами возникают искры, подобные [ему], так... различные существа рождаются из неуничтожимого и возвращаются в него же».

(Упанишады. Там же. 83)

2. Выясните, какие этические идеи содержатся в приведенных текстах?

«Поистине одно дело благое, другое приятное. Оба они с различными целями сковывают человека. Хорошо бывает тому, кто держится благого; гибнет цель у того, кто выбирает из них приятное... Разумный, поразмыслив, различает их. Ибо разумный предпочитает благое приятному, глупый ради мирского благополучия выбирает приятное»
(Упанишады. Там же)

«Как кто действует, как кто ведет себя, таким он бывает. Делаящий доброе бывает добрым, делаящий дурное бывает дурным. Благодаря чистому деянию он бывает чистым, благодаря дурному – дурным... Каково бывает его желание, такова бывает воля; какова бывает воля, такое деяние он и делает; какое деяние он делает, такого удела он и достигает»(Упанишады. С. 90).

3. Проанализируйте рассуждение Будды и определите: 1) в чем сущность восьмеричного пути; 2) каковы «благородные истины» буддизма.

«Так, я слышал: некогда владыка жил в Бенаресе в оленьем парке Исипатана.

Однажды он обратился к пяти бхиккху (бхиккху – нищенствующий монах. - Примеч. составителя) со следующими словами: «есть, бхиккху, два крайних пути, по которым ушедший от мира не должен следовать. Каковы же эти два пути?»

Тот, следуя которому люди стремятся лишь к удовольствиям и вожделению, низок, груб, он для обычных людей, неблагороден, бесполезен, а тот, который ведет к умерщвлению плоти, приносит страдания и также неблагороден, бесполезен. Татхагата (бук. достигший совершенства – эпитет Будды. – Примеч. составителя) же увидел срединный путь, дающий зрение, дающий знание, по которому следует идти, избегая этих двух край-

них путей, ибо он ведет к умиротворенности, к сверхзнанию, к просветлению, к *нирване*. /.../ Это благой восьмеричный путь, а именно: правильное видение, правильная мысль, правильная речь, правильное действие, правильный образ жизни, правильное усилие, правильное внимание, правильное сосредоточение.

А это, о бхиккху, благородная истина о страдании: рождение - страдание, старость - страдание, болезнь - страдание, смерть - страдание, соединение с неприятным - страдание, разлука с приятным - страдание, неполучение чего-либо желаемого - страдание, короче говоря, пятеричная привязанность к существованию есть страдание.

А это, о бхиккху, благородная истина о происхождении страдания: это жажда, приводящая к новым рождениям, сопровождаемая удовольствиями и страстями, находящая удовольствия здесь и там, а именно: жажда наслаждения, жажда существования, жажда гибели.

А это, о бхиккху, благородная истина об уничтожении страдания: это полное бесследное уничтожение жажды, отказ от нее, отбрасывание, освобождение, оставление ее.

А это, о бхиккху, благородная истина о пути, ведущем к уничтожению страдания: правильное видение, правильная мысль, правильная речь, правильное действие, правильный образ жизни, правильное усилие, правильное внимание, правильное сосредоточение.

Но пока я, о бхиккху, не установил со всей ясностью этого... истинного знания об этих четырех благородных истинах, до тех пор, о бхиккху, я не вижу, как я в этом мире, в мире богов, смертных и брахманов, в этом рождении вместе с отшельниками, брахманами, с богами и людьми достигну высшего полного просветления.

Когда же, о бхиккху, я установил со всей ясностью это... истинное знание об этих четырех благородных истинах, тогда я увидел, что в этом мире, в мире богов, смертных и брахманов, в этом рождении вместе с отшельниками, брахманами, с богами и людьми достигну высшего, полного просветления. И тогда возникло у меня зрение и знание; непоколебимо просветление моего сознания; это мое последнее рождение, больше нет новых рождений». (Антология мировой философии. Т.1. Ч.1. М. С. 117-119).

4. По приведенному тексту попытайтесь раскрыть, каковы причины страдания согласно буддийской традиции:

«... сознание обусловлено именем и формой, имя и форма обусловлены сознанием, именем и формой обусловлено соприкосновение, соприкосновением обусловлено чувство, чувством обусловлена жажда, жадой обусловлена привязанность, привязанностью обусловлено становление, становлением обусловлено рождение, рождением обусловлены старость и смерть, старостью и смертью обусловлено возникновение скорби, жалоб, страданий, тоски, отчаяния. Таков источник всей этой юдоли страданий».

«... жажда возникает от чувства, от жажды возникает поиск, от поиска возникает получение, от получения возникает утверждение, от утверждения возникает жажда удовольствий, от жажды удовольствий возникает приобретение, от приобретения возникает захват, от захвата возникает алчность, от алчности возникает охрана, от охраны возникает множество грехов, возникают хватание за палку и хватание за оружие, схватки и распри, брань и раздор, клевета и ложь» (с. 122).

5. Подумайте, что в определениях дао позволяет рассматривать его как первоначало и первопричину всего существующего.

«*Дао*, могущее быть выражено словами, не есть постоянное *дао*. Имя, могущее быть названо, не есть постоянное имя. Безымянное есть начало неба и земли. Обладающее именем есть мать всех вещей. Поэтому тот, кто свободен от страстей, видит чудесную тайну *дао*, а кто имеет страсти, видит его только в конечной форме. Безымянное и обладающее именем – одного и того же происхождения, но с разными названиями. Вместе они называются глубочайшими» (Даодэцзин. Гл. 1. Там же. С. 182).

«Превращения бестелесного, невидимого *дао* бесконечны и вечны. *Дао* – глубочайшие врата рождения. Глубочайшие врата рождения – корень неба и земли. Оно и мельчайшее, и бесконечное, а его действие неисчерпаемо» (гл. 6. С. 183).

«Великое *дао* растекается повсюду. Оно может находиться и вправо, и влево. Благодаря ему рождается и существует все сущее, и оно не прекращает своего роста. Оно свершает подвиги, но нельзя выразить в словах, в чем его заслуги. С любовью оно возвращает все сущее, но не считает себя властелином всего сущего. Оно никогда не имеет собственных желаний, поэтому его можно назвать ничтожным. Все сущее возвращается к нему, но оно не рассматривает себя как властелина. Поэтому его можно назвать *Великим*.

«*Дао* постоянно в недеянии, однако нет ничего такого, что бы оно ни сделало» (гл. 37. С. 184)

«*Дао* рождает единое. Единое рождает два [начала]: *инь* и *ян*. Два [начала] рожают третье. Третье порождает все сущее. Все существа носят в себе *инь* и *ян*, наполнены *ци* и образуют гармонию» (гл. 42. Там же).

«*Дао* присущи стремления и искренность. Оно находится в состоянии бездействия и лишено формы. О *дао* можно рассуждать, но его нельзя потрогать. *Дао* можно постигать, но его нельзя видеть. *Дао* – корень и основа самого себя. Оно было прежде неба и земли и существует извечно. *Дао* движет духом и одухотворяет владыку, порождает небо и землю» (Чжуан-цзы. С. 212).

6. Прочитайте следующие фрагменты и укажите, какие диалектические представления в них содержатся.

«Чтобы нечто сжать, необходимо прежде расширить его. Чтобы нечто ослабить, нужно прежде укрепить его. Чтобы нечто уничтожить, необходимо прежде дать ему расцвести. Чтобы нечто у кого-то отнять, нужно прежде дать ему. Мягкое и слабое побеждает твердое и крепкое» (Гл. 36. С. 185).

«Преодоление трудного начинается с легкого, осуществление великого начинается с малого, ибо в мире трудное образуется из легкого, а великое – из малого. /.../ Кто много обещает, то не заслуживает доверия. Если надеяться на легкое, то непременно будет много трудностей» (Гл. 63. С. 186).

«Кто много сберегает, тот понесет большие потери. Кто много накапливает, тот потеряет большие убытки. Кто знает меру, у того не будет неудачи. Кто знает предел, тот не будет подвергаться опасности. Он может стать долговечен» (Гл. 44. Там же).

7. На основании приведенных текстов ответьте на вопрос о том, как понимается в даосизме истинное познание.

«Знающий людей – мудр, знающий себя – просвещен (гл. 33. С. 187).

«Не выходя за ворота, можно знать о делах Поднебесной. Не выглядывая в окно, можно видеть естественное *дао*. Чем дальше идешь, тем меньше познаешь. Поэтому со-

вершенимудрый не ищет [знаний], но познает все; не выставляет себя напоказ, но всем известен; не действует, но добивается успеха». (гл. 47. Там же).

«По себе можно познать других; по одной семье можно познать остальные; по одному царству можно познать другие: по одной стране можно познать Вселенную» (гл. 54. Там же).

«Знающие не говорят, говорящие не знают» (гл. 56. Там же).

«Знающий не доказывает, доказывающий не знает» (гл. 81. С. 188).

«Мудр тот, кто имеет знания и делает вид, что не знает. Глуп тот, кто, не имея знания, делает вид, что знает» (гл. 71. Там же).

8. Подумайте над идеями Лао Цзы и Конфуция о достойных людях и о государстве. Укажите, с какими из них вы не согласны и почему.

«Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те правители, которых народ любит и возвышает. Еще хуже те правители, которых народ боится, и хуже всех те правители, которых народ презирает» (гл. 17. Там же).

«Когда правительство спокойно, люди становятся простодушными. Когда правительство деятельно, люди становятся несчастными» (гл. 58. С. 189).

«Благородный муж испытывает три страха: перед небесной судьбой, перед великими людьми и перед словами мудреца. Мелкие люди не знают небесной судьбы и не боятся ее, неучтиво обращаются с великими людьми и презрительно относятся к словам мудреца» (Конфуций. Луньей. С. 191).

«Правитель [всегда должен быть] правителем, слуга – слугой, отец – отцом, сын – сыном». (С. 192)

«Если наставлять людей с помощью законоположений, если ограничивать и сдерживать их с помощью наказаний и казней, то хотя они не будут совершать преступления, но в сердцах своих не будут испытывать отвращения к дурным поступкам. Если же наставить людей с помощью нравственных требований и установить правило поведения сообразно *ли*, то люди не только будут стыдиться плохих дел, но и искренне возвратятся на праведный путь» (с. 193)

[Ученик] Цзы Гун спросил Конфуция о том, как следует вести государственные дела. Конфуций ответил: «Нужно, чтобы было в достатке продовольствие, чтобы было в достатке военное снаряжение и чтобы простолюдины доверяли своему правителю». Тогда Цзы Гун спросил: «Если в государстве будет неблагополучно, то чем прежде всего можно пожертвовать, чтобы навести в стране порядок?» Конфуций ответил: «Можно отказаться от военного снаряжения». После этого Цзы Гун спросил: «Если же случится так, что придется еще чем-то пожертвовать, то от чего еще можно отказаться?» Конфуций задумался и сказал: «Можно отказаться от продовольствия. С древности до наших дней люди всегда умирали, но если в народе будет недостаток веры в правителя и его близких, то государство не может быть устойчивым» (С. 193).

[Ученик] Цзы Гун спросил учителя: «Можно ли одним предложением выразить правило, которому необходимо следовать всю жизнь?» Учитель ответил: «Можно. Чего не желаешь себе, того не делай и другим». (С. 193-194).

«Если только учиться и не стремиться к размышлениям, то от этого мало будет проку. А если только размышлять и не учиться, то это приведет к возникновению сомнений и непостоянства» (С. 195-196).

9. Прочитайте рассуждения Джуан-цзы и определите, к какому философскому направлению можно отнести его взгляды.

«Небо и земля существуют вместе со мной, все сущее составляет со мной единое целое». (там же).

«В мире каждая вещь отрицает себя через другую вещь, составляющую ее противоположность. В мире каждая вещь утверждает себя через себя. Разглядеть в одной, отдельно взятой, вещи ее противоположность невозможно, ибо познать вещь можно только непосредственно. Поэтому говорят: «Отрицание исходит из утверждения, а утверждение существует лишь благодаря отрицанию» (С. 215).

«Однажды я, Чжуан Чжоу, увидел себя во сне бабочкой – счастливой бабочкой, которая порхала среди цветков в свое удовольствие и вовсе не знала, что она – Чжуан Чжоу. Внезапно я проснулся и увидел, что я – Чжуан Чжоу. И я не знал, то ли я Чжуан Чжоу, которому приснилось, что он – бабочка, то ли бабочка, которой приснилось, что она – Чжуан Чжоу. А ведь между Чжуан Чжоу и бабочкой, несомненно, есть различие. Вот что такое превращение вещей!» (Антология даосской философии. М., 1994. С. 77)

2.3 ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Почему философские идеи Древней Индии и Древнего Китая называют пред-философией?
2. Какова общая направленность философии Древнего Востока?
3. Как объясняет происхождение мира древнеиндийская философия?
4. Как понимается спасение в индийской философии и религии? Каковы пути его достижения?
5. Каковы «благородные истины» буддизма?
6. Что такое карма?
7. Что такое нирвана?
8. Что такое сансара?
9. Почему в буддизме жизнь рассматривается как страдание?
10. Раскройте содержание понятия «дао» в учении Лао Цзы и его последователей.
11. Какие начала выражают понятия «инь» и «ян»? Какова их взаимосвязь?
12. В чем заключается смысл нравственно-политического учения Конфуция?
13. Как, по Конфуцию, должно быть устроено государство?
14. Какими качествами, по мнению Конфуция, должен обладать «благородный муж»? Какие из этих качеств применимы в современном мире?
15. К какому философскому направлению можно отнести взгляды Чжуан Цзы?

3 АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

3.1 ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

АПЕЙРОН – термин древнегреческой философии, означающий «бесконечное», «неопределенное, неоформленное».

АПОРИЯ – трудноразрешимая проблема, связанная обычно с противоречием между данными наблюдения и опыта и их мысленным анализом.

АТОМ – понятие древнегреческой философии для обозначения мельчайших, далее уже неделимых единиц бытия, из которых состоят все вещи.

ДЕМИУРГ – творец (устроитель) мира.

ДЕТЕРМИНИЗМ – философское учение, признающее, что все процессы и явления, происходящие в мире, взаимосвязаны и обусловлены предшествующими событиями (имеют причину).

ДОБРОДЕТЕЛЬ – положительное нравственное качество.

ДОСОКРАТИКИ – понятие для обозначения ранних греческих философов VI-V вв. до н.э.

ИДЕЯ – в философии Платона бестелесная сущность, являющаяся подлинно объективной реальностью и находящаяся вне конкретных вещей и явлений.

КОСМОГОНΙΑ – учение о происхождении Вселенной и космических объектов.

КОСМОЛОГИЯ – наука, изучающая Вселенную как целое и космические системы как ее части.

ЛОГОС – сквозная смысловая упорядоченность бытия и сознания; противоположность всему безотчетному и бессловесному, бессмысленному и бесформенному в мире и человеку.

МАЙЕВТИКА – разработанный Сократом метод достижения истины посредством наводящих вопросов, подготавливающих правильный вывод.

МИКРОКОСМОС и МАКРОКОСМОС (от греч. «малый мир» и «большой мир») – учение об аналогии и взаимном соответствии между человеком и Вселенной.

НАТУРФИЛОСОФИЯ – философия природы, первая историческая форма философии.

ПАРАДОКС – рассуждение, содержащее логическое противоречие.

СОФИЗМ – логически неправильное рассуждение; мнимое доказательство, выдаваемое за правильное.

3.2 ПЕРСОНАЛИИ

ФАЛЕС – ок. 625-547 гг. до н.э. *Основные труды:* «О началах», «О солнцестоянии», «О равнодействии» - не сохранились

АНАКСИМАНДР – ок. 610-546 гг. до н.э. *Основные труды:* «О природе», «Карта земли», «Глобус» - не сохранились

АНАКСИМЕН – ок. 588-525 гг. до н.э. *Основные труды:* «О природе» - не сохранилась

ПИФАГОР – ок. 580-500 гг. до н.э. *Основные труды*: не сохранились даже названия

ГЕРАКЛИТ – ок. 544-480 гг. до н.э. *Основные труды*: «О природе» - сохранилось около 130 фрагментов

КСЕНОФАН – ок. 565-473 гг. до н.э. *Основные труды*: «Силлы» - сохранилось несколько стихотворений

ПАРМЕНИД – ок. 504/501-? гг. до н.э. *Основные труды*: «О природе»

ЗЕНОН – ок. 490-430 гг. до н.э. *Основные труды*: «Споры», «Против философов», «О природе» - сохранилось несколько фрагментов

ДЕМОКРИТ – ок. 460-370 гг. до н.э. *Основные труды*: около 70 сочинений – не сохранились

СОКРАТ – 470-399 гг. до н.э. *Основные труды*: не писал из принципа

ПЛАТОН – 427-347 гг. до н.э. *Основные труды*: «Апология Сократа», «Протагор», «Пир», «Менон», «Федр», «Государство», «Законы»

АРИСТОТЕЛЬ – 384-322 гг. до н.э. *Основные труды*: «Органон», «Метафизика», «Физика», «О душе», «Никомахова этика», «Политика», «Экономика», «Поэтика», «Риторика».

ЭПИКУР – 341-270/71 гг. до н.э. *Основные труды*: написал около 300 книг, но сохранилось лишь несколько фрагментов

ТИТ ЛУКРЕЦИЙ КАР – 99-55 гг. до н.э. *Основные труды*: «О природе вещей»

3.3 ЗАДАНИЯ

1. Прочитайте сообщения о взглядах философов милетской школы и определите, на какой вопрос они пытались ответить (все цитаты даны по книге: «Антология мировой философии. Т.1. Ч.1. М., 1969):

Аристотель *Metaph. I 3*: «Из первых философов большинство полагало в виде материи единое начало всего: то из чего все сущее состоит, из чего как первого оно рождается и в чем как в последнем оно гибнет; то, сущность чего сохраняется, а состояния изменяются; говорят, что оно и есть основа и начало сущего и что поэтому ничто не рождается и не уничтожается, так как такая природа сохраняется вечно... При этом о числе и виде такого начала не все говорят одно и то же. Фалес – родоначальник этой философии – говорит, что это вода (поэтому и земля из воды появилась); сделал он это предположение, вероятно наблюдая, что все питается влагой и что сама теплота из нее рождается и ею живет... а еще потому, что семена всего [сущего] имеют влажную природу» (с. 268).

Симплиций *Phys. 150, 20*: «Анаксимандр первый назвал началом лежащее в основании» (с. 270).

Симплиций *Phys. 24, 13*: «Анаксимандр Милетский... сказал, что начало и основа всего сущего есть апейрон. Он первый ввел такое название для начала» (с. 270).

Симплиций *Phys. 24, 13*: «Очевидно, что, наблюдая превращение друг в друга четырех стихий, Анаксимандр не счел возможным взять одну из них за основание, но принял за [него] нечто от них отличное» (там же).

Аристотель Phys. III 5: «Некоторые считают таким [началом] апейрон, а не воду или воздух, дабы все прочее не сгнуло в бесконечности этих стихий: ведь все они противоположны друг другу: воздух холоден, вода влажна, огонь горяч. Если бы одна из стихий была апейроном, то все остальные погибли бы. Поэтому говорят, что есть нечто иное, из коего все эти стихии возникают. Но невозможно, чтобы такое тело существовало» (там же).

Симплиций Phys. 24, 26: «Милетец же Анаксимен... ставший другом Анаксимандра, как и последний, говорит, что существует некое лежащее в основании всего единое начало, но оно не столь неопределенно, как у того, а имеет определенную [природу]. И называет он это[начало] воздухом» (с. 274).

Псевдо-Плутарх Strom. 3: «Говорят, что Анаксимен назвал началом всего воздух, по величине беспредельный, но по своим качествам определенный» (там же).

Симплиций Phys. 24, 26: «А различается [воздух] по своей плотности или разреженности своей сущности. При разрежении рождается огонь, а при сгущении – ветер, затем туман, вода, земля, камень. А из этого [возникает] и все прочее» (там же).

2. Проанализируйте рассуждения Гераклита и найдите в них элементы диалектики.

Климент Strom. V 105. «Этот космос, тот же самый для всех, не создал никто ни из богов, ни из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами разгорающимся и мерами погасающим» (с. 275).

Аэций I 7, 22. «Гераклит [учит], что вечный круговращающийся огонь [есть бог], судьба же – логос (разум), созидающий сущее из противоположных стремлений» (там же).

Арий Дидим. Праер. Evang. XV 20. «На входящих в ту же самую реку набегают все новые и новые воды» (с. 276).

Ипполит. Refut. IX 10. «Морская вода и чистейшая, и грязнейшая: рыбам она питье и спасение, людям же гибель и отравка» (там же).

Платон Hipp. Major 289 A. «Прекраснейшая из обезьян безобразна, если ее сравнить с родом человеческим» (там же).

Плутарх. Cons.ad apoll. 10. «Одно и то же живое и умершее, проснувшееся и спящее, молодое и старое, ибо первое исчезает во втором, а второе – в первом» (там же).

Ориген contra Cels. VI 42. «Следует знать, что борьба всеобща, что справедливость в распре, что все рождается через распрю и по необходимости» (там же).

Ипполит. Refut. IX 9. «Не понимают, как расходящееся с самим собой приходит в согласие, самовосстанавливающуюся гармонию лука и лиры» (там же).

Альберт Великий de veget. VI. «Если бы счастьем было услаждение тела, счастливыми назвали бы мы быков, когда они находят горох для еды» (с. 280).

3. Подумайте, на чем основаны рассуждения Ксенофана о богах:

Климент Strom. V 109. «[Ксенофан]: но смертные думают, будто боги рождаются, имеют одежду, голос и телесный образ, как они» (с. 292).

Климент Strom. VII 22. «[Ксенофан]: эфиопы говорят, что их боги курносы и черны; фракияне же [представляют своих богов] голубоглазыми и рыжеватыми» (там же).

Климент Strom. V 110. «[Ксенофан]: но если бы быки, лошади и львы имели руки и могли бы ими рисовать, то лошади изображали бы богов похожими на лошадей, быки же – похожими на быков и придавали бы [им] тела такого рода, каков телесный образ у них самих, [каждые по-своему]» (там же).

Цицерон Acad. II 118. «Все едино и неизменяемо, и это есть бог, никогда не рожденный, вечный, шаровидной формы» (с. 293).

Цицерон de nature Deor. I 11, 28. «Затем Ксенофан, приписав разум Вселенной, которую он, сверх того, считал бесконечной, признал ее богом» (там же).

Диоген IX 19. «Он учит, что ... существо божье шарообразно и нисколько не подобно человеку. Божество все своим существом видит и все оно слышит, однако не дышит. Также все оно есть ум, мышление и вечность» (с. 292).

4. Что вызывает у вас возражения в понимании Парменидом бытия?

Диоген Лаэртский IX 22. «Он сказал, что философий две: одна – сообразно истине, другая – сообразно мнению... Критерием же [истины] он признал разум. И ощущения не точны, [по его мнению]» (с. 293).

Псевдо-Плутарх Strom. 5. «Он объявляет, что, согласно истинному положению вещей, Вселенная вечна и неподвижна... Возникновение же относится к области кажущегося, согласно ложному мнению, бытия. И ощущения он изгоняет из области истины. Он говорит, что, если что-нибудь существует сверх бытия, то оно не есть бытие. Небытия же во Вселенной нет. Вот таким-то образом он оставляет бытие без возникновения» (с. 294).

«VIII 5. Быть или вовсе не быть – вот здесь разрешение вопроса.

IV 3. Есть бытие, а небытия вовсе нету;

Здесь достоверности путь, и к истине он приближает.

V 1. Одно и то же есть мысль и бытие.

VI 1. Слово и мысль бытием должны быть.

VIII 34. Одно и то же есть мысль и то, о чем мысль существует.

Ибо ведь без бытия, в котором ее выраженье,

Мысли тебе не найти.

VIII 3. Не возникает оно, [бытие], и не подчиняется смерти.

Цельное все, без конца, не движется и однородно.

Не было в прошлом оно, не будет, но все – в настоящем.

Без перерыва, одно. Ему ли разыщешь начало?

Как и откуда расти?

VIII 21. Гаснет рождение так и смерть пропадает без вести.

И неделимо оно, ведь все оно сплошь однородно.

VIII 30. ... Могучая необходимость

Держит в оковах его, пределом вокруг ограничив.

Так бытие должно быть, необходимо, конечным:

Нет ему нужды ни в чем, иначе во всем бы нуждалось.

VIII 42. Есть же последний предел, и все бытие отовсюду
Замкнуто, массе равно вполне совершенного шара,
С правильным центром внутри».

(Парменид. О природе вещей // Антология мировой философии. Т.1. Ч.1. С. 296).

5. Попробуйте опровергнуть аргументы Зенона о невозможности множественности и движения:

Симплиций Phys. 140, 27. «Доказывая, что если существует многое, то одно и то же будет ограниченным и беспредельным, Зенон пишет буквально следующее: «Если существует много [вещей], то их должно быть [ровно] столько, сколько их [действительно] есть, отнюдь не больше и не меньше, чем сколько их есть. Если же их столько, сколько есть, то число их ограничено.

Если существует много [вещей], то сущее [по числу] беспредельно. Ибо между [отдельными] существующими [вещами] всегда находятся другие [вещи], а между ними опять другие. И таким образом, сущее беспредельно [по числу]» (с. 298).

Аристотель Phys. VI 9. Есть четыре рассуждения Зенона о движении, доставляющие большие затруднения тем, которые хотят их разрешить. Первое – о несуществовании движения на том основании, что перемещающееся тело должно прежде дойти до половины, чем до конца... Второе – так называемый Ахиллес. Оно заключается в том, что существо более медленное в беге никогда не будет настигнуто самым быстрым, ибо преследующему необходимо раньше прийти в место, откуда уже двинулось убегающее, так что более медленное всегда имеет некоторое преимущество. Третье ... заключается в том, что летящая стрела стоит неподвижно; оно вытекает из предположения, что время слагается из отдельных «теперь»... Четвертое рассуждение относится к двум равным массам, движущимся по ристалищу с противоположных сторон с равной скоростью: одни с конца ристалища, другие от середины, в результате чего, по его мнению, получается, что половина времени равна ее двойному количеству»(с. 299).

6. Прочитайте приведенные ниже размышления софистов и попробуйте проанализировать их с позиций собственного житейского опыта:

Протагор (у Секста adv.math. VII 60). «Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют» (с. 316).

Секст Ругг. Нурот. I 216-219. «Протагор... мерой называет критерий, вещами же – дела (то, что делается); таким образом, он утверждает, что человек есть критерий всех дел: существующих, что они существуют, несуществующих, что они не существуют. И вследствие этого он принимает только то, что является каждому [отдельному человеку], и таким образом вводит [принцип] относительности... /.../ Люди же в различное время воспринимают по-разному, в зависимости от различий своих состояний. А именно тот, кто живет по природе, воспринимает то из заключающегося в материи, что может явиться живущим по природе, живущим же противоестественно – то, что [может являться] живущим противоестественно. И совершенно то же учение дается и в отношении возрастов, и относительно сна или бодрствования, и о каждом виде состояния [человека]. Итак, согласно его учению, критерием существующего является человек. Ибо все, что представляется людям, то и существует...» (с. 316-317).

Платон Cratyl. 385 E. «[Протагор говорил], что мера всех вещей есть человек, то есть какими вещи являются мне, таковы они и суть для меня, а какими [они являются] тебе, таковы они для тебя» (с. 317).

Протагор (у Евсевия Prap. evang. XIV 3, 7). «О богах я не могу знать ни того, что они существуют, ни того, что их нет, ни того, каковы они по виду. Ибо многое препятствует знать [это]: и неясность [вопроса], и кратковременность человеческой жизни» (с. 318).

Секст adv. Math. VII 65. «Из той же группы философов Горгий Леонтинский предводительствовал отрядом отрицавших критерий [истины] на основании иных соображений, чем [какие были] у Протагора и его последователей. ... он устанавливает три положения, непосредственно следующих одно за другим. Одно [положение] - именно первое - гласит, что ничто не существует; второе - что если [что-либо] и существует, то оно непознаваемо для человека; третье - что если оно и познаваемо, то все же по крайней мере оно непередаваемо и необъяснимо для ближнего» (с. 318-319).

7. Рассмотрите взгляды древнегреческих атомистов с позиций современной науки:

Аристотель de gen. Et corr. I 1. «Демокрит же и Левкипп говорят, что [все] прочее состоит из неделимых тел, последние же бесконечны числом и бесконечно разнообразны по формам; вещи же отличаются друг от друга [неделимыми], из которых они состоят, их положением и порядком... Ведь из одних и тех же [букв] возникает трагедия и комедия» (с. 325-326).

Гален de elem. sec. Hipp. I 2. «Атомы суть всевозможные маленькие тела, не имеющие качеств, пустота же - некоторое место, в котором все эти тела в течение всей вечности носясь вверх и вниз, или сплетаются каким-нибудь образом между собой, или наталкиваются друг на друга и отскакивают, расходятся и сходятся снова между собой в такие соединения, и, таким образом, они производят и все прочие сложные [тела], и наши тела, и их состояния и ощущения. Они считают первотела не испытывающими воздействия[извне]... Первотела не могут ни в каком отношении изменяться, они не могут подвергаться изменениям, в существование которых верят все люди на основании чувственного опыта; так, например, ни один из атомов не нагревается, не охлаждается, равным образом не делается ни сухим, ни влажным и тем более не становится ни белым, ни черным и вообще не принимает никакого иного качества вследствие [полного] отсутствия изменения [в атоме]» (с. 326).

Аэций I 25, 4. «Ни одна вещь не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании и в силу необходимости» (с. 327).

Секст adb. math. VII 135. «Демокрит иногда отвергает чувственно воспринимаемые явления и говорит, что ничто из них не является поистине, но лишь по мнению, по истине же существуют [только] атомы и пустота... А именно он говорит: «Лишь в общем мнении существует сладкое, в мнении - горькое, в мнении - теплое, в мнении - холодное, в мнении - цвет, в действительности же [существуют только] атомы и пустота». Это значит: чувственно воспринимаемые [явления] общим мнением признаются существующими, но на самом деле они не существуют, а существуют только атомы и пустота» (с. 330).

Симплиций de caelo 202, 16. «Левкипп и Демокрит говорят, что существует в бесконечной пустоте бесконечное множество миров и что они образуются из бесконечного множества атомов» (с. 335).

Азций IV 3, 5. «Демокрит: [душа] - огнеподобное [соединение] умпостигаемых [телец], имеющих сферические формы и огненное свойство; она есть тело» (с. 340).

Азций IV 7, 4. «Демокрит и Эпикур: душа смертна, она уничтожается вместе с телом» (с. 341).

Азций IV 5, 12. «Парменид, Эмпедокл и Демокрит: душа и ум – одно и то же. По их мнению, не может быть ни одного животного, которое было бы совершенно неразумным» (там же).

8. Прочитайте рассуждения Эпикура, обдумайте их и выскажите свое отношение.

«Приучай себя к мысли, что смерть не имеет к нам никакого отношения. Ведь все хорошее и дурное заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущения. /.../ ... глуп тот, кто говорит, что он боится смерти не потому, что она причинит страдание, когда придет, но потому, что она причиняет страдание тем, что придет: ведь если что не тревожит присутствия, то напрасно печалиться, когда оно только еще ожидается. Таким образом, самое страшное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения, так как, когда мы существуем, смерть еще не присутствует; а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем. Таким образом, смерть не имеет отношения ни к живущим, ни к умершим, так как для одних она не существует, а другие уже не существуют» (с. 355-356).

«Надо принять во внимание, что желания бывают: одни – естественные, другие – пустые, и из числа естественных одни – необходимые, а другие – только естественные; а из числа необходимых одни – необходимые для счастья, другие – для спокойствия тела, третьи – для самой жизни. Свободное от ошибок рассмотрение этих фактов при всяком выборе и избегании может содействовать здоровью тела и безмятежности души, так как это есть цель счастливой жизни: ведь ради этого мы все делаем, именно чтобы не иметь ни страданий, ни тревог...Мы имеем надобность в удовольствии тогда, когда страдаем от отсутствия удовольствия; а когда не страдаем, то уже не нуждаемся в удовольствии. Поэтому-то мы и называем удовольствие началом и концом счастливой жизни...» (с. 356).

«... когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель, то мы разумеем не удовольствия распутников и не удовольствия, заключающиеся в чувственном наслаждении, как думают некоторые, не знающие, или не соглашающиеся, или неправильно понимающие, но мы разумеем свободу от телесных страданий и от душевных тревог. /.../

Начало всего этого и величайшее благо есть благоразумие. Поэтому благоразумие дороже даже философии. От благоразумия произошли все остальные добродетели; оно учит, что нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо, и, наоборот, нельзя жить разумно, нравственно и справедливо, не живя приятно» (с. 357).

9. Что представляют собой идеи (виды) согласно приведенному ниже фрагменту диалога Платона? (Разговор ведут Парменид и Сократ).

«- Так что же? спросил Парменид: каждая мысль будет одно, но мысль – ни о чем? – Но это невозможно, отвечал он. – Значит, о чем-нибудь? – Да. – Существующем или не существующем? – Существующем. Не об одном ли чем, что мыслится как присутствующее всему и представляет одну некоторую идею? – Да. -- Так не вид ли будет это мысли-

мое одно, всегда тождественное во всем? – Необходимо. – Что же теперь? спросил Парменид: если все прочие вещи причастны, говоришь, видов, то не необходимо ли тебе думать, что либо каждая вещь относится к мыслям и все мыслит, либо относящееся к мыслям немысленно? Но и это не имело бы смысла, отвечал он. Впрочем, мне-то, Парменид, скорее всего представляется так: эти виды стоят в природе как бы образцы, а прочие вещи подходят к ним и становятся подобиями; так что самая причастность их видам есть не иное что, как уподобление им» (Парменид 130-135 - с. 395).

10. Обдумайте рассуждение Платона о благе и подумайте над тем, почему идея блага занимает в его иерархии идей высшее положение.

«Это, доставляющее истинность познаваемому и дающее силу познающему, называй идеею блага, причиную знания и истины, поскольку она познается умом. Ведь сколь ни прекрасны оба эти предметы – знание и истина, ты, предполагая другое еще прекраснее их, будешь предполагать справедливо. Как там свет и зрение почитать солнцеобразными справедливо, а солнцем несправедливо, так и здесь оба эти предметы – знание и истину – признавать благовидными справедливо, а благом которое-нибудь из них несправедливо; но природу блага надобно ставить еще выше. /.../ Солнце, скажешь ты, доставляет видимым предметам не только, думаю, способность быть видимыми, но и рождение, и возрастание, и пищу, а само оно не рождается. /.../ Так и благо, надобно сказать, доставляет познаваемым предметам не только способность быть познаваемыми, но и существовать и получать от него сущность, тогда как благо не есть сущность, но по достоинству и силе стоит выше пределов сущности» (Федон 100 В - с. 379-380).

11 Какова, по Платону, природа познания?

«Из богов никто не занимается философией и не желает стать мудрым, поскольку боги и так уже мудры; да и вообще тот, кто мудр, к мудрости не стремится. Но не занимаются философией и не желают стать мудрыми опять-таки и невежды. Ведь тем-то и скверно невежество, что человек ни прекрасный, ни совершенный, ни умный вполне доволен собой. А кто не считает, что в чем-то нуждается, тот и не желает того, в чем, по его мнению, не испытывает нужды» (Пир 203 В – 204 А – с. 385)

«Раз душа бессмертна, часто рождается и видела все и здесь, и в Аиде, то нет ничего такого, чего бы она не познала; поэтому ничего удивительного нет и в том, что и насчет добродетели, и насчет всего прочего она способна вспомнить то, что прежде ей было известно. И раз все в природе друг другу родственно, а душа все познала, ничто не мешает тому, кто вспомнил что-нибудь одно, - люди называют это познанием, - самому найти и все остальное, если только он будет мужествен и неутомим в поисках; ведь искать и познавать – это как раз и значит припоминать» (Менон, 81 С – D – с. 385)

«Человек должен постигать общие понятия, складывающиеся из многих чувственных восприятий, но сводимые разумом воедино. А это есть припоминание того, что некогда видела наша душа, когда она сопутствовала богу, свысока смотрела на то, что мы теперь называем бытием, и, поднявшись, заглядывала в подлинное бытие» (Федр, 249 С – с. 386).

12 Какие признаки тирании выделяет Платон?

«... что делается слишком, то вознаграждается великою переменою в противоположную сторону: так бывает и во временах года, и в растениях, и в телах, так, нисколько не менее, и в правлениях. – Вероятно, сказал он. - Ведь излишняя свобода естественно

должна переводить как частного человека, так и государство ни к чему другому, как к рабству. – Вероятно. – Поэтому естественно, продолжаю я, чтобы тирания происходила не из другого правления, а именно из демократии, то есть из высочайшей свободы, думаю, - сильнейшее и жесточайшее рабство.

Не правда ли, сказал я, что в первые дни и в первое время он (тиран) улыбается и обнимает всех, с кем встречается, не называет себя тираном, обещает многое в частном и общем, освобождает от долгов, народу и близким к себе раздает земли и притворяется милостивым и кротким в отношении ко всем? – Необходимо, сказал он. – Если из внешних-то неприятелей с одними, думаю, он примирился, а других разорил и с этой стороны у него покойно, то ему на первый раз все-таки хочется возбуждать войны, чтобы простой народ чувствовал нужду в вожде. – И естественно. – Внося деньги, граждане не терпят ли бедности? И каждый день занятые пропитанием себя, не тем ли меньше злоумышляют против него? – Очевидно. – А если только начинает он, думаю, подозревать, что кто-нибудь имеет вольные мысли и не попускает ему властвовать, то по какому-нибудь поводу не губит ли таких среди неприятелей? И для всего этого не необходимо ли тирану непрестанно воздвигать войну? – Необходимо. – Делая же это, не тем ли более подвергается он ненависти граждан? – Как же не подвергаться? – Тогда граждане, способствовавшие к его возвышению и имеющие силу, не будут ли смело говорить и с ним, и между собою и, если случатся особенно мужественные, не решатся ли осуждать текущие события? – Вероятно-таки. – Поэтому тиран, если хочет удержать власть, должен незаметно уничтожать всех этих, пока не останется у него ни друзей, ни врагов, от которых можно было бы ожидать какой-нибудь пользы» (Государство 563 E – 564 A, 566 – D – 567 B – с. 401).

13. Что является предметом философии, по Аристотелю?

«Есть некоторая наука, которая рассматривает сущее как такое и то, что ему присуще самому по себе. Эта наука не тождественна ни с одной из частных наук: ни одна из других наук не исследует общую природу сущего как такого, но все они выделяют себе какую-нибудь часть его (сущего) и затем рассматривают относительно этой части то, что ей окажется присущим, так поступают, например, науки математические». «О сущем говорится, правда, в различных значениях (с различных точек зрения), но при этом всегда в отношении к чему-то одному и к одной основной реальности, так что здесь не одна только общность названия; [напротив], [дело обстоит] здесь по образцу того, как все здоровое, например, находится в том или другом отношении к здоровью – или потому, что сохраняет его, или потому, что его производит, или потому, что является его признаком, или, наконец, потому, что способно воспринять его... /.../ Теперь, подобно тому как все, что носит название здорового, составляет предмет одной науки, так точно обстоит дело и в остальных случаях. Ибо одна наука должна рассматривать не только то, что принадлежит к одному [роду], но и то, о чем [так или иначе] говорится в отношении к одной основной реальности; ведь и это все в известном смысле охватывается одним [родом]. Поэтому ясно, что и рассмотрение сущего, поскольку оно сущее, есть дело одной науки. А наука во всех случаях основным образом имеет дело с первым [в данной области] - с тем, от чего все остальное зависит и благодаря чему оно обозначается [как такое]. Следовательно, если это сущность, то философ должен, думается, обладать познанием начал и причин сущностей» (с. 409-410).

«Теперь нужно сказать, должна ли одна [и та же] наука или различные иметь дело с положениями, которые в математике носят название аксиом, с одной стороны, и с сущностью – с другой. Конечно, ясно, что и рассмотрение [таких] аксиом составляет [вместе с рассмотрением сущности] предмет одной науки, а именно той, которою занимается философ; ибо аксиомы эти имеют силу для всего существующего, а не специально для одного какого-нибудь рода отдельно от всех других. И пользуются ими все, потому что это аксиомы, определяющие сущее как такое, а каждый род [изучаемых предметов] есть [некоторое] сущее... Таким образом, ясно, что аксиомы применяются ко всему, поскольку оно есть[нечто] сущее (это ведь то свойство, которое одинаково присуще всему), и, следовательно, человеку, который занимается познанием сущего как такого, надлежит также рассматривать и эти аксиомы. Поэтому никто из тех, кто ведет исследование частного характера, не берется что-либо сказать о них, истинны ли они или нет, - ни геометр, ни арифметик... (с. 410-411).

14. В чем Аристотель видит сущность государства?

«... государство – продукт естественного развития и ... человек по природе своей – существо политическое; кто живет в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств, вне государства, тот или сверхчеловек, или существо, недоразвитое в нравственном отношении... То положение, что человек есть существо, причастное к государственной жизни в большей степени, нежели пчелы и всякого рода животные, живущие стадами, ясно из следующего: вся деятельность природы, согласно нашему утверждению, не бесплодна; между тем один только человек из всех живых существ одарен речью. /.../ Но речь способна выражать и то, что полезно и что вредно, равно как и то, что справедливо и что несправедливо. Это свойство людей, отличающее их от остальных живых существ, ведет к тому, что только человек способен к чувственному восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т.д. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства.

Природа государства стоит впереди природы семьи и индивида: необходимо, чтобы целое предшествовало своей части. /.../ А если индивид не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребности ни в чем, он уже не составляет элемента государства, становясь либо животным, либо божеством.

Во всех людей природа вселила стремление к государственному общению, и первый, кто это общение организовал, оказал человечеству величайшее благо. Человек, нашедший свое завершение в государстве, - совершеннейшее из творений и, наоборот, человек, живущий вне закона и права, занимает жалчайшее место в мире. Ибо опирающееся на вооруженную силу бесправие тяжелее всего. Природа дала человеку в руки оружие – интеллектуальную и моральную силу, но он может пользоваться этим оружием и в обратную сторону; поэтому человек без нравственных устоев оказывается существом самым нечестивым и диким, низменным в своих половых и вкусовых инстинктах. Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее критерием справедливости, является регулирующей нормой политического общения» (с. 466-467).

15. Прокомментируйте» приведенные ниже высказывания Сенеки и Марка Аврелия.

«Если философы и не поступают всегда так, как говорят, то все-таки они приносят большую пользу тем, что они рассуждают, что они намечают нравственные идеалы. А если бы они и действовали согласно своим речам, то никто не был бы счастливее их. Но и так нельзя относиться с пренебрежением к благородным словам и к людям, воодушевленным благородными помыслами. Занятие полезными научными вопросами похвально, даже если бы оно не сопровождалось существенным результатом... Я буду помнить, что моя родина – весь мир, что во главе его стоят боги и что эти строгие судьи моих деяний и слов находятся надо мной и около меня. А когда природа потребует, чтобы я возвратил ей свою жизнь или я сделал это по требованию своего разума, я уйду, засвидетельствовав, что я дорожил чистой совестью и стремился к добру, что ничья свобода, и прежде всего моя собственная, по моей вине не была ограничена...» (Сенека. О блаженной жизни // Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 1. С. 518).

«Чем бы я ни был, я все же только немощное тело, слабое проявление жизненной силы и руководящее начало... Относись же к своему телу с таким же пренебрежением, как если бы ты был при смерти; оно лишь кровь да кости, брэнное плетение из нервов, жил и артерий. Рассмотрим также существо жизненной силы: она – дуновение, притом не остающееся всегда себе равным, а ежемгновенно то выдыхаемое, то вновь вдыхаемое. Итак, остается лишь третье – руководящее начало, и о нем-то ты должен подумать.

Время человеческой жизни – миг; ее сущность – вечное течение; ощущение смутно; строение всего тела брэнно; душа неустойчива; судьба загадочна; слава недостоверна. Одним словом, все относящееся к телу подобно потоку, относящееся к душе – сновиденью и дыму. Жизнь – борьба и странствие по чужбине; посмертная слава – забвение. Но что же может вывести на путь? Ничто, кроме философии». (Марк Аврелий. Наедине с собой // Там же. С. 520).

3.4 ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Каковы особенности древнегреческой философии?
2. Какие школы сложились в философии Древней Греции?
3. Что было предметом исследования философов милетской школы?
4. В чем специфика представлений Гераклита о первоначале?
5. Как понимали бытие представители элеатской школы?
6. Охарактеризуйте взгляды древнегреческих атомистов.
7. Какие взгляды Сократа Вы считаете актуальными и в наши дни?
8. Что такое идея в философии Платона? Почему его взгляды называют объективным идеализмом?
9. Каковы представления Платона о душе?
10. Проанализируйте учение Платона об идеальном государстве. Подумайте, что в этом учении вызывает у Вас согласие или несогласие.
11. Какие разделы философии получили развитие в системе Аристотеля?
12. Как Аристотель различает актуальное и потенциальное бытие?

13. Как Вы думаете, прав ли Аристотель, называя человека существом политическим? Аргументируйте свое мнение.
14. Охарактеризуйте концепцию причинности Аристотеля.
15. Как Вы оцениваете учение стоиков?

4. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФИЛОСОФИЯ

4.1 ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

АБСОЛЮТ (от лат. *absolutus* – безусловный, неограниченный) – философское понятие, обозначающее всеобщую основу мира, полноту бытия и совершенство.

АПОЛОГЕТИКА – ранняя форма христианской философии, целью которой являлась защита основных положений христианства в полемике с античной философией.

КОНЦЕПТУАЛИЗМ – философское учение, которое утверждает, что универсалии не обладают самостоятельной реальностью, но воспроизводят объединяемые в человеческом уме сходные признаки единичных вещей.

КРЕАЦИОНИЗМ – религиозное учение о сотворении мира Богом из ничего.

МИСТИЦИЗМ – религиозно-философская концепция, допускающая возможность непосредственного знания каким-либо человеком непостижимых сущностей и явлений путем прямого пребывания в них его души.

НОМИНАЛИЗМ – философское учение, утверждающее, что универсалии существуют не в действительности, а только в мышлении.

ПАТРИСТИКА – понятие, объединяющее религиозные, философские и политико-социологические учения христианских мыслителей II-VIII вв. (так называемых отцов церкви).

РЕАЛИЗМ в средневековой философии – учение, утверждающее, что универсалии существуют реально и независимо от сознания.

СХОЛАСТИКА – тип религиозной философии, для которой характерны: 1) подчинение философии богословию; 2) соединение христианских догматов с рационалистическими методами; 3) особый интерес к дедуктивной логике.

ТЕОДИЦЕЯ – «оправдание бога», общее обозначение религиозно-философских учений, стремящихся согласовать идею благого и разумного божественного управления миром с наличием мирового зла.

ТЕОЦЕНТРИЗМ – особенность теистической религии, признающей Бога высшим бытием и единственным источником истины, добра и красоты.

УНИВЕРСАЛИЯ – общее понятие.

ЭСХАТОЛОГИЯ – религиозное учение о конечных судьбах мира и человека.

4.2 ПЕРСОНАЛИИ

ТЕРТУЛЛИАН – ок. 160 г. – после 220 г. *Основные труды:* «Апологетика», «К народам», «К Скапуле».

БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИН – 354-430 гг. *Основные труды:* «О граде Божьем», «Исповедь», «Против академиков», «Бессмертие души», «О блаженной жизни».

ИОАНН СКОТ ЭРИУГЕНА – 800-877 гг. *Основные труды:* «О божественном предопределении», «О разделении природы».

АНСЕЛЬМ КЕНТЕРБЕРИЙСКИЙ – 1033-1109 гг. *Основные труды:* «Монологион», «Прослогион», «Об истине», «О свободном выборе».

ПЬЕР АБЕЛЯР – 1079-1142 гг. *Основные труды:* «История моих бедствий», «Христианская теология», «Да и нет», «Диалог между философом, иудеем и христианином», «О божественном единстве и троичности».

ФОМА АКВИНСКИЙ – 1225-1274 гг. *Основные труды:* «Сумма против язычников», «Сумма теологии», «О спорных вопросах истины», «О вечности мира».

ИОАНН ДУНС СКОТ – 1270-1308 гг. *Основные труды:* «Парижские сообщения», «Кембриджские чтения», «Упорядочение».

УИЛЬЯМ ОККАМ – 1285-1349 гг. *Основные труды:* «Сумма всей логики», «Трактат о таинствах».

4.3 ЗАДАНИЯ

1. Какие атрибуты Бога характеризует Августин в приведенном фрагменте?

«Как сотворил ты, всемогущий боже, небо и землю? Конечно, не на небе и не на земле творил ты небо и землю; ни в воздушных странах, ни во глубинах морских, потому что и воздух, и вода принадлежат к небу и земле; не могло это совершиться нигде и в целом мире, чтобы мир творился в мире, потому что мира не было до сотворения его и он никак не мог быть поприщем своего творения. Не было ли у тебя под руками какой-нибудь материи, из которой мог ты сотворить небо и землю? Но откуда взялась бы эта материя, не созданная тобою, а между тем послужившая материалом для твоего творчества? Допущением такой материи неизбежно ограничивалось бы твое всемогущество... До твоего творения твоего ничего не было, кроме тебя, и... все *существующее* зависит от твоего *бытия*» (Исповедь, XI, 5).

«Итак, не слишком ли уже заняты древностью своего происхождения те, которые говорят нам: Что же делал бог до сотворения им неба и земли? Если он оставался в праздности и совершенном покое, то почему не остался в таком же состоянии и навсегда? Если же в боге произошло новое какое-либо движение и новое произволение создать то, чего прежде не творил, то как согласить с непреложною его вечностью появление этой воли, которой до того времени в нем не было? Воля божия присуща богу и предваряет всякое творение; никакого творения не могло бы быть, если бы не предшествовала воля творца. Воля божия принадлежит к самой сущности божественной» (Исповедь, XI, 10).

2. Прочитайте рассуждения Августина о времени. Как они соотносятся с вашими знаниями о времени?

«Что обыкновеннее бывает у нас предметом разговора, как не время? И мы, конечно, понимаем, когда говорим о нем или слышим от других. Что же такое, еще раз повторяю, что такое время? Пока никто меня о том не спрашивает, я понимаю, нисколько не затрудняясь; но, как скоро хочу дать ответ об этом, я становлюсь совершенно в тупик.

Между тем вполне сознаю, что если бы ничего не приходило, то не было бы *прошедшего*, и если бы ничего не проходило, то не было бы *будущего*, и если бы ничего не было действительно существующего, то не было бы и *настоящего* времени. Но в чем состоит сущность первых двух времен, т.е. прошедшего и будущего, когда и прошедшего уже нет, и будущего еще нет? Что же касается до настоящего, то, если бы оно всегда оставалось настоящим и никогда не переходило из будущего в прошедшее, тогда он не было бы временем, а вечностью. А если настоящее остается действительным временем при том только условии, что через него переходит будущее в прошедшее, то как мы можем приписать ему действительную сущность, основывая ее на том, чего нет? Разве в том только отношении, что оно постоянно стремится к небытию, каждое мгновение переставая существовать» (Исповедь, XI 14).

«Можно измерять время только текущее, а прошедшее, равно как и будущее, которых нет в действительности, не могут подлежать нашему наблюдению и измерению» (Исповедь, XI 16).

«Теперь ясно становится для меня, что ни будущего, ни прошедшего не существует и что неточно выражаются о трех временах, когда говорят: прошедшее, настоящее и будущее; а было бы точнее, кажется, выражаться так: настоящее прошедшего, настоящее будущего. Только в душе нашей есть соответствующие тому три формы восприятия, а не где-нибудь инде (т.е. не в предметной действительности). Так, для настоящего прошедших предметов есть у нас память или воспоминание (*memoria*); для настоящего настоящих предметов есть у нас взгляд, воззрение, созерцание (*intuitus*), а для настоящего будущих предметов есть у нас чаяние, упование, надежда (*expectatio*). Говоря таким образом, я не затрудняюсь в понимании тройственности времени, оно становится тогда для меня ясным, и я признаю его тройственность» (Исповедь, XI, 20).

3. Каково отношение между верой и разумом, по мнению Августина?

«К изучению наук нас ведет двоякий путь – авторитет и разум. По отношению ко времени первенствует авторитет, а по отношению к существу дела – разум. Ибо первое предпочитается, когда нужно располагать, а другое наиболее ценится при достижении. Итак, хотя авторитет людей добрых представляется полезнее для невежественной толпы, а разум приличнее для ученых, однако так как всякий человек делается образованным из необразованного, а всякий необразованный не может знать того, каким он должен явиться пред людьми учащими и посредством какой жизни может сделаться способным к учению, то для всех желающих учиться великому и сокровенному дверью к этому служит лишь авторитет...

Авторитет же бывает частью божественный, частью человеческий; но истинный, прочный и высший авторитет тот, который называется божественным» (О порядке, II, 9).

«Самое врачевание души, совершаемое божественным промыслом и неизреченным милосердием, по своей постепенности и раздельности в высшей степени прекрасно. Оно распадается на авторитет и разум. Авторитет требует веры и подготавливает человека к разуму. Разум в свою очередь приводит его к пониманию и знанию. Хотя и разум не оставляет совершенно авторитета, как скоро заходит речь о том, чему должно верить, само собою понятно, что познанная и уясненная истина служит высшим авторитетом» (Об истинной религии XXIV).

4. По какому признаку разделяет Августин человеческое общество на два града?

«... хотя такое множество и таких многочисленных народов, живущих по лицу земному, каждый по особым уставам и обычаям, и различается между собою многочисленным разнообразием языков, оружия, утвари, одежд, тем не менее существовало всегда не более как два рода человеческого общения, которые мы, следуя Писаниям своим, справедливо можем называть двумя градами. Один из них составляется из людей, желающих жить в мире своего рода *по плоти*; другой же – из желающих жить также *по духу*. Когда каждый из них достигает своего желания, каждый в мире своего рода и живет» (О граде божием XIV, 1).

«Итак, два града созданы двумя родами любви: земной – любовью к себе, доведенною до презрения к богу, а небесный – любовью к богу, доведенною до презрения к самому себе. Первый затем полагает славу свою в самом себе, последний – в госпoде. Ибо тот ищет славы от людей, а для этого величайшая слава бог, свидетель совести. Тот в своей славе возносит главу свою, а этот говорит своему богу: *слава моя, и возносяй главу мою* (Пс. III, 4). Над тем господствует похоть господствования, управляющая и правителями его, и подчиненными ему народами; в этом по любви служат взаимно друг другу и предстоятели, руководя, и подчиненные, повинувась. Тот в своих великих людях любит собственную силу, а этот говорит своему богу: *возлюблю тя, господи, крепосте моя* (Пс. XVII, 2)» (О граде божием, XIV, 28).

5. Чем завершится история человечества, по мнению Августина?

«Итак, этот небесный град, пока находится в земном странствовании, призывает граждан всех народов и набирает странствующее общество во всех языках, не придавая значения тому, что есть различного в правах, законах и учреждениях, которыми мир земной устанавливается или поддерживается; ничего из последнего не отменяя и не разрушая, а, напротив, сохраняя и соблюдая все, что у разных народов и различно, но направляется к одной и той же цели земного мира, если только не препятствует религии, которая учит почитанию единого высочайшего и истинного бога» (О граде божием XIX, 17).

«Весь человеческий род, жизнь которого от Адама до конца настоящего века есть как бы жизнь одного человека, управляется по законам божественного промысла так, что является разделенным на два рода. К одному из них принадлежит толпа людей нечестивых, носящих образ земного человека от начала до конца века. К другому – ряд людей, преданных единому богу, но от Адама до Иоанна Крестителя проводивших жизнь земного человека в некоторой рабской праведности; его история называется Ветхим заветом, так сказать обещавшим земное царство, и вся она есть не что иное, как образ нового народа и Нового завета, обещающего царство небесное. Между тем временная жизнь последнего народа начинается со времени пришествия госпoда в уничижении и [продолжается] до самого дня суда, когда он явится во славе своей. После этого дня, с уничтожением ветхого человека, произойдет та перемена, которая обещает ангельскую жизнь; ибо все мы восстанем, но не все переменимся. Народ благочестивый восстанет для того, чтобы остатки своего ветхого человека переменить на нового; народ же нечестивый, живший от начала до конца ветхим человеком, восстанет для того, чтобы подвергнуться вторичной смерти» (Об истинной религии XXVII).

6. Прочитайте приведенный ниже фрагмент из сочинения Абеяра «Диалог между философом, иудеем и христианином» и выскажите свое мнение.

«... удивительно, что в то время, как с веками и сменой времен возрастают человеческие знания обо всех сотворенных вещах, в вере же, заблуждения в которой грозят величайшими опасностями, нет никакого движения вперед. Но юноши и старцы, как невежественные, так и образованные, утверждают, что они мыслят о вере совершенно одинаково и тот считается крепчайшим в вере, кто совершенно не отступает от общего с большинством мнения. А это, разумеется, происходит обязательно, потому что расспрашивать у своих о том, во что должно верить, не позволено никому, как и не позволено безнаказанно сомневаться в том, что утверждается всеми. Ибо людям становится стыдно, если их спрашивают о том, о чем они не в состоянии дать ответа...

Первые же (то есть опирающиеся на закон) впадают в столь великое безумие, что, как они сами признают, не стыдятся заявлять о своей вере в то, чего понять не могут, как будто бы вера заключается скорее в произнесении слов, нежели в духовном понимании, и более присуща устам, чем сердцу. И эти люди особенно похваляются, когда им кажется, что они верят в столь великое, чего они не в состоянии ни высказать устами, ни постигнуть разумом. И до такой степени дерзкими и высокомерными делает их исключительность их собственного убеждения, что всех тех, кого они находят отличающимися от них по вере, они провозглашают чуждыми милосердия божьего и, осудив всех прочих, считают блаженными только себя» (Цит. по: Антология мировой философии. М., 1966. Т. 1. С. 805).

8. Подумайте, должен ли современный человек обладать теми нравственными качествами, которые описывает Абеяра:

«... праведность есть добродетель, служившая общей пользе и определявшая достоинство каждого. Это такая добродетель, благодаря которой мы желаем, чтобы каждый получил то, его достоин, дабы общее благо не претерпело ущерба. Действительно, часто случается, что, пока мы воздаем кому-нибудь по заслугам, то, что делается ради одного, наносит общий ущерб. Таким образом, характерно, что часть не наносит ущерба целому, а единичность, служа общей пользе, - общности. Из этого следует, что цель прямо связывает все, что мы совершаем, чтобы каждый всегда мог думать не столь о собственном благе, сколь об общем, замечать дело не столь семейное, сколь государственное, и жить не столько ради себя, сколько ради отчизны».

«Правдивость есть то, благодаря чему мы усердно стремимся исполнить обещания, из-за которых становимся должниками. Ведь если мы обещаем то, чего [обещать] не следует, то нас не сочтут виновными, поскольку мы не выполнили то, должниками чего никоим образом не делает нас дурное обещание. Тот же, кто выполняет то, чего обещать было нельзя, удваивает эффект дурного деяния, так как к нелепому обещанию присоединяет нелепый же поступок, и вместо того чтобы его пресечь, воздержавшись от тягот по его выполнению, он принимает решение исправить дурной обет деянием».

Почтительностью мы называем ту часть праведности, благодаря которой мы добровольно должны всем воздать должное [им] уважение, - как Богу, что называется религией, так и людям достойным [его] благодаря их власти или заслуге, что и называется почтением (*observantia*). Сюда, очевидно, включается добродетель повиновения (*obedientia*),

поскольку, судя по заветам, нужно повиноваться вышестоящим; мы воздаем им почести тем, что никогда не пренебрегаем их разумными установлениями» (там же, с. 806).

7. Проанализируйте рассуждения Фомы Аквинского о соотношении философии и теологии.

«Для спасения человеческого было необходимо, чтобы сверх философских дисциплин, которые основываются на человеческом разуме, существовала некоторая наука, основанная на божественном откровении; это было необходимо прежде всего потому, то человек соотнесен с богом как с некоторой своей целью. Между тем цель эта не поддается постижению разумом... Между тем должно, чтобы цель была заранее известна людям, дабы они соотносили с ней свои усилия и действия. Отсюда следует, что человеку необходимо для своего спасения знать нечто такое, что ускользает от его разума, через божественное откровение. /.../

Итак, было необходимо, чтобы философские дисциплины, которые получают свое знание от разума, были дополнены наукой, священной и основанной на откровении» (Сумма теологии I, q. 1, 1 c).

«Священное учение есть наука. Следует, однако, знать, что природа наук бывает двоякой. Одни из них таковы, что зиждутся на основоположениях, непосредственно отысканных естественной познавательной способностью, как-то: арифметика, геометрия и другие в этом же роде. Другие таковы, что зиждутся на основоположениях, отысканных при посредстве иной, и притом высшей, дисциплины; так, теория перспективы зиждется на основоположениях, выясненных геометрией, а теория музыки – на основоположениях, выясненных арифметикой. Священное учение есть такая наука, которая относится ко второму роду, ибо она зиждется на основоположениях, выясненных иной, высшей наукой; последняя есть то знание, которым обладает бог, а также те, кто удостоен блаженства. Итак, подобно тому как теория музыки принимает на веру основоположения, переданные ей арифметикой, совершенно так же священное учение принимает на веру основоположения, преподанные ей богом» (Сумма теологии, I, q. 1. 1 ad 2).

«Эта наука (теология) может взять нечто от философских дисциплин, но не потому, что испытывает в этом необходимость, а лишь ради большей доходчивости преподаваемых ею положений. Ведь основоположения свои она заимствует не от других наук, но непосредственно от бога через откровение. Притом же она не следует другим наукам, как высшим по отношению к ней, но прибегает к ним, как к подчиненным ей служанкам, подобно тому как теория архитектуры прибегает к служебным дисциплинам или теория государства прибегает к науке военного дела. И само то обстоятельство, что она все-таки прибегает к ним, проистекает не от ее недостаточности или неполноты, но лишь от недостаточности нашей способности понимания: последнюю легче вести от тех предметов, которые открыты естественному разуму, источнику прочих наук, к тем предметам, которые превыше разума и о которых трактует наша наука» (Сумма теологии, I, q. 1, 5 ad 2).

8. Ознакомьтесь с доказательствами бытия Бога у Фомы Аквинского и попробуйте их опровергнуть.

«Бытие божие может быть доказано пятью путями.

Первый и наиболее очевидный путь исходит из понятия движения. В самом деле, не подлежит сомнению и подтверждается показаниями чувств, то в этом мире нечто

движется. /.../ ... все, что движется, должно иметь источником своего движения нечто иное. Следовательно, коль скоро движущий предмет и сам движется, его движет еще один предмет и так далее. Но невозможно, чтобы так продолжалось до бесконечности, ибо в таком случае не было бы перводвигателя, а следовательно, и никакого иного двигателя, ибо источники движения второго порядка сообщают движение лишь постольку, поскольку сами движимы первичным двигателем, как-то: посох сообщает движение лишь постольку, поскольку сам движим рукой. Следовательно, необходимо дойти до некоторого перводвигателя, который сам не движим ничем иным; а под ним все разумеют бога.

Второй путь исходит из понятия производящей причины. В самом деле, мы обнаруживаем в чувственных вещах последовательность производящих причин; однако не обнаруживается и невозможен такой случай, чтобы вещь была своей собственной производящей причиной; тогда она предшествовала бы самой себе, что невозможно. Нельзя помыслить и того, чтобы ряд производящих причин уходил в бесконечность, ибо в таком ряду начальный член есть причина среднего, а средний – причина конечного (причем средних членов может быть множество или только один). Устраняя причину, мы устраняем и следствия. Отсюда, если в ряду производящих причин не станет начального члена, не станет также конечного и среднего. Но если ряд производящих причин уходил бы в бесконечность, отсутствовала бы первичная производящая причина; а в таком случае отсутствовали бы и конечное следствие, и промежуточные производящие причины, что очевидным образом ложно. Следовательно, необходимо положить некоторую первичную производящую причину, которую все именуют богом.

Третий путь исходит из понятий возможности и необходимости и сводится к следующему. Мы обнаруживаем среди вещей такие, для которых возможно и быть, и не быть; обнаруживается, что они возникают и гибнут, из чего явствует, что для них возможно и быть, и не быть. Но для всех вещей такого рода невозможно вечное бытие; коль скоро нечто может перейти в небытие, оно когда-нибудь перейдет в него. Если все может не быть, когда-нибудь в мире ничего не будет. Но если это истинно, уже сейчас ничего нет, ибо не-сущее не приходит к бытию иначе, как через нечто сущее. Итак, если бы не было ничего сущего, невозможно было бы, чтобы что-либо перешло в бытие, и потому ничего не было бы, что очевидным образом ложно. Итак, не все сущее случайно, но в мире должно быть нечто необходимое. Однако все необходимое либо имеет некоторую внешнюю причину своей необходимости, либо не имеет. Между тем невозможно, чтобы ряд необходимых сущностей, обуславливающих необходимость друг друга, уходил в бесконечность (таким же образом, как это происходит с производящими причинами, что доказано выше). Поэтому необходимо положить некую необходимую сущность, необходимую самое по себе, не имеющую внешней причины своей необходимости, но самую составляющую причину необходимости всех иных; по общему мнению, это есть бог.

Четвертый путь исходит из различных степеней, которые обнаруживаются в вещах. Мы находим среди вещей более или менее совершенные, или истинные, или благородные; и так обстоит дело и с прочими отношениями того же рода. Но большей или меньшей степени говорят в том случае, когда имеется различная приближенность к некоторому пределу; так, более теплым является то, что приближается к пределу теплоты. Итак, есть нечто в предельной степени обладающее истиной, и совершенством, и благородством, а следовательно, и бытием; ибо то, что в наибольшей степени истинно, в наи-

большей степени есть... Но то, что в предельной степени обладает некоторым качеством, есть причина всех проявлений этого качества; так, огонь, как предел теплоты, есть причина всего теплого... Отсюда следует, что есть некоторая сущность, являющаяся для всех сущностей причиной блага и всяческого совершенства; и ее мы именуем богом.

Пятый путь исходит из распорядка природы. Мы убеждаемся, что предметы, лишенные разума, каковы природные тела, подчиняются целесообразности. Это явствует из того, что их действия или всегда, или в большинстве случаев направлены к наилучшему исходу. Отсюда следует, что они достигают цели не случайно, но будучи руководимы сознательной волей. Поскольку же сами они лишены разума, они могут подчиняться целесообразности лишь постольку, поскольку их направляет некто одаренный разумом и пониманием, как стрелок направляет стрелу. Следовательно, есть разумное существо, полагающее цель для всего, что происходит в природе; и его мы именуем богом» (Сумма теологии, I, q. 2, 3 с).

9. Как взаимосвязаны материя и форма, согласно представлениям Фомы Аквинского? Что общего в его взглядах по этому вопросу и во взглядах Аристотеля?

«Итак, следует разуметь, что бесконечное именуется так потому, что оно ничем не ограничено. Между тем и материя некоторым образом ограничена формой, и форма – материей. Материя ограничена формой постольку, поскольку до принятия формы она потенциально открыта для многих форм, но, как только воспринимает одну из них, через нее становится замкнутой. Форма же ограничена материей постольку, поскольку форма сама по себе обща многим вещам; но, после того как ее воспримет материя, она определяется как форма данной вещи. При этом материя получает от ограничивающей ее формы устройство; поэтому та относительная бесконечность, которая приписывается материи, имеет характер несовершенства. Это материя, как бы лишенная формы. Но форма не получает от материи устройства, а скорее сужается в своем объеме; отсюда та относительная бесконечность, которая уделена форме, не замкнувшейся в материю, имеет характер совершенства» (Сумма теологии, I, q. 7, 1 с).

10. В чем Фома Аквинский видит различия между чувственным и рациональным познанием?

«Нам свойственно от природы познавать то, что обретает свое бытие лишь в прошедшей индивидуации материи, ибо душа наша, посредством которой мы осуществляем познание, есть форма некоторой материи. Но душа имеет две возможности познания. Первая состоит в акте некоторого телесного органа; ей свойственно распространяться на вещи постольку, поскольку они даны в прошедшей индивидуации материи; отсюда ощущение познает лишь единичное. Вторая познавательная возможность души есть интеллект, который не есть акт какого-либо телесного органа. Отсюда через интеллект нам свойственно познавать сущности, которые, правда, обретают бытие лишь в прошедшей индивидуации материи, но познаются не постольку, поскольку даны в материи, но поскольку абстрагированы от нее через интеллектуальное созерцание. Отсюда в интеллектуальном познании мы можем брать какую-либо вещь обобщенно, что превышает возможности ощущения» (Сумма теологии, I, q. 12, 4 с).

11. Какие причины человеческого невежества раскрывает Роджер Бэкон?

«Действительно, существуют четыре величайших препятствия к постижению истины. Они мешают всем и каждому мудрому человеку и едва позволяют достичь подлинной мудрости. А именно: это пример жалкого и недостойного авторитета, постоянство привычки, мнение несведущей толпы и прикрытие собственного невежества показной мудростью. Ими опутан всякий человек и охвачено всякое состояние, ибо в жизни, науках и всяком занятии для одного и того же вывода пользуются тремя наихудшими доводами: это передано нам от предков; это привычно; это общепринято, следовательно, этого должно придерживаться. /.../ Но когда указанные три [достоинства] опровергаются великолепной мощью разума, на устах у всех всегда наготове четвертый, используемый для оправдания собственного невежества. И хотя бы они не знали ничего достойного, они неразумно его возвеличивают, дабы во утешение злосчастной своей глупости подавить и задуть истину.

От этой смертоносной чумы происходят все бедствия человеческого рода, ибо из-за этого остаются непознанными полезнейшие, величайшие и прекраснейшие свидетельства мудрости и тайны всех наук и искусств. Но еще хуже то, что люди, слепые от мрака этих четырех препятствий, не ощущают собственного невежества, а со всем тщанием обороняют и защищают его, поскольку не находят от него лекарства. А самое худшее – то, что, погрузившись в глубочайший мрак заблуждений, они полагают, что находятся в полном свете истины. Из-за этого они самое истинное считают последней ложью, самое лучшее – лишенным цены, самое великое – не имеющим ни веса, ни ценности и, напротив того, прославляют все самое ложное, восхваляют самое худшее, превозносят самое низкое и, ослепленные, не видят подлинного сияния мудрости и отвергают то, чего могли бы с величайшей легкостью достичь» (Цит. по: Антология мировой философии. Т. 1. С. 862).

12. Прочитайте рассуждение Оккама об универсалиях и определите, к какому направлению (реализму или номинализму) можно отнести его взгляды.

«... мы должны сказать, что любая универсалия есть некая единичная вещь и универсалия она только благодаря тому, что она есть обозначение, поскольку она знак многих вещей...

Необходимо, однако, знать, что универсалии бывают двух видов: универсалия по природе, то есть естественный знак, который может сказываться о многих вещах, подобно тому как дым, естественно, указывает на огонь, стон – на страдания больного, смех – на внутреннюю радость; и такая универсалия есть лишь интенция души, и потому никакая субстанция вне души и ни одна акциденция вне души не есть такая универсалия. /.../ Другой вид – это универсалия по установлению. В этом смысле и произнесенное слово, которое поистине есть некоторое качество, представляет собой универсалию, ибо оно знак, установленный для обозначения множества вещей. Поэтому, так же как говорят, что произнесенное слово общеупотребительно, так и можно сказать, что оно универсалия, но не по природе, а только по установлению...» (там же, с. 896).

«Об этом можно сказать иначе. Я утверждаю, что универсалия не есть нечто реальное, имеющее в душе или вне ее субъектное бытие (*esse subjectivum*), а имеет в ней лишь объектное бытие (*esse objectivum*) и есть некий мысленный образ (*factum*), существующий в объектном бытии, так же как внешняя вещь – в субъектном бытии. Поясню это следующим образом: разум, видящий некую вещь вне души, создает в уме подобный ей

образ так, что если бы он в такой же степени обладал способностью производить, в какой он обладает способностью создавать образы, то он произвел бы внешнюю вещь в субъектном бытии, лишь численно отличающуюся от предыдущей. Дело обстоит совершенно так же, как бывает с мастером. В самом деле, так же как мастер, видя дом или какое-нибудь строение вне души, создает в своей душе образ подобного ему дома, а затем строит подобный ему дом вовне, который лишь численно отличается от предыдущего, так и в нашем случае образ, созданный в уме на основании того, что мы видели внешнюю вещь, есть образец, ибо, так же как образ дома (если тот, кто создает этот образ, имеет реальную способность производить) есть для самого мастера образец, так и тот образ есть образец для того, кто создает его. И сей [образ] можно назвать универсалией, ибо он образец и одинаково относится ко всем единичным внешним вещам и ввиду этого сходства в объектном бытии может замещать вещи, которые обладают сходным бытием вне разума. Таким образом, в этом смысле универсалия такова не первично, а получается через абстрагирование, которое есть не что иное, как некий вид создания образов...» (там же, с. 898-899).

4.4 ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Когда возникла христианская философия?
2. Какую роль в становлении христианской философии сыграла апологетика?
3. Каковы основные черты патристики?
4. Охарактеризуйте взгляды Августина Блаженного.
5. Какие этапы выделяют в развитии схоластики?
6. Какие проблемы изучала схоластическая философия?
7. Что такое универсалия? Какие направления сложились в схоластике в споре об универсалиях?
8. Назовите представителей реализма и дайте его общую характеристику.
9. Назовите представителей номинализма и дайте его общую характеристику.
10. Какова позиция концептуализма в вопросе о природе общих понятий?
11. Наследие каких античных мыслителей оказало существенное влияние на средневековую христианскую философию? Аргументируйте Ваш ответ.
12. В чем вы видите преемственность взглядов Фомы Аквинского по отношению к Аристотелю?
13. Какие доказательства бытия Бога сформулировал Фома Аквинский? Как Вы думаете, зачем понадобились эти доказательства?
14. Каково отношение между богословием (теологией) и философией, согласно Аквинскому? Какую роль богословие играет по отношению к другим наукам?
15. Как применяется «бритва Оккама» в научных исследованиях?

5 ФИЛОСОФИЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

5.1 ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ – воззрение, согласно которому человек есть центр и высшая цель мироздания.

ГУМАНИЗМ – система воззрений, признающая ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО – понятие, обозначающее совокупность принципов, правил, прав, ценностей, продиктованных естественной природой человека и тем самым независимых от конкретных социальных условий и государства.

НАТУРАЛИЗМ – взгляд на мир, согласно которому природа выступает как единый, исключаящий сверхъестественное, универсальный принцип объяснения всего сущего.

НАТУРФИЛОСОФИЯ – философия природы, умозрительное истолкование природы, рассматриваемой в ее целостности.

ПАНТЕИЗМ – философское учение, отождествляющее Бога и мир.

УТОПИЯ – изображение идеального общественного строя, лишенное научного обоснования.

5.2 ПЕРСОНАЛИИ

НИКОЛАЙ КУЗАНСКИЙ – 1401-1464 гг. *Основные труды:* «Об ученом незнании», «Об искании бога», «Простец», «Начало».

ЛОРЕНЦО ВАЛЛА – 1407-1457 гг. *Основные труды:* «О наслаждении как истинном благе»

ПЬЕТРО ПОМПОНАЦЦИ – 1462-1524 гг. *Основные труды:* «О бессмертии души», «О судьбе, свободе воли, предопределении и божественном провидении»

ПИКО де ла МИРАНДОЛА – 1463-1494 гг. *Основные труды:* «О достоинстве человека», «900 тезисов».

ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ – 1467-1536 гг. *Основные труды:* «Похвальное слово Глупости»

НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ – 1469-1527 гг. *Основные труды:* «Государь», «История Флоренции».

ТОМАС МОР – 1478-1535 гг. *Основные труды:* «Утопия».

БЕРНАРДИНО ТЕЛЕЗИО – 1509-1588 гг. *Основные труды:* «О природе вещей в соответствии с ее собственными началами»

ЖАН БОДЕН – 1530-1596 гг. *Основные труды:* «Шесть книг о государстве»

МИШЕЛЬ МОНТЕНЬ – 1533-1592 гг. *Основные труды:* «Опыты»

ЯКОБ БЁМЕ – 1575-1624 гг. *Основные труды:* «Аврора, или утренняя заря в восхождении», «О вочеловечении Иисуса Христа»

ГУГО ГРОЦИЙ – 1583-1645 гг. *Основные труды:* «Три книги о праве войны и мира», «Свободное море».

ТОММАЗО КАНПАНЕЛЛА – 1589-1639 гг. *Основные труды:* «Город Солнца».

5.3 ЗАДАНИЯ

1. Согласны ли вы с приведенным рассуждением Николая Кузанского?

«Разум так же близок к истине, как многоугольник к кругу; ибо, чем больше число углов вписанного многоугольника, тем более он приблизится к кругу, но никогда не станет равным кругу даже в том случае, когда углы будут умножены до бесконечности, если только он не станет тождественным кругу.

Итак, ясно одно, что все, что мы знаем об истине, - это то, что истину невозможно постигнуть таковой, какова она есть доподлинно, ибо истина, являющаяся абсолютной необходимостью, не может быть ни большей, ни меньшей, чем она есть и чем представляется нашему разуму как некая возможность. Итак, сущность вещей, которая есть истина бытия, недостижима в своей чистоте. Все философы искали эту истину, но никто ее не нашел, какой она есть, и, чем глубже будет наша ученость в этом незнании, тем ближе мы подойдем к самой истине» (Об ученом незнании // Антология мировой философии. М., 1970. Т.2. С. 56).

2. Какая точка зрения на взаимосвязь Бога и природы содержится в данном фрагменте из Кузанского?

«Бог – да благословенно имя его – сотворил все вещи: когда каждая вещь старается сохранить свое существование как божий дар, она совершает это сопричастно с другими предметами; например, нога не только полезна самой себе, но и для глаза, для рук, тела, для всего человека, потому что служит для передвижения. Так же обстоит дело с глазом и другими членами и частями мира. Платон говорил, что мир – животное. Если понимать бога, как душу этого мира, без всякого поглощения ее им, то многое из того, что мы сказали, станет ясно» (там же, с. 67).

«Бог существует только как абсолют и, так сказать, является абсолютным всепожирающим огнем и абсолютным светом. /.../ и свет этот скрытно и проникновенно, как бы имматериально ограниченный, пребывает в умственной жизни живущих. /.../

Бог, эта абсолютная максимальность, есть одновременно творец всех своих созданий, единственный, знающий их и ту цель, чтобы все было в нем и ничего не было бы вне его, /.../ являющийся началом, средством и концом всего, центром и окружностью Вселенной таким образом, что он есть предмет всех исследований, ибо без него все вещи – небытие» (там же, с. 68).

3. Какое место отводит Николай Кузанский вере в познавательной деятельности человека?

«Наши предки утверждают единодушно, что вера есть начало умственной жизни.

В каждой области надо предполагать некоторые вещи, как первоначала, принципы, исходящие из одной веры, откуда возникают разумение предметов, которые изучают, обсуждают.

Всякий человек, желающий подняться до познания чего-либо, необходимо должен верить в то, без чего он не может подняться. Как говорит Исайя: «Если не поверите, то и не поймете».

Вера включает в себя все, что умопостижимо. Разум, в противовес этому, есть то, что включает вера. Разум направляется верой, а вера раскрывается разумом. Где нет здоровой веры, там нет и настоящего разума» (там же, с. 72-73).

4. Что является основой научного познания, по мнению Леонардо да Винчи?

«Пусты и полны заблуждений те науки, которые не порождены опытом, отцом всякой достоверности, и не завершаются в наглядном опыте, т.е. те науки, начало, середина или конец которых не проходят ни через одно из пяти чувств. И если мы подвергаем сомнению достоверность всякой ощущаемой вещи, тем более должны мы подвергать сомнению то, что восстает против ощущений, каковы, например, вопросы о сущности бога и души и тому подобные, по поводу которых всегда спорят и сражаются. И поистине, всегда там, где недостает разумных доводов, там их заменяет крик, чего не случается с вещами достоверными. Вот почему мы скажем, что там, где кричат, там истинной науки нет, ибо истина имеет одно-единственное решение, и, когда оно оглашено, спор прекращается навсегда. И если спор возникает снова и снова, то эта наука – лживая и путаная, а не возродившаяся [на новой основе] достоверность.

Истинные науки – те, которые опыт заставил пройти сквозь ощущения и наложил молчание на языки спорщиков. Истинная наука не питает сновидениями своих исследователей, но всегда от первых истинных и доступных познанию начал постепенно продвигается к цели при помощи истинных заключений, как это явствует из первых математических наук, называемых арифметикой и геометрией, т.е. числа и меры» (Об истинной и ложной науке / Антология мировой философии. Т. 2. С. 86).

5. В чем видит достоинство и счастье человека Помпонаци?

«Поскольку же, предпочитая смерть за отечество, за друзей ради того, чтобы избежать порока, люди приобретают высочайшую добродетель и приносят пользу другим, так что все одобряют такого рода деяния, и поскольку нет ничего выше и счастливей самой добродетели, то именно ее и следует предпочесть. Совершая же преступления, человек в высшей мере вредит обществу, а стало быть, и себе, так как сам он есть часть общества, и впадает в порок, что есть величайшее несчастье, так как он перестает быть человеком, как говорит Платон во множестве мест «Государства», и потому этого всячески следует избегать. Следуя же добродетели, человек достигает счастья, хотя бы частичного и не длительного; следствием же греха является несчастье, ибо, по свидетельству Платона, порок есть несчастье, а в конечном счете – смерть, так как благодаря совершенному преступлению не достигается бессмертие, разве что в виде беславия и позора.

Но очевидно, что первое есть меньшее зло, чем второе. И долгая жизнь в беславии не предпочтительнее краткой похвальной жизни, так как жизнь человеческая, даже самая краткая, предпочтительнее сколько угодно долгой жизни скота. /.../

... ни одно зло в сущности не остается безнаказанным и ни одно благо не остается в сущности без вознаграждения. Ибо надо знать, что воздаяние и возмездие двояки: одно существенно и неотделимо, другое же отделимо и привходяще. Существенное воздаяние добродетели есть сама добродетель, которая делает человека счастливым. Ибо человеческая природа не может достичь ничего более великого, чем сама добродетель, потому что она одна придает человеку уверенность и избавляет от всяческого смятения. Ведь в праведнике все согласно: ничего не боясь, ни на что не надеясь, он равно ведет себя в пре-

успеху и в бедствиях. /.../ И наоборот, то же можно сказать и о пороке: ведь возмездие грешнику есть сам порок, несчастнее и низменнее которого нет ничего.

А сколько превратна жизнь злодея и как следует бежать ее, с очевидностью показал Аристотель в VII книге «Этики», где он доказывает, что злодею все враждебно: он никому не верит, ни даже себе самому, не находит покоя ни в бодрствовании, ни во сне и мучается тяжчайшими недугами тела и духа – жалкая жизнь!

Так что ни один мудрец, как бы ни был он нищ, немощен телом, лишен земных благ, не предпочтет жизни тирана или какого-нибудь погрязшего в пороках властелина, но разумно пожелает пребывать в своем состоянии.

Итак, всякий добродетельный человек вознаграждается своей добродетелью и счастьем. /.../ Противное происходит с пороком. Поэтому ни один злодей не остается безнаказанным, поскольку сам порок ему наказание» (Трактат о бессмертии души / Антология мировой философии. Т. 2. С. 92-93).

6. Разделяете ли вы точку зрения Томаса Мора на причины социального неравенства?

Платон «легко усмотрел, что один-единственный путь к благополучию общества заключается в объявлении имущественного равенства, а вряд ли это когда-либо можно выполнить там, где у каждого есть своя собственность. Именно если каждый на определенных законных основаниях старается присвоить себе сколько может, то, каково бы ни было имущественное изобилие, все оно попадает немногим; а они, разделив его между собою, оставляют прочим одну нужду, и обычно бывает так, что одни вполне заслуживают жребия других: именно первые хищны, бесчестны и никуда не годны, а вторые, наоборот, люди скромные и простые и повседневным трудом приносят больше пользы обществу, чем себе лично.

Поэтому я твердо убежден в том, что распределение средств равномерным и справедливым способом и благополучие в ходе людских дел возможно только с совершенным уничтожением частной собственности; но если она останется, то у наибольшей и наилучшей части человечества навсегда останется горькое и неизбежное бремя скорбей. Я, правда, допускаю, что оно может быть до известной степени облегчено, но категорически утверждаю, что его нельзя совершенно уничтожить» (Утопия / там же. С. 101).

7. В чем видит сущность религии Монтень? Согласны ли вы с его мнением?

«Вполне вероятно, что вера в чудеса, видения, колдовство и иные необыкновенные вещи имеет своим источником главным образом воображение, воздействующее с особой силой на души людей простых и невежественных, поскольку они податливей других. Из них настолько вышибли способность здраво судить, воспользовавшись их легковерием, что им кажется, будто они видят то, чего на деле вовсе не видят. Если чудеса и существуют, то только потому, что мы недостаточно знаем природу, а вовсе не потому, что это ей свойственно. Привычка притупляет остроту наших суждений. Дикари для нас нисколько не большее чудо, чем мы сами для них.

Поскольку люди в силу несовершенства своей природы не могут довольствоваться доброкачественной монетой, мусть между ними обращается и фальшивая. Это средства применялось решительно всеми законодателями, и нет ни одного государственного устройства, свободного от примеси какой-нибудь напыщенной чепухи или лжи, необходи-

мых, чтобы налагать узду на народ и держать его в подчинении. /.../ Именно это и придавало вес даже порочным религиям и побуждало разумных людей делаться их приверженцами... любой свод законов обязан своим происхождением кому-нибудь из богов, что ложно во всех случаях, за исключением лишь тех законов которые Моисей дал иудеям по выходе из Египта. Все правительства извлекали пользу из благочестия верующих» (Опыты / там же. С. 138).

8. Как относится Монтень к представлениям о бессмертии души?

«Для христиан натолкнуться на вещь невротную – повод к вере. И это тем разумнее, чем сильнее такая вещь противоречит человеческому разуму. Если бы она согласовалась с разумом, то не было бы чуда. Одни уверяют, будто верят в то, во что на деле не верят; другие (и таких гораздо больше) внушают это самим себе, не зная по-настоящему, что такое вера.

/... Поразительно, что даже люди, наиболее убежденные в бессмертии души, которое кажется им столь справедливым и ясным, оказывались все же не в силах доказать его своими человеческими доводами. Когда Платон распространяется /.../ о телесных наградах и наказаниях, которые ожидают нас после распада наших тел /.../, или когда Магомет обещает своим единоверцам рай, устланный коврами, украшенный золотом и драгоценными камнями, рай, в котором нас ждут девы необычайной красоты и изысканные вина и яства, то для меня ясно, что это говорят насмешники, приспособляющиеся к нашей глупости. /.../ Ведь впадают же некоторые наши единоверцы в подобное заблуждение.

Признаем чистосердечно, что бессмертие обещают нам только бог и религия; ни природа, ни разум не говорят нам об этом.

Смерть – не только избавление от болезней; она – избавление от всякого рода страданий. Презрение к жизни – нелепое чувство, ибо в конечном счете она – все, что у нас есть, она – все наше бытие. /.../ Тот, кто хочет из человека превратиться в ангела, ничего этим для себя не достигнет, ничего не выигрывает, ибо раз он перестанет существовать, то кто же за него порадуется и ощутит это улучшение?» (там же, с. 139).

9. Дайте собственную оценку взглядам на философию Монтеня.

«Странное дело, но в наш век философия, даже для людей мыслящих, всего лишь пустое слово, которое, в сущности, ничего не означает; она не находит себе применения и не имеет никакой ценности ни в чьих-либо глазах, ни на деле. Полагаю, что причина этого – бесконечные словопрения, которыми ее окружили. Глубоко ошибаются те, кто изображает ее недоступною для детей, с нахмуренным челом, с большими косматыми бровями, внушающей страх. Кто напялил на нее эту лживую маску, такую тусклую и отвратительную? На деле же не сыскать ничего другого столь милого, доброго, радостного, чуть было не сказал - шаловливого. /.../

Душа, вместившая в себя философию, не может не заразить своим здоровьем и тело. Царящие в ней покой и довольство она не может не излучать вовне; она не может равным образом не переделать по своему образу и подобию нашу внешность, придав ей, соответственно, исполненную достоинства гордость, веселость и живость, выражение удовлетворенности и добродушия. Отличительный признак мудрости – это неизменно радостное восприятие жизни; ей, как и всему, что в надлунном мире, свойственна никогда не утрачиваемая ясность. /.../ В самом деле, это она утишает душевные бури, научает сно-

суть с улыбкой болезни и голод не при помощи каких-то воображаемых эпициклов, но опираясь на вполне осязательные, естественные доводы разума. Ее конечная цель – добродетель, которая пребывает вовсе не где-то, как утверждают схоластики, на вершине крутой, отвесной и неприступной горы. Те, кому доводилось подходить к добродетели ближе других, утверждают, напротив, что она обитает на прелестном, плодородном и цветущем плоскогории, откуда отчетливо видит все находящееся под нею, достигнуть ее может, однако, лишь тот, кому известно место ее обитания; к ней ведут тернистые тропы, пролегающие среди поросших травой и цветами лужаек, по пологому, удобному для подъема и гладкому, как своды небесные» (Опыты / Мир философии. Книга для чтения. Ч. 1. М., 1991. С. 16).

10. Ознакомьтесь со взглядами Дж. Бруно на Вселенную и оцените их с позиций современной науки.

«Итак, Вселенная едина, бесконечна, неподвижна. Едина, говорю я, абсолютная возможность, едина действительность, едина форма или душа, едина материя или тело, едина вещь, едино сущее, едино величайшее и наилучшее. Она никоим образом не может быть охвачена и поэтому неисчислима и беспредельна, а тем самым бесконечна и безгранична и, следовательно, неподвижна. Она не движется в пространстве, ибо ничего не имеет вне себя, куда могла бы переместиться, ввиду того, что она является всем. Она не рождается, ибо нет другого бытия, которого она могла бы желать и ожидать, так как она обладает всем бытием. Она не уничтожается, ибо нет другой вещи, в которую она могла бы превратиться, так как она является всякой вещью. Она не может уменьшиться или увеличиться, так как она бесконечна. Как ничего нельзя к ней прибавить, так ничего нельзя от нее отнять, потому что бесконечное не имеет частей, с чем-либо соизмеримых» (О причине, начале и едином / Антология мировой философии. Т. 2. С. 163).

«Поскольку Вселенная бесконечна и неподвижна, не нужно искать ее двигателя. /.../ Бесконечные миры, содержащиеся в ней, каковы земли, огни и другие виды тел, называемые звездами, все движутся вследствие внутреннего начала, которое есть их собственная душа /.../, и вследствие этого напрасно разыскивать их внешний двигатель. /.../ Эти мировые тела движутся в эфирной области, не прикрепленные или пригвожденные к какому-либо телу в большей степени, чем прикреплена эта земля, которая есть одно из этих тел; а о ней мы доказываем, что она движется несколькими способами вокруг своего собственного центра и солнца вследствие внутреннего жизненного инстинкта» (там же, с. 168).

11. Найдите элементы диалектики в рассуждениях Дж. Бруно.

«Порожденное и порождающее /.../ всегда принадлежат к одной и той же субстанции. Благодаря этому для нас не звучит странно изречение Гераклита, утверждающего, что все вещи суть единое, благодаря изменчивости все в себе заключающее. И так как все формы находятся в нем, то, следовательно, к нему приложимы все определения, и благодаря этому противоречащие суждения оказываются истинными. И то, что образует множественность в вещах, - это не сущее, не вещь, но то, что является, что представляется чувству и находится на поверхности вещи.

/.../

Противоположности совпадают в едином; отсюда нетрудно вывести в конечном итоге, что все вещи суть единое, как всякое число, в равной мере четное и нечетное, конечное и бесконечное, сводится к единице.

/.../ Скажите мне, какая вещь более несходна с прямой линией, чем *окружность*? Какая вещь более противоположна прямой, чем кривая? Однако в начале и наименьшем они совпадают; так что, какое различие найдешь ты между наименьшей дугой и наименьшей хордой – как это божественно отметил Кузанский, изобретатель прекраснейших тайн геометрии. Далее, в наибольшем, какое различие ты найдешь между бесконечной окружностью и прямой линией? Разве вы не видите, что, чем больше окружность, тем более она своим действием приближается к прямолинейности?

/.../ Если мы хорошо обдумаем, то увидим, что уничтожение есть не что иное, как возникновение, и возникновение есть не что иное, как уничтожение; любовь есть ненависть; ненависть есть любовь. /.../ Что служит для врача более удобным противоядием, чем яд? В сильнейших ядах – лучшие целительные снадобья.

/.../ Шарообразное имеет предел в ровном, вогнутое успокаивается и пребывает в выпуклом, гневный живет вместе с уравновешенным, наиболее гордому всего более нравится скромный, скупому – щедрый.

Подведем итоги. Кто хочет познать наибольшие тайны природы, пусть рассматривает и наблюдает минимумы и максимумы противоречий и противоположностей. Глубокая магия заключается в умении вывести противоположность, предварительно найдя точку объединения» (там же, с 165-166).

12. Как взаимосвязаны душа и тело человека, по мнению Эразма Роттердамского?

«... Человек – это некое странное животное, состоящее из двух или трех чрезвычайно разных частей: из души (*anima*) – как бы некоего божества (*numen*) и тела – вроде бессловесной скотины. В отношении тела мы настолько не превосходим животных другого рода, что по всем своим данным находимся гораздо ниже них. Что касается души, то мы настолько способны воспринять божественное, что сами могли бы пролететь мимо ангелов и соединиться с Богом. Если бы не было тебе дано тело, ты был бы божество, если бы не был в тебя вложен ум (*mens*), ты был бы скотом. Эти две столь отличающиеся друг от друга природы высший творец объединил в столь счастливом согласии, а змей, враг мира, снова разделил несчастным разногласием, что они и разлученные не могут жить без величайшего мучения и быть вместе не могут без постоянной войны...

В этом неясном раздоре враждует друг с другом, будто разное, то, что едино. Ведь тело, так как оно видимо, наслаждается вещами видимыми; так как оно смертно, то идет во след преходящему, так как оно тяжелое – падает вниз. Напротив, душа (*anima*), памятуя об эфирном своем происхождении, изо всех сил стремится вверх и борется с земным своим бременем, презирает то, что видимо, так как она знает, что это тленно; она ищет того, что истинно и вечно. Бессмертная, ибо любит бессмертное, небесная – небесное, подобное пленяется подобным, если только не утонет в грязи тела и не утратит своего врожденного благородства из-за соприкосновения с ним» (Оружие христианского воина / Мир философии. Ч. 2. С. 12).

5.4 ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Каковы хронологические рамки философии эпохи Возрождения?
2. Каковы основные черты культуры Возрождения? Как они отразились в философии этого времени?
3. Как связана философия эпохи Возрождения с развитием естествознания и математики?
4. Какое развитие получили идеи Платона и Аристотеля в философии эпохи Возрождения?
5. Что такое гуманизм? В воззрениях каких философов эпохи Возрождения он нашел выражение?
6. Что нового появилось в понимании человека в философии эпохи Возрождения?
7. Какое развитие получили идеи Платона и Аристотеля в философии эпохи Возрождения?
8. Что представляет собой натурфилософия? Сопоставьте понятия «натурализм» и «натурфилософия».
9. Каковы основные идеи Николая Кузанского? Почему его считают одним из основоположников диалектики в европейской философии?
10. Что такое пантеизм? Какие разновидности пантеизма вам известны?
11. Какие идеи о строении Вселенной развивал Дж. Бруно?
12. Дайте общую характеристику социальной философии эпохи Возрождения.
13. Каковы взгляды на политику и власть Н. Макиавелли?
14. Что мыслители эпохи Возрождения назвали «естественным правом»?
15. Что такое утопия? Какие утопические сочинения периода Возрождения Вам известны?

6 ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ XVII-XXVIII ВВ.

6.1 ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

АГНОСТИЦИЗМ – философское учение, согласно которому не может быть окончательно решен вопрос об истинности познания окружающей человека действительности.

АТЕИЗМ – система философских и научных взглядов и убеждений, отрицающая существование бога и каких-либо сверхъестественных сил и существ.

АТРИБУТ – необходимое, существенное, неотъемлемое свойство объекта.

ВРОЖДЕННЫЕ ИДЕИ – идеалистическое рационалистическое учение, признающее наличие знания, которое имеет доопытное происхождение и характеризует универсальные принципы бытия и познания.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ – социально-философское учение, которое приписывает первостепенную роль в развитии обществ и народов их географическому положению и природным условиям.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО – система самостоятельных и независимых от государства общественных институтов, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей.

ДЕДУКЦИЯ – переход от общего к частному; процесс логического вывода, т.е. перехода по правилам логики от данных предложений (посылок) к их следствиям (заклучениям).

ДЕИЗМ – религиозно-философское учение, согласно которому Бог, сотворив мир, не принимает в нем какого-либо участия и не вмешивается в закономерное течение его событий.

ДЕТЕРМИНИЗМ – учение об объективной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира.

ИНДУКЦИЯ – переход от частного к общему; вид обобщения, связанный с осмыслением результатов наблюдений и экспериментов на основе данных опыта.

МЕХАНИЦИЗМ – метод познания, основанный на признании механической формы движения единственно объективной.

«ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР» - философское и юридическое учение, объясняющее возникновение государства соглашением между людьми, вынужденными перейти от необеспеченного защитой естественного состояния к состоянию гражданскому.

«ПРЕДУСТАНОВЛЕННАЯ ГАРМОНИЯ» (в философии Лейбница) – изначально установленное Богом соответствие каждого элемента бытия другим элементам и всему миру в целом.

РАЦИОНАЛИЗМ – философское направление, признающее разум основой познания и поведения людей.

СЕНСУАЛИЗМ – направление в теории познания, согласно которому чувственное познание является главной формой достоверного познания.

СКЕПТИЦИЗМ - направление в теории познания, не допускающее возможности достоверного знания.

СУБСТАНЦИЯ – понятие, обозначающее общую основу всех вещей, явлений и процессов бытия, рассматриваемых в единстве и взаимосвязи.

ПРОСВЕЩЕНИЕ – политическая идеология, философия и культура эпохи развития и утверждения капитализма.

ЭМПИРИЗМ – направление в теории познания, признающее чувственный опыт источником знания и считающее, что содержание знания может быть представлено либо как описание этого опыта, либо сведено к нему.

6.2 ПЕРСОНАЛИИ

ФРЭНСИС БЭЖОН – 1561-1626 гг. *Основные труды:* «Новый Органон, или Истинные указания для истолкования природы», «Новая Атлантида».

ТОМАС ГОББС – 1588-1679 гг. *Основные труды:* «О теле», «О человеке», «О гражданине», «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского».

РЕНЕ ДЕКАРТ – 1596-1650 гг. *Основные труды:* «Рассуждение о методе», «Метафизические размышления», «Начала философии».

БЕНЕДИКТ СПИНОЗА – 1632-1677 гг. *Основные труды:* «Этика», «Богословско-политический трактат».

ГОТФРИД ВИЛЬГЕЛЬМ ЛЕЙБНИЦ – 1646-1716 гг. *Основные труды:* «Монология», «Теодицея», «Рассуждения о метафизике», «Новые опыты о человеческом разуме».

ДЖОН ЛОКК – 1632-1704 гг. *Основные труды:* «Опыт о человеческом разуме», «Два трактата о государственном правлении», «Мысли о веротерпимости».

ДЖОРДЖ БЕРКЛИ – 1685-1753 гг. *Основные труды:* «Трактат о началах человеческого знания», «Три разговора между Гиласом и Филонусом», «Опыт новой теории зрения».

ДАВИД ЮМ – 1711-1776 гг. *Основные труды:* «Трактат о человеческой природе», «Опыты моральные и политические (Эссе)»

ВОЛЬТЕР – 1694-1778 гг. *Основные труды:* «Философские письма», «Метафизический трактат», «Трактат о веротерпимости», «Философский словарь», «Философия истории».

ШАРЛЬ МОНТЕСКЬЕ – 1689-1755 гг. *Основные труды:* «Персидские письма», «О духе законов».

ЖАН ЖАК РУССО – 1712-1778 гг. *Основные труды:* «Рассуждения о науках и искусствах», «Об общественном договоре, или Принципы политического права», «Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми», «Эмиль, или О воспитании».

ДЕНИ ДИДРО – 1713-1784 гг. *Основные труды:* «Философские мысли», «Письмо о слепых в назидание зрячим», «Аллеи, или Прогулка скептика», «Мысли об объяснении природы».

6.3 ЗАДАНИЯ

1. Какие методы познания описывает Бэкон в следующем рассуждении?

«XIX. Два пути существуют и могут существовать для отыскания и открытия истины. Один воспаряет от ощущений и частных к наиболее общим аксиомам и, идя от этих оснований и их непоколебимой истинности, обсуждает и открывает средние аксиомы. Этим путем и пользуются ныне. Другой же путь выводит аксиомы из ощущений и частных, поднимаясь непрерывно и постепенно, пока наконец не приходит к наиболее общим аксиомам. Это путь истинный, но не испытанный.

XXII. Оба этих пути исходят из ощущений и частных и завершаются в высших общностях. Но различие их неизмеримо. Ибо один лишь бегло касается опыта и частных, другой надлежащим образом задерживается на них. Один сразу же устанавливает некие общности, отвлеченные и бесполезные, другой постепенно поднимается к тому, что действительно более близко природе.

XXIV. никоим образом не может быть, чтобы аксиомы, установленные рассуждением, были пригодны для открытия новых дел, ибо тонкость природы во много раз превосходит тонкость рассуждений. Но аксиомы, отвлеченные должным образом из частно-

стей, в свою очередь легко указывают и определяют новые частности и таким путем делают науки действенными» (Новый органон / Антология мировой философии. Т.2. С. 195).

2. Какие препятствия на пути научного познания видит Бэкон?

«XXXIX. Есть четыре вида призраков, которые осаждают умы людей. Для того, чтобы изучить их, мы дали им названия. Назовем первый вид призраков *призраками рода*, второй – *призраками пещеры*, третий – *призраками рынка* и четвертый – *призраками театра*.

XL. Призраки рода находят основание в самой природе человека. /.../ Ибо ложно утверждать, что чувство человека есть мера вещей. Наоборот, все восприятия как чувства, так и ума относятся к человеку, а не к миру. Ум человека уподобляется неровному зеркалу, которое, примешивая к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривленном и обезображенном виде.

XLI. Призраки пещеры суть заблуждения отдельного человека. Ведь у каждого помимо ошибок, свойственных роду человеческому, есть своя особая пещера, которая разбивает и искажает свет природы. Происходит это или от особых прирожденных свойств каждого, или от воспитания и бесед с другими, или от чтения книг и от авторитетов, перед какими кто преклоняется, или вследствие разницы во впечатлениях, зависящей от того, получают ли их души предрасположенные или души уравновешенные и спокойные, или по другим причинам... Вот почему Гераклит сказал, что люди ищут знаний в малых мирах, а не в большом или общем мире.

XLII. Существуют еще призраки, которые проистекают как бы из взаимной связанности и сообщества людей. Эти призраки мы называем, имея в виду порождающее их общение и сотоварищество людей, призраками рынка. Люди объединяются речью. Слова же устанавливаются сообразно разумению толпы. Поэтому плохое и нелепое установление слов удивительным образом осаждают разум. Определения и разъяснения, которыми привыкли вооружаться и охранять себя ученые люди, никоим образом не помогают делу. Слова прямо насилуют разум, смешивают все и ведут людей к пустым и бесчисленным спорам и толкованиям.

XLIII. Существуют наконец призраки, которые вселились в души людей из разных догматов философии, а также из превратных законов доказательств. Их мы называем призраками театра, ибо мы считаем, что, сколько есть принятых и изобретенных философских систем, столько поставлено и сыграно комедий, представляющих вымышленные и искусственные миры /.../. При этом мы разумеем здесь не только общие философские учения, но и многочисленные начала и аксиомы наук, которые получили силу вследствие предания, веры, небрежения» (там же, с. 196-197).

3. Какую разновидность индукции Бэкон считает подходящей для научного исследования?

«XCV. Те, кто занимались науками, были или эмпириками, или догматиками. Эмпирики подобно муравью только собирают и пользуются собранным. Рационалисты подобно пауку из самих себя создают ткань. Пчела же избирает средний способ, она извлекает материал из цветов сада и поля, но располагает и изменяет его собственным умением. Не отличается от этого и подлинное дело философии. Ибо она не основывается только или преимущественно на силах ума и не откладывает в сознание нетронутым мате-

риал, извлекаемый из естественной истории и из механических опытов, но изменяет его и перерабатывает в разуме. Итак, следует возложить добрую надежду на более тесный и нерушимый (чего до сих пор не было) союз этих способностей (то есть опыта и рассудка).

CV. Для построения аксиом должна быть придумана иная форма наведения, чем та, которой пользовались до сих пор. Эта форма должна быть применена не только для открытия и испытания того, что называется началами, но даже и к меньшим, и средним, и, наконец, ко всем аксиомам. Наведение, которое проходит путем простого перечисления, есть детская вещь, оно дает шаткие заключения и подвергается опасности со стороны противоречащих частных, вынося решения большей частью на основании меньшего, чем следует, количества фактов, и только тех, которые имеются налицо. Но то наведение, которое будет полезно для открытия и доказательства наук и искусств, должно разделять природу посредством должных разграничений и исключений. И затем после достаточного количества отрицательных суждений оно должно заключать о положительном» (там же. С. 210-212).

4. Прочитайте приведенный ниже фрагмент и проследите логику рассуждения Декарта.

«4. Почему можно усомниться в истинности чувственных вещей. /.../ Мы по опыту знаем, сколь часто нас обманывали чувства, и, следовательно, неосмотрительно было бы чересчур полагаться на то что нас обмануло хотя бы один раз. Кроме того, мы почти всегда испытываем во сне видения, при которых нам кажется, будто мы живо чувствуем и ясно воображаем множество вещей, между тем как эти вещи нигде больше и не имеются. Поэтому, решившись однажды усомниться во всем, не находишь более признака, по которому можно было бы судить, являются ли более ложными мысли, приходящие в сновидении, по сравнению со всеми остальными.

5. Почему можно сомневаться также и в математических доказательствах. Станем сомневаться и во всем остальном, что прежде полагали за самое достоверное; даже в математических доказательствах и их обоснованиях, хотя сами по себе они достаточно ясны, ведь ошибаются же некоторые люди, рассуждая о таких вещах. Главное же усомнимся потому, что слышали о существовании бога, создавшего нас и могущего творить все, что ему угодно, и мы не знаем, не захотел ли он создать нас такими, чтобы мы всегда ошибались даже в том, что нам кажется самым достоверным. Ибо, допустив, чтобы мы иногда ошибались, как уже было отмечено, почему бы ему не допустить, чтобы мы ошибались постоянно? Если же мы предположим, что обязаны существованием не всемогущему богу, а либо самим себе, либо чему-нибудь другому, то, чем менее могущественным признаем мы виновника нашего существования, тем более будет вероятно, что мы так несовершенны, что постоянно ошибаемся. /.../

7. О том, что нельзя сомневаться не существуя и что это есть первое достоверное познание, какое возможно приобрести. Отбросив, таким образом, все то, в чем так или иначе мы можем сомневаться, и даже предполагая все это ложным, мы легко допустим, что нет ни бога, ни неба, ни земли и что даже у нас самих нет тела, но мы все-таки не можем предположить, что мы не существуем, в то время как сомневаемся в истинности всех этих вещей. Столь нелепо полагать несуществующим то, что мыслит, в то время, пока оно мыс-

лит, что, невзирая на самые крайние предположения, мы не можем не верить, что заключение я мыслю, следовательно, я существую истинно и что оно поэтому есть первое и вернейшее из всех заключений, представляющееся тому, кто методически располагает свои мысли» (там же. С. 238-239).

5. Сопоставьте сформулированное Декартом доказательство бытия Бога с известными вам доказательствами Фомы Аквинского.

«13. В каком смысле можно сказать, что, не зная бога, нельзя иметь достоверного знания ни о чем. Но когда душа, познав сама себя и продолжая еще сомневаться во всем остальном, осмотрительно стремится распространить свое познание все дальше, то прежде всего она находит в себе идеи о некоторых вещах; пока она их просто созерцает, не утверждая и не отрицая существования вне себя чего-либо подобного этим идеям, ошибиться она не может. Она встречает также некоторые общие понятия и создает из них различные доказательства, столь убедительные для нее, что, занимаясь ими, она не может сомневаться в их истинности. Так, например, душа имеет в себе идеи чисел и фигур, имеет также среди общих понятий и то, что «если к равным величинам прибавить равные, то получаемые при этом итоги будут равны между собой», она имеет еще и другие столь же очевидные понятия, благодаря которым легко доказать, что сумма трех углов треугольника равна двум прямым и т.д. Пока душа видит эти понятия и порядок, каким она выводит подобные заключения, она вполне убеждена в их истинности; так как душа не может на них постоянно сосредоточиваться, то, когда она вспоминает о каком-либо заключении, не заботясь о пути, каким оно может быть выведено, и притом полагает, что творец мог бы создать ее такой, чтобы ей свойственно было ошибаться во всем, что ей кажется вполне очевидным, она ясно видит, что по праву сомневается в истинности всего того, чего не видит отчетливо, и считает невозможным иметь какое-либо достоверное знание прежде, чем познает того, кто ее создал.

«14. О том, что существование бога доказуемо одним тем, что необходимость бытия, или существования, заключена в понятии. Далее, когда душа, рассматривая различные идеи и понятия, существующие в ней, обнаруживает среди них идею о существе всеведущем, всемогущем и всшего совершенства, то по тому, что она видит в этой идее, она легко заключает о существовании бога, который есть это всесовершенное существо; ибо, хотя она и имеет отчетливое представление о некоторых других вещах, она не замечает в них ничего, что убеждало бы ее в существовании их предмета, тогда как в этой идее она видит существование не только возможное, как в остальных, но и совершенно необходимое и вечное. Например, воспринимая в идее треугольника как нечто необходимо в ней заключающееся то, что три угла его равны двум прямым, душа вполне убеждается, что треугольник имеет три угла, равные двум прямым; подобным же образом из одного того, что в идее существа высочайшего совершенства содержится необходимое и вечное бытие, она должна заключить, что такое существо высочайшего совершенства есть, или существует» (там же. С. 242-242).

6. Проанализируйте рассуждение Декарта о субстанции и определите, к какому философскому направлению можно отнести его взгляды.

«51. О том, что такое субстанция и что название это не может быть приписано в одинаковом смысле богу и творениям. /.../ Разумея субстанцию, мы можем разуметь лишь вещь, которая существует так, что не нуждается для своего существования ни в

чем, кроме самой себя. Тут может представиться неясность в объяснении выражения «нуждаться лишь в себе самой». Ибо таков, собственно говоря, один только бог, и нет ничего сотворенного, что могло бы просуществовать хотя бы мгновение, не будучи поддерживаемо и хранимо его могуществом. Поэтому справедливо говорят в школах, что название субстанции не однозначно подходит к богу и к творениям, то есть что нет такого значения этого слова, которое мы отчетливо бы постигали и которое обнимало бы и его и их. Но ввиду того, что среди сотворенных вещей некоторые по природе своей не могут существовать без некоторых других, мы их отличаем от тех, которые нуждаются лишь в обычном содействии бога, и называем последние субстанциями, а первые – качествами или атрибутами этих субстанций. /.../

53. Всякая субстанция имеет преимущественный атрибут: для души – мысль, подобно тому как для тела – протяжение.

Хотя любой атрибут достаточен для познания субстанции, однако у каждой субстанции есть преимущественное, составляющее ее сущность и природу свойство, от которого зависят все остальные. Именно, протяжение в длину, ширину и глубину составляет природу субстанции, ибо все то, что может быть приписано телу, предполагает протяжение и есть только некоторый модус протяженной вещи; подобно этому все свойства, которые мы находим в мыслящей вещи, суть только разные модусы мышления. Так, например, фигура может мыслиться только в протяженной вещи, движение – только в протяженном пространстве, воображение же, чувство, желание настолько зависят от мыслящей вещи, что мы не можем их без нее постичь. И наоборот, протяжение может быть понимаемо без фигуры и без движения, а мыслящая вещь – без воображения и без чувств; так и в остальном» (там же. С. 249-250).

7. Прочитайте «правила для руководства ума», сформулированные Декартом, и подумайте, применимы ли они в вашей учебной деятельности.

«Подобно тому, как обилие законов часто служит оправданием для пороков – почему государственный порядок гораздо лучше, когда законов немного, но они строго соблюдаются, - так вместо большого количества правил, образующих логику, я счел достаточным твердое и непоколебимое соблюдение четырех следующих.

Первое – никогда не принимать за истинное ничего, что я не познал бы таковым с очевидностью, иначе говоря, тщательно избегать опрометчивости и предвзятости и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и столь отчетливо, что не дает мне никакого повода подвергать их сомнению.

Второе – делить каждое из исследуемых мною затруднений на столько частей, сколько это возможно и нужно для лучшего их преодоления.

Третье – придерживаться определенного порядка мышления, начиная с предметов наиболее простых и наиболее легко познаваемых и восходя постепенно к познанию наиболее сложного, предполагая порядок даже и там, где объекты мышления вовсе не даны в их естественной связи.

И *последнее* – составлять всегда перечни столь полные и обзоры столь общие, чтобы была уверенность в отсутствии упущений» (там же. с. 287).

8. В чем видит Т. Гоббс причины возникновения единобожия?

«Постоянный страх, всегда сопровождающий человеческий род, шествующий как бы во тьме благодаря незнанию причин, должен по необходимости иметь какой-нибудь

объект. Вот почему, когда нельзя найти видимого объекта, люди считают виновником своего счастья или несчастья *невидимого агента* или *невидимую силу*. В этом смысле, может быть, следует понимать слова некоторых древних поэтов, говоривших, что боги были первоначально созданы человеческим страхом, и это в отношении богов (т.е. в отношении многобожия язычников) совершенно справедливо. Однако признание единого бога, предвечного, бесконечного и всемогущего, может быть легче выведено из желания людей познать причины естественных тел и их различных свойств и действий, чем из страха людей перед тем, что с ними может случиться в будущем. Ибо тот, кто при наблюдении чего-либо совершающегося перед ним будет исследовать ближайшую и непосредственную причину этого и отсюда перейдет к исследованию причины этой причины и, таким образом, углубится в исследование всего последовательного ряда причин, должен будет в конце концов прийти к заключению, что существует (как это признавали даже языческие философы) первичный двигатель, т.е. первичная и предвечная причина всех вещей. А это именно то, что люди разумеют под именем *бог*. К мысли о едином боге, таким образом, люди приходят помимо всякой мысли об их судьбе, забота о которой делает их склонными к страху и отклоняет их от исследования причин других вещей и этим дает повод к измышлению стольких богов, сколько есть людей, измышляющих их» (Левиафан / Антология мировой философии. Т. 2. С. 334).

9. Как Гоббс характеризует естественное состояние человеческого общества?

«Природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей, ибо хотя мы наблюдаем иногда, что один человек физически сильнее или умнее другого, однако, если рассмотреть все вместе, то окажется, что разница между ними не настолько велика, чтобы один человек, основываясь на ней, мог претендовать на какое-нибудь благо для себя, на которое другой не мог бы претендовать с таким же правом. /.../

Из этого равенства способностей возникает равенство надежд на достижение наших целей. Вот почему, если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами. На пути к достижению их цели (которая состоит главным образом в сохранении жизни, а иногда в одном лишь наслаждении) они стараются погубить или покорить друг друга. Таким образом, выходит, что там, где человек может отразить нападение лишь своими собственными силами, он, сажая, сея, строя или владея каким-нибудь приличным именем, может с вероятностью ожидать, что придут другие люди и соединенными силами отнимут его владение и лишат его не только плодов собственного труда, но также жизни или свободы. А нападающий находится в такой же опасности со стороны других. /.../

Там, где нет власти, способной держать в подчинении всех, люди не испытывают никакого удовольствия (а напротив, значительную горечь) от жизни в обществе. Ибо каждый человек добивается того, чтобы его товарищ ценил его так, как он сам себя ценит, и при всяком проявлении презрения или пренебрежительного отношения, естественно, пытается, поскольку у него хватает смелости (а там, где нет общей власти, способной заставить людей жить в мире, эта смелость доходит до того, что они готовы погубить друг друга), вынудить у своих хулителей более высокое уважение: у одних - наказанием, у других – примером.

Таким образом, мы находим в природе человека три основные причины войны: во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажду славы. /.../

Отсюда очевидно, что, пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех. Ибо *война* есть не только сражение или военное действие, а промежуток времени, в течение которого явно сказывается воля к борьбе путем сражения» (там же. С. 334-335).

10. По каким причинам и каким образом возникает, по мнению Гоббса, государство? В чем он видит его сущность?

«Конечной причиной, целью или намерением людей (которые от природы любят свободу и господство над другими) при наложении на себя уз (которыми они связаны, как мы видим, живя в государстве) является забота о самосохранении и при этом о более благоприятной жизни. Иными словами, при установлении государства люди руководятся стремлением избавиться от бедственного состояния войны, являющегося /.../ необходимым следствием естественных страстей людей там, где нет видимой власти, держащей их в страхе и под угрозой наказания, принуждающей их к выполнению соглашений и соблюдению естественных законов /.../.

В самом деле, естественные законы (как *справедливость, беспристрастие, скромность, милосердие* и (в общем) *поведение по отношению к другим так, как мы желали бы, чтобы поступали по отношению к нам*) сами по себе, без страха какой-нибудь силы, заставляющей их соблюдать, противоречат естественным страстям, влекущим нас к пристрастию, гордости, мести и т.п. А соглашения без меча лишь слова, которые не в силах гарантировать человеку безопасность.

Такая общая власть, которая была бы способна защищать людей от вторжения чужеземцев и от несправедливостей, причиняемых друг другу, и, таким образом, доставить им ту безопасность, при которой они могли бы кормиться от трудов рук своих и от плодов земли и жить в довольстве, может быть воздвигнута только одним путем, а именно путем сосредоточения всей власти и силы в одном человеке или в собрании людей, которое большинством голосов могло бы свести все воли граждан в единую волю. Иначе говоря, для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это; чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воле и суждению носителя общего лица. Это больше, чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал каждому другому: *я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия*. Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется государством, по-латыни – *civitas*. Таково рождение того великого Левиафана, или, вернее (выражаясь более почтительно), того *смертного бога*, которому мы под владычеством *бессмертного бога* обязаны своим миром и своей защитой. /.../ В этом человеке или собрании лиц состоит сущность государства, которая нуждается в следующем определении: государство есть *единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой*

огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты.

Тот, кто является носителем этого лица, называется *сувереном*, и о нем говорят, что он обладает *верховой властью*, а всякий другой является его *подданным*» (там же. С. 337-338).

11. Прочитайте рассуждение Спинозы о государстве и сравните его идеи со взглядами Гоббса.

«Каждый существует по высшему праву природы, и, следовательно, каждый по высшему праву природы делает то, что вытекает из необходимости его природы. А потому каждый по высшему праву природы судит о том, что хорошо и что дурно, по-своему заботится о собственной пользе, мстит за себя и стремится сохранить то, что любит, и уничтожить то, что ненавидит. Если бы люди жили по руководству разума, то каждый обладал бы этим своим правом без всякого ущерба для других.

Но так как люди подвержены аффектам, далеко превосходящим способность или добродетель человека, то часто они влекутся в разные стороны и бывают противны друг другу, нуждаясь между тем во взаимной помощи. Поэтому, для того чтобы люди могли жить согласно и служить друг другу на помощь, необходимо, чтобы они поступились своим естественным правом и обязались друг другу не делать ничего, что может служить во вред другому. Каким образом может произойти это, а именно, чтобы люди, необходимо подверженные аффектам, и притом непостоянные и изменчивые, могли заключить между собой обязательство и иметь друг к другу доверие, это ясно ... из того, что всякий аффект может быть ограничен только аффектом более сильным и противоположным ему и что каждый удерживается от нанесения вреда другому боязнью большего вреда для себя. При таком условии общество может утвердиться только в том случае, если оно присвоит себе право каждого мстить за себя и судить о том, что хорошо и что дурно. А потому оно должно иметь власть предписывать общий образ жизни и устанавливать законы, делая их твердыми не посредством разума, который ограничить аффекты не в состоянии, но путем угроз. Такое общество, зиждущееся на законах и власти самосохранения, называется *государством*, а люди, находящиеся под защитой его права, - *гражданами*.

Отсюда легко понять, что в естественном состоянии нет ничего, что было бы добром или злом по общему признанию, так как каждый, находящийся в естественном состоянии, заботится единственно о своей собственной пользе и по собственному усмотрению определяет, что добро и что зло, руководствуясь только своей пользой, и никакой закон не принуждает его повиноваться кому-либо другому, кроме самого себя. А потому в естественном состоянии нельзя представить себе *преступления*; оно возможно только в состоянии гражданском, где по общему согласию определяется, что хорошо и что дурно, и где каждый должен повиноваться государству. Таким образом, *преступление* есть не что иное, как неповиновение, наказываемое вследствие этого только по праву государственному; наоборот, повиновение ставится гражданину в *заслугу*, так как тем самым он признается достойным пользоваться удобствами в государственной жизни» (Этика, доказанная в геометрическом порядке / Антология мировой философии. Т. 2. С. 390-391).

12. Какую форму государственного устройства Спиноза считает наилучшей и почему?

«... нужно принять во внимание, что как в естественном состоянии /... наиболее мощным и наиболее своеправным будет тот человек, который руководится разумом, так и то государство будет наиболее мощным и наиболее своеправным, которое зиждется на разуме и направляется им. Ибо право государства определяется мощью народа, руководимого как бы единым духом. Но такое единение душ может быть мыслимо только в том случае, если государство будет более всего стремиться к тому, что здравый разум признает полезным для всех людей».

«Каково же наилучшее состояние каждой формы верховной власти, легко познается из цели *гражданского состояния*: она есть не что иное, как мир и безопасность жизни. И потому та верховная власть является наилучшей, при которой люди проводят жизнь в согласии и когда ее права блюдутся нерушимо. Ибо несомненно, что восстания, войны, презрение или нарушение законов следует приписывать не столько злобности подданных, сколько дурному состоянию верховной власти. Ибо люди не рождаются гражданами, но становятся. /.../

Когда мы говорим, что та верховная власть является наилучшей, при которой люди проводят жизнь согласно, то разумеем жизнь человеческую, которая определяется не только кровообращением и другими функциями, свойственными всем животным, но преимущественно разумом, истинной добродетелью и жизнью духа». (там же. С. 407).

13. Прочитайте приведенный ниже фрагмент и определите, к какому направлению в гносеологии относятся взгляды Локка?

«2. *Все идеи приходят от ощущения или рефлексии.* - Предположим, что душа есть, так сказать, белая бумага без всяких знаков и идей. Но каким же образом она получает их? Откуда она приобретает тот обширный запас, который деятельное и беспредельное человеческое воображение разрисовало с почти бесконечным разнообразием? Откуда получает она весь материал рассуждения и знания? На это я отвечаю одним словом: из опыта. На опыте основывается все наше знание, от него в конце концов оно происходит. Наше наблюдение, направленное или на внешние ощущаемые предметы, или на внутренние действия нашей души, воспринимаемые и рефлектируемые нами самими, доставляет нашему разуму весь материал мышления. Вот два источника знания, откуда происходят все идеи, которые мы имеем или естественным образом можем иметь.

3. *Объект ощущения есть один источник идей.* – Во-первых, наши чувства, будучи обращены к отдельным чувственно воспринимаемым предметам, доставляют уму разные отличные друг от друга восприятия вещей в соответствии с разнообразными путями, которыми эти предметы действуют на них. Таким образом мы получаем идеи желтого, белого, горячего, холодного, мягкого, твердого, горького, сладкого и все те идеи, которые мы называем чувственными качествами. Когда я говорю, что чувства доставляют их уму, я хочу сказать, что от внешних предметов они доставляют уму то, что вызывает в нем эти восприятия. Этот богатый источник большинства наших идей, зависящих всецело от наших чувств и через них входящих в разум, я и называю «ощущением».

4. *Деятельность нашего ума – другой их источник.* – Во-вторых, другой источник, из которого опыт снабжает разум идеями, есть внутреннее восприятие деятельности нашего ума, когда он занимается приобретенными им идеями. Когда ум начинает раз-

мышлять и рассматривать эту деятельность, они доставляют нашему разуму идеи другого рода, которые мы не могли бы получить от внешних идей. Таковы восприятие, мышление, сомнение, вера, рассуждение, познание, желание и вся многообразная деятельность нашего ума. Когда мы сознаем и замечаем их в себе, то получаем от них в своем разуме такие же отличные друг от друга идеи, как и те, которые мы приобретаем от тел, действующих на наши чувства. Этот источник идей каждый человек целиком имеет внутри себя... Но, называя первый источник «ощущением», я называю второй «рефлексией», потому что он доставляет только такие идеи, которые приобретаются умом при помощи рефлексии о своей собственной деятельности внутри себя» (Опыт о человеческом разуме / Антология мировой философии. Т. 2. С. 418-419).

14. Какие качества вещей Локк называет «первичными» и «вторичными»?

«8. Все, что ум замечает в себе и что есть непосредственный объект восприятия, мышления или понимания, я называю «идеєю»; способность, вызывающую в нашем уме какую-нибудь идею, я называю «качеством» предмета, в котором эта способность находится. Так, снежный ком способен порождать в нас идеи белого, холодного и круглого. /.../

9. *Первичные качества.* – Среди рассматриваемых таким образом качеств в телах есть, во-первых, такие, которые совершенно неотделимы от тела, в каком бы оно ни было состоянии, такие, которые никак не удастся отделить от тела при всех его изменениях, такие, которые чувства постоянно находят в каждой частице материи достаточного для восприятия объема, а ум находит, что они неотделимы ни от какой частицы материи, хотя бы она была меньше той, которая может быть воспринята нашими чувствами. /.../ Эти качества тела я называю *первоначальными* или *первичными*. Мне кажется, мы можем заметить, что они порождают в нас простые идеи, т.е. плотность, протяженность, форму, движение или покой и число.

10. *Вторичные качества.* – Во-вторых. Такие качества, как цвета, звуки, вкусы и т.д., которые на самом деле не находятся в самих вещах, но представляют собой силы, вызывающие в нас различные ощущения своими первичными качествами, т.е. объемом, формой, сцеплением и движением своих незаметных частиц, я называю *вторичными* качествами» (там же. С. 420).

15. На основании приведенного ниже фрагмента из сочинения Лейбница «Монадология» дайте характеристику монады.

«1. *Монада*, о которой мы будем здесь говорить, есть не что иное, как *простая* субстанция, которая входит в состав *сложных*; *простая* – значит, не имеющая частей.

2. И необходимо должны существовать простые субстанции, потому что существуют сложные, ибо сложная субстанция есть не что иное, как собрание или *агрегат* простых.

3. А где нет частей, там нет ни протяжения, ни фигуры и невозможна делимость. Эти-то монады и суть истинные атомы природы, одним словом, *элементы* вещей.

4. Нечего также бояться и разложения монады, и никак нельзя вообразить себе способа, каким субстанция могла бы *естественным* путем *погибнуть*.

5. По той же причине нельзя представить себе, как может простая субстанция *получить начало естественным* путем, ибо она не может образоваться путем сложения.

6. Итак, можно сказать, что начало или конец монады могут произойти лишь с одного раза, т.е. монады могут получить начало только путем *творения* и погибнуть только через *уничтожение*, тогда как то, что *сложно*, начинается или кончается по частям.

7. /.../ Монады вовсе не имеют *окон*, чрез которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти. Акциденции не могут отделяться или двигаться вне субстанций, как это некогда у схоластиков делали чувственные виды /.../.

9. /.../ Каждая монада необходимо должна быть отлична от другой. Ибо никогда не бывает в природе двух существ, которые были бы совершенно одно как другое и в которых нельзя было бы найти различия внутреннего, или же основанного на внутреннем определении.

10. Я принимаю также за бесспорную истину, что всякое сотворенное бытие – а следовательно, и сотворенная монада – подвержено изменению и даже что это изменение в каждой монаде непрерывно.

11. Из сейчас сказанного следует, что естественные изменения монад исходят из *внутреннего начала*, так как внешняя причина не может иметь влияния внутри монады» (Монадология // Антология мировой философии. Т. 2. с. 450-451).

16. Попробуйте привести аргументы против изложенной ниже точки зрения Беркли.

«Все согласится с тем, что ни наши мысли, ни страсти, ни идеи, образуемые воображением, не существуют вне нашей души. И вот для меня не менее очевидно, что различные ощущения или идеи, запечатленные в чувственности, как бы смешаны или соединены они ни были между собою (т.е. какие бы предметы они не образовывали), не могут иначе существовать, как в духе, который их воспринимает. Я полагаю, что каждый может непосредственно убедиться в этом, если обратить внимание на то, что подразумевается под термином *существует* в его применении к ощущаемым вещам. Я говорю: стол, на котором я пишу, существует, - это значит, что я вижу и осязаю его; если бы я находился вне моего кабинета, то также бы сказал, что стол существует, разумея тем самым, что, находясь в моем кабинете, я мог бы воспринять его, или же что какой-либо другой дух действительно воспринимает его. Здесь был запах – это значит, я его обонял; был звук – значит, его слышали; были цвет или фигура – значит, они были восприняты зрением или осязанием. Это все, что я могу разуметь под такими или подобными выражениями. Ибо то, что говорится о безусловном существовании немыслящих вещей без какого-либо отношения к их воспринимаемости, для меня совершенно непонятно. Их *esse* есть *percipi* (существование есть восприятие. – примеч. составителя), и невозможно, чтобы они имели какое-либо существование вне духов или воспринимающих их мыслящих вещей.

4. Правда, существует поразительно распространенное между людьми мнение, будто дома, горы, реки, одним словом, все ощущаемые предметы имеют естественное или реальное существование, отличное от их воспринимаемости умом. Но с какой бы уверенностью и общим согласием не утверждалось это начало, всякий имеющий смелость подвергнуть его исследованию найдет, если я не ошибаюсь, что оно заключает в себе явное противоречие. Ибо что такое вышеупомянутые предметы, как не вещи, воспринимаемые нами в ощущениях? И что же мы воспринимаем, как не наши собственные идеи или ощущения? И не будет ли полным противоречием допустить, что какое-либо из них или ка-

кое-либо их сочетание существует, не будучи воспринимаемым?» (О началах человеческого знания // Антология мировой философии. Т. 2. С. 513-514).

17. Прочитайте приведенное ниже рассуждение Беркли и определите, в чем различие во взглядах Беркли и Локка на источник человеческого знания?

«Некоторые делают различие между *первичными* и *вторичными* качествами. Под первыми они подразумевают протяжение, фигуру, движение, покой, вещественность или непроницаемость и число; под вторыми – все прочие осязаемые качества, как, например, цвета, звуки, вкусы и т.п. Они признают, что идеи, которые мы имеем о последних, не сходны с чем-либо существующим вне духа или невоспринятым; но утверждают, что наши идеи первичных качеств суть отпечатки или образы вещей, существующих вне духа в немыслимой субстанции, которую они называют *материей*. Под материей мы должны, следовательно, разуметь инертную, нечувствующую субстанцию, в которой действительно существуют протяжение, фигура и движение. Однако из сказанного выше ясно вытекает, что протяжение, фигура и движение суть лишь идеи, существующие в духе, что идея не может быть сходна ни с чем, кроме идеи, и что, следовательно, ни она сама, ни ее первообраз не могут существовать в невоспринимающей субстанции. Отсюда очевидно, что самое понятие о том, что называется *материей* или *телесной субстанцией*, заключает в себе противоречие» (там же. С. 515).

6.4 ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Какая область философского знания преимущественно развивалась в философии Нового времени?
2. Развитие каких наук оказало существенное влияние на развитие философии в XVII-XIX вв.? Почему?
3. Какой метод познания разрабатывал Ф. Бэкон?
4. Какие препятствия на пути истинного познания видел Ф. Бэкон?
5. Какие правила научного исследования сформулировал Р. Декарт? Почему он считает сомнение необходимой предпосылкой достоверного познания?
6. Что такое эмпиризм? Какие мыслители являются его представителями в философии Нового времени?
7. Что такое рационализм? Какие мыслители являются его представителями в философии Нового времени?
8. Как соотносятся понятия «эмпиризм» и «сенсуализм»?
9. В чем заключается основное различие во взглядах на субстанцию между Декартом и Спинозой?
10. В чем состоит специфика понимания субстанции у Лейбница?
11. Какими признаками обладает монада у Лейбница?
12. Почему Беркли и Юма считают представителями субъективного идеализма? Аргументируйте ваш ответ.
13. В чем Т. Гоббс видит причины образования государства?
14. Какова сущность государства с точки зрения Гоббса?
15. Как Гоббс и Спиноза понимают естественное состояние людей? В чем различие их взглядов?

7 ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ XIX В.

7.1 ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

АБСОЛЮТНАЯ ИДЕЯ - основная категория философии Гегеля, обозначающая мироздание в его полноте, безусловную, конкретную и личностную всеобщность (субъект и объект одновременно).

АНТИНОМИЯ – сочетание взаимно противоречащих высказываний о предмете, допускающих одинаково убедительное логическое обоснование.

АПОСТЕРИОРИ – знание, получаемое из опыта.

АПРИОРИ – знание, предшествующее опыту и независимое от него

«ВЕЩЬ В СЕБЕ» – объект внешнего мира (или весь мир в целом) такой, какой он существует сам по себе.

«ВЕЩЬ ДЛЯ НАС» - образ (явление) объекта внешнего мира (или всего мира в целом), существующий в человеческом сознании.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ – философия марксизма-ленинизма; научно-материалистическое философское мировоззрение; наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления.

ИММАНЕНТНОЕ – понятие, означающее внутренне присущее чему-либо свойство (закономерность).

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ – социальная философия марксизма-ленинизма; наука об общих и специфических законах функционирования и развития общественно-экономических формаций.

ИРРАЦИОНАЛИЗМ – направление в философии, которое ограничивает или отрицает возможности разума в процессе познания и утверждает алогичный и иррациональный характер самого бытия.

КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ – понятие, введенное Кантом и обозначающее безусловный нравственный закон.

ОБЩЕСТВЕННОЕ БЫТИЕ – материальные отношения людей к природе и друг к другу, возникающие в процессе становления человеческого общества.

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ – духовная сторона жизни общества; целостное духовное явление, обладающее определенной внутренней структурой.

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФОРМАЦИЯ – исторически определенный тип общества с характерным только для него способом производства.

ОБЪЕКТИВНЫЙ ИДЕАЛИЗМ – одно из основных направлений в идеализме, считающее первоосновой мира всеобщее сверхиндивидуальное духовное начало.

СНЯТИЕ – преобразование, в котором наличные формы или принципы устраняются, отрицаются, но вместе с тем сохраняют, удерживают свое значение как подчиненные моменты новой целостности или системы.

СОЛИПСИЗМ – крайняя форма субъективного идеализма, в которой несомненной реальностью признается только мыслящий субъект, а все остальное объявляется существующим лишь в сознании индивида.

СТАНОВЛЕНИЕ – процесс формирования какого-либо материального или идеального объекта; переход возможности в действительность в процессе развития.

СУБЪЕКТИВНЫЙ ИДЕАЛИЗМ – направление в философии, которое отрицает наличие какой-либо реальности вне сознания субъекта либо рассматривает ее как нечто полностью определяемое его активностью.

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ – термин, обозначающий такие аспекты бытия, которые выходят за сферу ограниченного существования, конечного, эмпирического мира.

ТРАНСЦЕНДЕНТНЫЙ – термин, характеризующий всё то, что выходит за пределы чувственного опыта, эмпирического познания мира; предмет религиозного и метафизического познания.

7.2 ПЕРСОНАЛИИ

ИММАНУИЛ КАНТ – 1724-1804 гг. *Основные труды:* «Всеобщая естественная история и теория неба», «Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности суждения», «Религия в пределах только разума», «Трактат о вечном мире».

ИОГАНН ГОТЛИБ ФИХТЕ – 1762-1814 гг. *Основные труды:* «Основы общего наукоучения», «Основы естественного права», «Назначение человека», «Основные черты настоящей эпохи».

ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ ЙОЗЕФ ШЕЛЛИНГ – 1775-1854 гг. *Основные труды:* «Система трансцендентального идеализма», «Философия искусства».

ГЕОРГ ВИЛЬГЕЛЬМ ФРИДРИХ ГЕГЕЛЬ – 1770-1831 гг. *Основные труды:* «Феноменология духа», «Наука логики», «Энциклопедия философских наук», «Философия права», «Философия религии», «Философия истории».

ЛЮДВИГ АНДРЕАС ФЕЙЕРБАХ – 1804-1872 гг. *Основные труды:* «К критике философии Гегеля», «Сущность христианства», «Основные положения философии будущего».

КАРЛ МАРКС – 1818-1883 гг. *Основные труды:* «Нищета философии», «К критике политической экономии», «Капитал». Совместно с Энгельсом: «Святое семейство», «Немецкая идеология», «Манифест Коммунистической партии».

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС – 1820-1895 гг. *Основные труды:* «Диалектика природы», «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Л. Фейербах и конец немецкой классической философии».

АРТУР ШОПЕНГАУЭР – 1788-1860 гг. *Основные труды:* «Мир как воля и представление», «О воле в природе», «О свободе человеческой воли», «Об основании морали».

СЕРЕН КЬЕРКЕГОР – 1813-1855 гг. *Основные труды:* «Или – или», «Страх и трепет», «Философские крохи», «Стадии жизненного пути», «Болезнь к смерти», «Введение в христианство».

ФРИДРИХ НИЦШЕ – 1844-1900 гг. *Основные труды:* «Рождение трагедии из духа музыки», «Человеческое, слишком человеческое», «Веселая наука», «Так говорил

Заратустра», «По ту сторону добра и зла», «Антихристианин», «Сумерки богов», «Воля к власти».

7.3 ЗАДАНИЯ

1. Что такое априорное знание, по мнению Канта?

«... никакое познание не предшествует *во времени* опыту, оно всегда начинается с опыта.

Но хотя всякое наше познание и начинается *с* опыта, отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит *из* опыта. Вполне возможно, что даже наше опытное знание складывается из того, что мы воспринимаем посредством впечатлений и того, что наша собственная познавательная способность (только побуждаемая чувственными впечатлениями) дает от себя самой, причем это добавление мы отличаем от основного чувственного материала лишь тогда, когда продолжительное упражнение обращает на него наше внимание и делает нас способными к обособлению его.

Поэтому возникает по крайней мере вопрос..., существует ли такое независимое от опыта и даже от всех чувственных впечатлений познание? Такие знания называются *априорными*; их отличают от *эмпирических* знаний, которые имеют апостериорный источник, а именно в опыте.

Однако термин *a priori* еще недостаточно определен, чтобы надлежащим образом обозначить весь смысл поставленного вопроса. В самом деле, обычно относительно некоторых знаний, выведенных из эмпирических источников, говорят, что мы способны или причастны к ним *a priori* потому, что выводим их не непосредственно из опыта, а из общего правила, которое, однако, само заимствовано нами из опыта. Так о человеке, который подрыл фундамент своего дома, говорят: он мог *a priori* знать, что дом обвалится, иными словами, ему незачем было ждать опыта, т.е. когда дом действительно обвалится. Однако знать об этом совершенно *a priori* он все же не мог. О том, что тела имеют тяжесть и потому падают, когда лишены опоры, он все же должен быть раньше узнать из опыта.

Поэтому в дальнейшем исследовании мы будем называть априорными знания, *безусловно* независимые от всякого опыта, а не независимые от того или иного опыта. Им противоположны эмпирические знания, или знания, возможные только *a posteriori*, т.е. посредством опыта. В свою очередь, из априорных знаний *чистыми* называются те знания, к которым совершенно не примешивается ничто эмпирическое. Так, например, положение *всякое изменение имеет свою причину* есть положение априорное, но не чистое, так как понятие изменения может быть получено только из опыта» (Критика чистого разума / Мир философии. Ч. 1. С. 508).

2. Прочитайте рассуждение Канта о «вещах самих по себе» и определите, к какой разновидности идеализма оно относится.

«Каковы предметы в себе и обособленно от ... восприимчивости нашей чувственности, нам совершенно неизвестно. Мы не знаем ничего, кроме свойственного нам способа воспринимать их, который к тому же необязателен для всякого существа, хотя и должен быть присущ каждому человеку. Мы имеем дело только с этим способом восприятия. Пространство и время суть чистые формы его, а ощущение вообще есть его материя. Пространство и время мы можем познавать только *a priori*, т.е. до всякого действительного

восприятия, и потому они называются чистым созерцанием; ощущения же суть то в нашем познании, благодаря чему оно называется апостериорным познанием, т.е. эмпирическим созерцанием. Пространство и время, безусловно, необходимо принадлежат нашей чувственности, каковы бы ни были наши ощущения; ощущения же могут быть весьма различными. /.../

Не только возможно или вероятно, но и совершенно несомненно, что пространство и время как необходимые условия всякого (внешнего и внутреннего) опыта суть лишь субъективные условия всякого нашего созерцания, в отношении к которому поэтому все предметы суть только явления, а не данные таким образом вещи сами по себе; поэтому о том, что касается формы их, многое можно сказать а priori, но никогда ничего нельзя сказать о вещи в себе, которая могла бы лежать в основе этих явлений.

/.../ Когда я говорю, что как созерцание внешних объектов, так и самосозерцание души в пространстве и времени представляет нам эти объекты так, как они действуют на наши чувства, т.е. так, как они являются, я этим вовсе не хочу сказать, будто эти предметы суть лишь *видимость*. В явлении объекты и даже свойства, которые мы им приписываем, всегда рассматриваются как нечто действительно данное, но поскольку эти свойства зависят только от способа созерцания субъекта в отношении к нему данного предмета, то мы отличаем предмет как *явление* от того же предмета как объекта *самого по себе*» (Критика чистого разума // Антология мировой философии. М., 1971. Т. 3. С. 113-114).

3. Что представляет собой императив в этике Канта? Как философ различает гипотетический и категорический императивы?

«/.../ Все нравственные понятия имеют свое место и возникают совершенно а priori в разуме, и притом в самом обыденном человеческом разуме так же, как и в исключительно спекулятивном /.../; они не могут быть отвлечены ни от какого эмпирического и потому лишь случайного познания /.../; именно эта чистота их происхождения делает их достойными служить нам высшими практическими принципами /.../.

Представление об объективном принципе, поскольку он принудителен для воли, называется велением (разума), а формула веления называется *императивом*.

Все императивы выражены через *долженствование* и этим показывают отношение объективного закона разума к такой воле, которая по своему субъективному характеру не определяется этим с необходимостью (принуждение). Они говорят, что делать нечто или не делать этого хорошо, но они говорят это такой воле, которая не всегда делает нечто потому, что ей дают представление о том, что делать это хорошо. Но практически *хорошо* то, что определяет волю посредством представлений разума, стало быть не из субъективных причин, а объективно, т.е. из оснований, значимых для всякого разумного существа, как такового. В этом состоит отличие практически хорошего от *приятного*; приятным мы называем то, что имеет влияние на волю только посредством ощущения из чисто субъективных причин, значимых только для того или иного из чувств данного человека, не как принцип разума, имеющий силу для каждого.

/.../ Все *императивы*, далее, повелевают или *гипотетически*, или *категорически*. Первые представляют практическую необходимость возможного поступка как средство к чему-то другому, чего желают (или же возможно, что желают) достигнуть. Категорическим императивом был бы такой, который представлял бы какой-нибудь поступок как объективно необходимый сам по себе, безотносительно к какой-либо другой цели. /.../

Существует императив, который, не полагая в основу как условие какую-нибудь другую цель, достижимую тем или иным поведением, непосредственно предписывает это поведение. Этот императив *категорический*. Он касается не содержания поступка и не того, что из него должно последовать, а формы и принципа, из которого следует сам поступок; существенно хорошее в этом поступке состоит в убеждении, последствия же могут быть какие угодно. Этот императив можно назвать императивом *нравственности*. /.../

/.../ Существует только один категорический императив, а именно: *поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом*» (Пролегомены ко всякой будущей метафизике / там же. С. 157-159).

4. Внимательно ознакомьтесь с описанием долга и морального закона, данным Кантом. Актуальны ли его представления для современного человека?

«Долг! Ты возвышенное, великое слово, в тебе нет ничего приятного, что льстило бы людям, ты требуешь подчинения, хотя, чтобы побудить волю, и не угрожаешь тем, что внушало бы естественное отвращение в душе и пугало бы; ты только устанавливаешь закон, который сам собой проникает в душу и даже против воли может снискать уважение к себе (хотя и не всегда исполнение); перед тобой замолкают все склонности, хотя бы они тебе втайне и противодействовали, - где же твой достойный тебя источник и где корни твоего благородного происхождения, гордо отвергающего всякое родство со склонностями, и откуда возникают необходимые условия того достоинства, которое только *люди* могут дать себе?»

Это может быть только то, что возвышает человека над самим собой (как частью чувственно воспринимаемого мира), что связывает его с порядком вещей, единственно который рассудок может мыслить и которому вместе с тем подчинен весь чувственно воспринимаемый мир, а с ним эмпирически определяемое существование человека во времени и совокупность всех целей (что может соответствовать только такому безусловному практическому закону, как моральный). Это не что иное, как *личность*, т.е. свобода и независимость от механизма всей природы, рассматриваемая вместе с тем как способность существа, которое подчинено особым, а именно данным собственным разумом чистым практическим законам...

Моральный закон *свят* (ненарушим). Человек, правда, не так уж свят, но *человечество* в его лице должно быть для него святым. Во всем сотворенном всё что угодно и для чего угодно может быть употреблено *всего лишь как средство*; только человек, а с ним каждое разумное существо есть *цель сама по себе*. Именно он субъект морального закона, который свят в силу автономии своей свободы. Именно поэтому каждая воля, даже собственная воля каждого лица, направленная на него самого, ограничена условием согласия ее с *автономией* разумного существа, а именно не подчиняться никакой цели, которая была бы невозможна по закону, какой мог бы возникнуть из воли самого подвергающегося действию субъекта; следовательно, обращаться с этим субъектом следует не только как с средством, но и как с целью. Это условие мы справедливо приписываем даже божественной воле по отношению к разумным существам в мире как его творениям, так как оно основывается на *личности* их, единственно из-за которой они и суть цели сами по себе» (там же. С. 166).

5. Что означает, по мнению Гегеля, мыслить абстрактно?

«Мыслить? Абстрактно? – «Спасайся, кто может» - наверняка завопит тут какой-нибудь наемный осведомитель, предостерегая публику от чтения статьи, в которой речь пойдет про «метафизику». Ведь «метафизика» - как и «абстрактное» (да, пожалуй, как и «мышление») – слово, которое в каждом вызывает более или менее сильное желание удрать подальше, как от чумы.

Спешу успокоить: я вовсе не собираюсь объяснять здесь, что такое «абстрактное» и что значит «мыслить». Объяснения вообще считаются в порядочном обществе признаком дурного тона. Мне и самому становится не по себе, когда кто-нибудь начинает что-либо объяснять, - в случае необходимости я и сам сумею все понять. /.../

Мы находимся в приличном обществе, где принято считать, что каждый из присутствующих точно знает, что такое «мышление» и что такое «абстрактное». Стало быть, остается лишь выяснить, *кто* мыслит абстрактно. /.../

Кто мыслит абстрактно? – Необразованный человек, а вовсе не просвещенный. В приличном обществе не мыслят абстрактно потому, что это слишком просто, слишком неблагородно (неблагородно не в смысле принадлежности к низшему сословию), и вовсе не из тщеславного желания задирать нос перед тем, чего сами не умеют делать, а в силу внутренней пустоты этого занятия. /.../

В обоснование своей мысли я приведу лишь несколько примеров, на которых каждый сможет убедиться, что дело обстоит именно так. Ведут на казнь убийцу. Для толпы он убийца – и только. Дамы, может статься, заметят, что он сильный, красивый, интересный мужчина. Такое замечание возмутит толпу: как так? Убийца – красив? Можно ли думать столь дурно, можно ли называть убийцу – красивым? Сами небось не лучше! Это свидетельствует о моральном разложении знати, добавит, быть может, священник, привыкший глядеть в глубину вещей и сердец.

Знаток же человеческой души рассмотрит ход событий, сформировавших преступника, обнаружит в его жизни, в его воспитании влияние дурных отношений между его отцом и матерью, увидит, что некогда этот человек был наказан за какой-то незначительный проступок с чрезмерной суровостью, ожесточившей его против гражданского порядка, вынудившей к сопротивлению, которое и привело к тому, что преступление сделалось для него единственным способом самосохранения. Почти наверняка в толпе найдутся люди, которые – доведись им услышать такие рассуждения – скажут: да он хочет оправдать убийцу! /.../

Это и называется «мыслить абстрактно» - видеть в убийце только одно абстрактное – что он убийца и называнием такого качества уничтожать в нем все остальное, что составляет человеческое существо» (Кто мыслит абстрактно // Мир философии. Ч. 1. С. 523-524).

6. В каком отношении находится философия к действительности? Прокомментируйте мнение Гегеля.

«... философия именно потому, что она есть *проникновение в разумное*, представляет собой *наличного и действительного*, а не выставление потустороннего начала, которое бог знает где существует или о котором, вернее, мы на самом деле можем определенно сказать, где оно существует, можем сказать, что оно существует только в заблуждении одностороннего, пустого рассуждательства. /.../

*Что разумно, то действительно;
и что действительно, то разумно.*

Этого убеждения придерживается каждое не испорченное умствованиями сознание, точно так же как и философия, и из этого убеждения исходит философия в своем рассмотрении как *духовного*, так и *природного* универсума /.../.

Постичь то, что *есть*, - вот в чем задача философии, ибо то, что есть, есть разум. Что же касается отдельных людей, то, уж конечно, каждый и без того *сын своего времени*; таким образом и философия есть точно так же *современная ей эпоха, постигнутая в мышлении*. Столь же глупо думать, что какая-либо философия может выйти за пределы современного ей мира, сколь глупо думать, что отдельный индивидуум может перепрыгнуть через свою эпоху... Если же его теория в самом деле выходит за ее пределы, если он строит себе мир, *каким он должен быть*, то этот мир, хотя, правда, и существует, однако только в его мнении; последнее представляет собой мягкий материал, на котором можно запечатлеть все, что угодно. /.../

Сделаем еще одно замечание относительно поучения, каким мир должен быть; мы добавим к вышесказанному, что помимо всего прочего философия всегда приходит для такого поучения слишком поздно. В качестве мысли о мире она появляется лишь тогда, когда действительность закончила свой процесс образования и завершила себя. Этому учит понятие, и история также необходимо показывает нам, что лишь в пору зрелости действительности идеальное выступает наряду с реальным и строит для себя в образе интеллектуального царства тот же самый мир, лишь постигнутый в своей субстанции. Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, это показывает, что некоторая форма жизни постарела и своим серым по серому философия может не омолодить, а лишь понять ее; сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек» (Наука логики. Ч.1 / там же. С. 286-287).

7. В чем, по Гегелю, заключается сущность диалектики?

«В высшей степени важно уяснить себе, как следует понимать и познавать диалектическое. Оно является вообще принципом всякого движения, всякой жизни и всякой деятельности в действительности. Диалектическое есть также душа всякого истинно научного познания. Нашему обычному сознанию не останавливаться на абстрактных определениях рассудка представляется делом справедливости, по пословице: жить и жить давать другим, так что мы признаем одно, а *также* и другое. Но более строгое рассмотрение показывает нам, что конечное ограничивается не только извне, а снимается посредством своей собственной природы и самой собой переходит в другое. Так, например, говорят: «Человек смертен» - и рассматривают смерть как нечто, имеющее свою причину лишь во внешних обстоятельствах; согласно этому способу рассмотрения, существуют два самостоятельных свойства человека: свойство быть живым и, *кроме того*, свойство быть смертным. Но истинное понимание состоит в том, что жизнь, как таковая, носит в себе зародыш смерти и что вообще конечное противоречит себе внутри самого себя и вследствие этого снимает себя. – Не следует, далее, смешивать диалектику с *софистикой*, сущность которой как раз и состоит в том, что она выдвигает те или другие односторонние и абстрактные определения в их изолированности, смотря по тому, какого из этих определений требуют в данный момент интересы индивидуума и то положение, в котором он находится. Так, например, в области практической деятельности является существенным,

чтобы я существовал и чтобы я обладал средствами к существованию. Но если я выдвигаю обособленно эту сторону дела, этот принцип моего блага, и делаю из него вывод, что я имею право красть или изменять своему отечеству, то это пошлая софистика. Точно так же в моей деятельности представляет собой существенный принцип моя субъективная свобода в том смысле, что я должен действовать согласно своему разумению и убеждению. Но если я рассуждаю, руководясь *только* этим принципом, то это также пошлая софистика, и этим я выбрасываю за борт все принципы нравственности. - Диалектика существенно отлична от такого способа рассуждения, ибо она именно и ставит себе целью рассматривать вещи в себе и для себя, т.е. согласно их собственной природе, причем тогда обнаруживается конечность односторонних определений рассудка» (там же. С. 292-293).

8. В чем заключается суть гегелевского понимания истины?

«Обыкновенно мы называем истиной согласие предмета с нашим представлением. Мы имеем при этом в качестве предпосылки предмет, которому должно соответствовать наше представление о нем. В философском смысле, напротив, истина в своем абстрактном выражении вообще означает согласие некоторого содержания с самим собой. Это, следовательно, совершенно другое значение истины, чем вышеупомянутое. Впрочем, более глубокое (философское) значение истины встречается отчасти также и в обычном словоупотреблении; мы говорим, например, об *истинном* друге и понимаем под этим такого друга, способ действия которого соответствует понятию дружбы; точно так же мы говорим об *истинном* произведении искусства. Неистинное означает в этих выражениях дурное, несоответственное самому себе. В этом смысле плохое государство есть неистинное государство, и плохое и неистинное вообще состоит в противоречии, имеющем место между определением, или понятием, и существованием предмета. О таком плохом предмете мы можем себе составить правильное представление, но содержание этого представления неистинно внутри себя.

/.../ Когда я *знаю*, что нечто *существует*, говорят, что я обладаю истиной. Так первоначально представляют истину. Это, однако, истина лишь по отношению к сознанию или формальная истина, это только правильность. Истина же в более глубоком смысле состоит, напротив, в том, что объективность тождественна с понятием. Об этом-то наиболее глубоком *смысле* истины идет речь, когда говорят об *истинном* государстве или об *истинном* произведении искусства. Эти предметы истинны, когда они суть то, чем они *должны* быть, т.е. когда их реальность соответствует их понятию. Понимаемое таким образом неистинное есть то же самое, что обычно называют также и плохим. Плохой человек есть неистинный человек, т.е. человек, который не ведет себя согласно своему понятию или своему назначению.

/.../ Пусть объективный мир являет нам механические и целевые причины; их существование не есть мерило *истины*, а, наоборот, истина есть критерий того, какое из этих существований есть истинное существование мира. Подобно тому как субъективный рассудок являет нам в нем (в рассудке) также и заблуждения, так и объективный мир являет также и те стороны и ступени истины, которые, взятые сами по себе, лишь односторонни, неполны и суть только отношения явлений» (там же. С. 325-326).

9. Каковы, по Фейербаху, причины существования веры в бессмертие души?

«Верно, что у большинства народов имеется ... вера в бессмертие; Важно, однако, так же как и при рассмотрении веры в бога, *распознать*, что эта вера в действительно-

сти собой выражает. Все люди верят в бессмертие. *Это означает:* верующие в бессмертие не считают, что со смертью человека наступает конец его существования; притом не считают этого по той простой причине, что прекращение восприятия нашими чувствами действительного существования человека еще не означает, что он прекратил существование духовно, то есть в памяти, в сердцах продолжающих жить людей. Умерший для живого не превратился в ничто, не абсолютно уничтожен; он как бы изменил лишь форму своего существования; он лишь превратился из телесного существа в духовное, то есть из подлинного существа в существо представляемое. /.../ Поэтому вера в бессмертие, будучи необходимым, нефальсифицированным и безыскусственным выражением природы человека, выражает не что иное, как истину и факт, признаваемые также внутренне неверующими, заключающиеся в том, что человек, утрачивая свое телесное существование, не теряет своего существования в духе, в воспоминаниях, в сердцах живых людей.

Неверие образованных людей в бессмертие, значит, отличается от мнимой веры в бессмертие еще не испорченных, простых народов только тем, что образованный человек знает, что образ умершего есть только образ, а неразвитый человек видит в нем существо; то есть разница заключается в том, что вообще отличает образованного или зрелого человека от необразованного или находящегося на детской стадии развития человека, а именно в том, что последний персонифицирует безличное, оживляет неживое, в то время как образованный человек различает между лицом и предметом, между живым и неживым» (Фейербах Л. Избр. фил. произв. Т. 1 // Антология мировой философии. Т. 3. С. 443-444).

10. В чем Фейербах видит сущность религии?

«/.../ Объект человека есть не что иное, как его же объективная сущность. Бог человека таков, каковы его мысли и намерения. Ценность бога не превышает ценности человека. Сознание бога есть самосознание человека, познание бога – самопознание человека. О человеке можно судить по богу и о боге – по человеку. Они тождественны. Божество человека заключается в его духе и сердце, а дух, душа и сердце человека обнаруживаются в его боге. Бог есть откровение внутренней сути человека, выражение его «я»; религия есть торжественное раскрытие тайных сокровищ человека, признание его сокровенных помыслов, открытое исповедание его тайн любви.

/.../ Религия есть тождественное с сущностью человека воззрение на сущность мира и человека. Но не человек возвышается над своим воззрением, а оно возвышается над ним, одухотворяет и определяет его, господствует над ним.

/.../ Сущность и сознание религии исчерпывается тем, что заключается в сущности человека, его сознании и самосознании. У религии нет собственного, особого содержания.

Человек – и в этом заключается тайна религии – объективирует свою сущность и делает себя предметом этой объективированной сущности, превратившейся в субъект, в личность, он относится к себе как к объекту, но как к объекту другого объекта, другого существа.

/.../ В религии человек раздваивается в самом себе: он противопоставляет себе бога как нечто противоположное ему. Бог есть не то, что человек, а человек не то, что бог. Бог – бесконечное, человек – конечное существо; бог совершенен, человек несовершенен; бог вечен, человек смертен; бог всемогущ, человек бессилён; бог свят, человек греховен. Бог и человек составляют крайности.

/.../ Разлад между богом и человеком, на котором основана религия, есть разлад человека с его собственной сущностью» (там же. С. 445-446).

11. Чем предлагает Фейербах заменить религию?

«/.../ Отрицание того света имеет своим следствием утверждение этого; упразднение лучшей жизни на небесах заключает в себе требование: необходимо должно стать лучше на земле; оно превращает лучшее будущее из предмета праздной, бездейственной веры в предмет обязанности, в предмет человеческой самодеятельности. /.../ Необходимым выводом из существующих несправедливостей и бедствий человеческой жизни является единственно лишь стремление их устранить, а отнюдь не вера в потусторонний мир, вера, которая складывает руки на груди и предоставляет злу беспрепятственно существовать /.../.

/.../ Мы должны на место любви к богу поставить любовь к человеку как единственную истинную религию, на место веры в бога – веру человека в самого себя, в свою собственную силу, веру в то, что судьба человечества зависит не от существа, вне его или над ним стоящего, а от него самого, что единственным дьяволом человека является человек грубый, суеверный, своекорыстный, злой, но также единственным богом человека является человек» (там же. С. 458).

12. В чем видит К. Маркс причины существования и сущность религии? Выскажите свое отношение к его точке зрения.

«Основа иррелигиозной критики такова: человек создает религию, религия же не создает человека. А именно: религия есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял. Но человек – не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек – это мир человека, государство, общество. Это государство, это общество порождают религию, превратное мировоззрение, ибо сами они – превратный мир. Религия есть общая теория этого мира, его энциклопедический компендиум, его логика в популярной форме, его спиритуалистический point d'honneur (слово чести. – примеч. составителя), его энтузиазм, его моральная санкция, его торжественное восполнение, его всеобщее основание для утешения и оправдания. Она претворяет в фантастическую действительность человеческую сущность, потому что человеческая сущность не обладает истинной действительностью. Следовательно, борьба против религии есть косвенно борьба против того мира, духовной услугой которого является религия.

Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества. Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа.

Упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть требование его действительного счастья. Требование отказа от иллюзий о своем положении есть требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях. Критика религии есть, следовательно, в зародыше критика той юдоли плача, священным ореолом которой является религия.

Критика сбросила с цепей украшавшие их фальшивые цветы – не для того, чтобы человечество продолжало носить эти цепи в их форме, лишенной всякой радости и всякого наслаждения, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком. Критика религии освобождает человека от иллюзий, чтобы он мыслил, действовал, строил

свою действительность как освободившийся от иллюзий, как ставший разумным человек; чтобы он вращался вокруг себя самого и своего действительного солнца. Религия есть лишь иллюзорное солнце, движущееся вокруг человека до тех пор, пока он не начинает двигаться вокруг себя самого (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 414-415).

13. Какие различия проводит Ницше между ученым и философом?

«Постепенно для меня прояснилось, чем таким была до сих пор любая великая философия, - исповедью своего сочинителя, чем-то вроде *memoires* против воли и без означения жанра, а сверх того прояснилось, что моральные (или аморальные) намерения составляют живой зародыш любой философии – из него произрос весь побег. На деле: объясняя, откуда повелись самые отвлеченнейшие метафизические утверждения философа, лучше (и разумнее) всего спрашивать себя, куда все это (куда он) гнет – что за мораль он преследует своей философией? Соответственно я и не верю, будто «влечение к познанию» родило философию, а верю, что совсем иное влечение (как бывает всегда) воспользовалось этим самым познанием (или «обознанием») как своим инструментом. А если рассмотреть основные влечения человека..., то откроется, что любое влечение уже успело позаняться философией и что каждое с величайшей готовностью выдает себя за конечную цель бытия и за полноправного *властелина* всех прочих инстинктов. Ибо властолюбиво всякое влечение – и именно *как таковое* оно пытается философствовать... Конечно, у мужей ученых, у настоящих людей науки, должно быть, все совсем иначе и, если угодно, «лучше», - тут уж наверняка есть какое-нибудь особенное влечение к познанию, какой-нибудь крохотный, ни от чего не зависящий часовой механизм: стоит его завести, и вот он трудится, *без* сколько-нибудь заметного соучастия иных влечений ученого мужа. Поэтому подлинные «интересы» ученого – они всегда в какой-нибудь еще сфере, например, в семье, или в политике, или в добывании денег, и почти совершенно безразлично, куда, к какому месту науки приставить его маленькую машинку и во что превратит себя «подающий надежды» юный труженик – в хорошего ли филолога, или в миколога, или в химика, - отнюдь его не *характеризует*, чем он станет – тем ли, этим ли. Напротив, в философе нет и следа безличного, и особенно мораль его решительно и решающим образом свидетельствует о том, *кто он*, то есть в каком иерархическом порядке установлены друг относительно друга самые сокровенные влечения его натуры...» (По ту сторону добра и зла // Вопросы философии. 1989, № 5. С. 126-127).

14. Что в ницшеанском понимании европейской морали представляется вам неприемлемым?

«Ввиду того, что во все времена существования людей существовали также и человеческие стада (родовые союзы, общины, племена, народы, государства, церкви) и всегда было слишком много повинующихся по отношению к небольшому числу повелевающих, - принимая, стало быть, во внимание, что до сих пор повиновение с большим успехом и очень долго практиковалось среди людей и прививалось им, можно сделать справедливое предположение, что в среднем теперь каждому человеку прирождена потребность подчиняться, как нечто вроде *формальной совести*, которая велит: «ты должен делать что-то безусловно, а чего-то безусловно не делать», словом, «ты должен». Эта потребность стремится к насыщению, к наполнению своей формы содержанием; при этом вследствие своей силы и напряженного нетерпения, мало разборчивая, как грубый аппетит; она бросается на всё и исполняет всё, что только ни прикажет ей кто-нибудь из пове-

левающих – родители, учителя, законы, сословные предрассудки, общественное мнение. Необыкновенная ограниченность человеческого развития, его медленность, томительность, частое возвращение вспять и вращение на месте – все это зависит от того, что стадный инстинкт повиновения передается по наследству очень успешно и в ущерб искусству повелевания. /.../ Таково ныне действительное положение Европы – я называю это моральным лицемерием повелевающих. Они не умеют иначе защититься от своей нечистой совести, как тем, что корчат из себя исполнителей старейших и высших повелений (своих предшественников, конституции, права, закона или даже Бога) или заимствуют у стадного образа мысли стадные максимы, называя себя, например, «первыми слугами своего народа» или «орудиями общего блага». С другой стороны, стадный человек в Европе принимает теперь такой вид, как будто он единственная дозволенная порода человека, и прославляет как истинно человеческие добродетели те свои качества, которые делают его смиренным, уживчивым и полезным стаду: стало быть, дух общности, благожелательство, почтительность, прилежание, умеренность, скромность, снисходительность, сострадание. Там же, где считают невозможным обойтись без вождей и баранов-передовиков, делают нынче попытку за попыткой заменить начальников совокупностью умных стадных людей: такого происхождения, например, все представительные учреждения. /.../

/.../ Мы нашли, что во всех главных моральных суждениях Европа и те страны, где господствует европейское влияние, достигли полного согласия: в Европе очевидно *знают* то, что казалось неизвестным Сократу и чему некогда обещал научить знаменитый древний Змий, - в Европе *«знают»* нынче, что значит добро и зло. И как бы резко и неприятно для слуха это ни звучало, мы все же повторяем: то, что в данном случае мнит себя знающим, что само себя прославляет своей похвалой и порицанием, само себя называет добрым, есть инстинкт стадного животного человека, - инстинкт, прорвавшийся сквозь другие инстинкты, достигший над ними перевеса, преобладания и все усиливающийся в этом отношении по мере роста физиологического сглаживания различий между особями, симптомом чего он и является. *Мораль в Европе есть нынче мораль стадных животных*; это, стало быть, на наш взгляд, только *один* вид человеческой морали, кроме которого, до которого и после которого возможны или должны быть возможны многие другие, прежде всего *высшие* морали. /.../ С помощью религии, которая всегда была к услугам возвышеннейших стадных вождельний и льстила им, дело дошло даже до того, что и в политических, и в общественных установлениях мы видим все более явное выражение этой морали: *демократическое движение наследует христианскому»* (Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Соч. Т. 1. С. 317-319).

15. Прочитайте приведенный ниже фрагмент и определите, к какому философскому направлению относятся взгляды Шопенгауэра.

«/.../ нет истины более несомненной, более независимой от всех других, менее нуждающейся в доказательстве, чем та, что все существующее для познания, т.е. весь этот мир, является только объектом по отношению к субъекту, воззрением для взирающего – короче говоря, представлением. Естественно, это относится и к настоящему, и ко всякому прошлому, и ко всякому будущему, относится и к самому отдаленному, и к близкому: ибо это распространяется на самое время и пространство, в которых только и находятся все такие различия. Все, что принадлежит и может принадлежать миру, неизбежно обречено этой обу-

словленности субъектом и существует только для субъекта. Мир - представление.

/.../ но что такой взгляд, без ущерба для его правильности, все-таки односторонен и, следовательно, вызван каким-нибудь произвольным отвлечением, это подсказывает каждому то внутреннее противодействие, с которым он принимает мир только за свое представление; с другой стороны, однако, он никогда не может уклониться от такого допущения. Но односторонность этого взгляда восполнит следующая книга с помощью истины, которая не столь непосредственно достоверна, как служащая здесь нашим исходным пунктом, и к которой могут привести только глубокое исследование, трудная абстракция, различие неодинакового и соединение тождественного, - с помощью истины, которая очень серьезна и у всякого с помощью истины, которая очень серьезна и у всякого должна вызывать если не страх, то раздумье, - истины, что она также может сказать и должен сказать: «Мир – моя воля» (Мир как воля и представления // Антология мировой философии. Т. 3. С. 676-677).

16. Как Шопенгауэр обосновывает всеобщность воли?

«/.../ Когда мы направляем на них испытующий взор, когда мы видим мощное, неудержимое стремление вод к глубине; постоянство, с которым магнит снова и снова обращается к северу; тяготение, с которым влечется к нему железо; напряженность, с которой полюсы электричества жаждут воссоединения и которая, как и напряженность человеческих желаний, возрастает от препятствий; когда мы видим, как быстро и неожиданно осаждается кристалл, с такой соразмерностью образования, которая, очевидно, представляет собой лишь пораженное и скованное оцепенением, но решительное и определенное влечение в разные стороны; когда мы замечаем выбор, с которым тела, в состоянии жидкости получившие свободу и выведенные из оков оцепенения, ищут и бегут друг к другу, соединяются и разлучаются; когда, наконец, мы непосредственно чувствуем, как тяжесть, стремлению которой к земной массе препятствует наше тело, беспрерывно давит и гнетет последнее, охваченная своим единственным порывом, - то не надо нам сильно напрягать своего воображения, чтобы даже в таком отдалении распознать нашу собственную сущность, то самое, что в нас при свете познания преследует свои цели, а здесь в самых слабых своих проявлениях стремится лишь слепо, глухо, односторонне и неизменно, то самое, однако, что, будучи всюду одинаково, подобно тому как и первое мерцание утренней зари делит с лучами яркого полудня название солнечного света, должно и здесь, как и там, носить имя воли, означающее бытие в себе каждой вещи в мире и всеединое зерно каждого явления» (там же. С. 688).

17. В чем Шопенгауэр видит цель человеческой жизни? Прокомментируйте ваше отношение к его взглядам.

«Если мы /.../ познали сущность мира как волю и во всех его проявлениях увидели только ее объективность, которую проследили от бессознательного порыва темных сил природы до сознательной деятельности человека, то мы никак не можем избежать вывода, что вместе со свободным отрицанием, отменой воли, упраздняются и все те явления, то беспрестанное стремление и искание без цели и без отдыха, на всех ступенях объектности, в которых и через которые существует мир, упраздняется разнообразие преемственных форм, упраздняются с волей все ее проявления и, наконец, общие формы последнего, время и пространство, как и последняя основная форма его – субъект и объект. Нет воли – нет представления, нет мира.

Пред нами остается, конечно, только ничто. Но ведь то, что противится этому рас-

творению в ничто, наша природа, есть именно только воля к жизни, которой являемся мы сами, как и она является нашим миром. То, что нас так страшит ничто, есть лишь иное выражение того, что мы так сильно хотим жизни и сами не что иное, как эта воля, и не знаем ничего, кроме нее.

Но если мы от нашей личной нужды и зависимости обратим свои взоры на тех, которые преодолели мир, в которых воля, достигнув полного самопознания, вновь нашла себя во всем и затем свободно сама себя отринула и которые ожидают только момента, когда они увидят, как исчезнет ее последняя искра и с нею тело, которое она животворит, то вместо беспрестанной борьбы и сутолоки, вместо вечного перехода от желания к страху и от радости к страданию, вместо никогда не удовлетворяемой и никогда не замирающей надежды, в чем и проходит сон жизни волящего человека, - вместо всего этого нам предстанет тот мир, который выше всякого разума, та полная тишь духа, тот глубокий покой, несокрушимое упование и ясность, одно только отражение которых на лице, как его воспроизвели Рафаэль и Корреджио, есть полное и надежное Евангелие: осталось только познание, воля исчезла» (там же. С. 703-704).

18. В чем заключается, по Кьеркегору, долг христианина перед собой?

«Бог и человек – это две природы, которых разделяет бесконечное различие качеств. Всякая доктрина, которая не желает с этим считаться, для человека является безумием, а для Бога – богохульством. В язычестве именно человек приводит Бога к человеку (антропоморфные боги); в христианстве именно Бог делает себя человеком (богочеловек), однако в бесконечном человеколюбии своей милости, своего милосердия Бог ставит одно условие – единственное, которого он не может ставить. В этом и состоит печаль Христа, что он вынужден ставить это условие, он вполне мог унизиться до образа слуги, вытерпеть мучения и смерть, призвать нас всех прийти к себе, пожертвовать своей жизнью ... но вот возмущение, о нет! Он не может снять возможности возмущения. О, единственное в своем роде действие! и неразгаданная печаль его любви, это бессилие самого Бога, а в другом смысле – и его отказ желать этого; это бессилие Бога, - даже его он сам хотел, чтобы этот акт любви не превратился для нас в нечто прямо противоположное, в наше крайнее несчастье! Ибо худшее для человека, еще худшее, чем грех, - это возмущаться Христом и упорствовать в этом возмущении. /.../

Это бесконечное различие качеств между Богом и человеком – вот повод для возмущения, возможности которого никак нельзя избежать. Бог сделался человеком из любви, и он говорит нам: видите, что значит быть человеком; однако он добавляет: берегитесь, в то же самое время я Бог... и блаженны те, кто не возмущается передо мною. А если он, будучи человеком, обретает внешний вид смиренного слуги, то это потому, что этот смиренный образ должен свидетельствовать всем нам о том, что никогда никто не должен считать себя исключенным из возможности приблизиться к Богу, равно как и о том, что для этого не нужно ни престижа, ни кредита. И действительно, он смирен. Обратитесь ко мне, говорит он, и придите убедиться, что значит быть человеком, но и берегитесь, ибо в то же самое время я Бог... и блаженны те, кто не возмущается против меня. Или с другой стороны: отец мой и я – одно, и, однако же, я тот человек, довольствующийся малым, тот смиренный, бедный, заброшенный, отданный человеческому насилию... и блаженны те, кто не возмущается против меня. И этот человек, довольствующийся немногим, каковым я являюсь, - это тот же человек, благодаря кому глухие слышат, благодаря кому слепые видят, а хромы идут, и исцеля-

ются прокаженные, и воскресают мертвецы... да, блаженны те, кто не возмущается против меня.

Вот почему эти слова Христа, когда о нем проповедуют, имеют такое значение; если не столько же, сколько слова освящения в Кане, то по крайней мере столько, сколько слова Послания к коринфянам: пусть каждый исследует себя. Ибо это слова самого Христа, и необходимо, в особенности для нас, христиан, без передышки напоминать себе о них, повторять их, твердить их себе вновь и вновь – каждому в отдельности» (Кьеркегор С. Болезнь к смерти // Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993. С. 345-347).

7.4 ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ.

1. Каковы особенности немецкой классической философии?
2. Какие знания Кант называет априорными?
3. Как взаимосвязаны учение Канта о чистом разуме и его этика?
4. Что представляет собой простой категорический императив Канта?
5. К какому философскому направлению относится система Гегеля? Почему?
6. Почему Гегеля называют одним из родоначальников диалектики?
7. Какой философский метод разработал Гегель? В чем его преимущества?
8. Почему философию Фейербаха называют антропологией?
9. Какие причины возникновения и воспроизводства религии раскрывает Фейербах?
10. Какие принципы лежат в основе марксистской философии?
11. Каковы основные положения социальной философии марксизма?
12. Какие стадии в духовном развитии человека выделяет Кьеркегор?
13. Что представляет собой воля в философии Шопенгауэра?
14. Почему Шопенгауэра считают представителем философского пессимизма?
15. На каких основаниях Ницше критикует европейскую культуру и мораль?

8 СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ

8.1 ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

АРХЕТИПЫ – всеобщие образы поведения и мышления; универсальные образцы коллективного бессознательного, которые еще не подверглись никакой сознательной обработке.

ВЕРИФИКАЦИЯ – логико-методологическая процедура установления истинности гипотезы на основе ее соответствия эмпирическим данным или теоретическим положениям, соответствующим эмпирическим данным.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ – критика метафизического способа мышления, основанного на понимании бытия как присутствия, данности, абсолютной полноты смысла.

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ – внутренне присущая сознанию направленность на предмет или собственная предметность сознания безотносительно к тому, является ли предмет реальным или только воображаемым.

ПСИХОАНАЛИЗ – изучение и объяснение бессознательных психических процессов и явлений.

РЕДУКЦИЯ – прием, обеспечивающий сведение (преобразование) данных, сущностей, задач, предложений, методов рассуждения и доказательства к чему-то более простому.

РЕЛЯТИВИЗМ – идея относительности всякого имеющегося (на данный момент времени) человеческого знания.

РИЗОМА – неструктурный и нелинейный способ организации целостности; «сетка» или «лабиринт» как образ культурного пространства.

СИМУЛЯКР – образ, существующий только как восприятие и символ; «копия копии», включая возможность копии того, что реально не существует.

СУБЛИМАЦИЯ – переключение психической энергии из одного состояния в другое; процесс, в ходе которого инстинктивные формы энергии переключаются в неинстинктивные.

СЦИЕНТИЗМ – термин, обозначающий взгляды людей, которые преувеличивают роль науки в жизни людей и общества в целом.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ – эмпирическое опровержение; процедура установления ложности гипотезы или теории путем эмпирической проверки.

ЭКЗИСТЕНЦИЯ – философское понятие, обозначающее конкретное бытие, существование в его простой фактичности.

8.2 ПЕРСОНАЛИИ

ОГЮСТ КОНТ – 1798-1857 гг. *Основные труды:* «Курс позитивной философии».

ЭРНСТ МАХ – 1838-1916 гг. *Основные труды:* «Анализ ощущений и отношение физического к психическому», «Познание и заблуждение», «Культура и механика».

РИХАРД АВЕНАРИУС – 1843-1896 гг. *Основные труды:* «Критика чистого опыта», «Человеческое понятие о мире», «О предмете психологии».

БЕРТРАН РАССЕЛ – 1872-1970 гг. *Основные труды:* «Проблемы философии», «Перспективы индустриальной цивилизации», «Человеческое познание, его сфера и границы», «Логика и знание».

ЛЮДВИГ ВИТГЕНШТЕЙН – 1889-1951 гг. *Основные труды:* «Логико-философский трактат», «Философские исследования», «О достоверности».

РУДОЛЬФ КАРНАП – 1891-1970 гг. *Основные труды:* «Логическое построение мира», «Мнимые проблемы в философии», «О протокольных предложениях», «Проверяемость и значение».

ТОМАС КУН – 1922-1995 гг. *Основные труды:* «Коперниканская революция», «Структура научных революций».

КАРЛ ПОППЕР – 1902-1994 гг. *Основные труды:* «Логика научного исследования», «Открытое общество и его враги», «Нищета историцизма», «Реализм и цель науки».

ЗИГМУНД ФРЕЙД – 1856-1939 гг. *Основные труды:* «Толкование сновидений», «По ту сторону принципа удовольствия», «Тотем и табу», «Психология масс и анализ человеческого Я», «Я» и «Оно», «Будущее одной иллюзии», «Недовольство культурой».

ЭРИХ ФРОММ – 1900-1980 гг. *Основные труды:* «Бегство от свободы», «Человек для самого себя», «Здоровое общество», «Антология человеческой деструктивности», «Иметь или быть?»

КАРЛ ГУСТАВ ЮНГ – 1875-1961 гг. *Основные труды:* «Психологические типы», «Отношение между Я и бессознательным», «Символика духа», «Метаморфозы и символы либидо».

ЭТЬЕН ЖИЛЬСОН – 1884-1978 гг. *Основные труды:* «Христианский экзистенциализм», «Теология и история духа», «Христианство и философия», «Философия и теология».

ЖАК МАРИТЕН – 1882-1973 гг. *Основные труды:* «Интегральный гуманизм», «Символ веры», «Краткий трактат о существовании и существующем», «О церкви Христовой».

ПЬЕР ТЕЙЯР ДЕ ШАРДЕН – 1881-1955 гг. *Основные труды:* «Феномен человека», «Божественная среда».

ЭДМУНД ГУССЕРЛЬ – 1859-1938 гг. *Основные труды:* «Философия как строгая наука», «Картезианские размышления».

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР – 1889-1976 гг. *Основные труды:* «Бытие и время», «Что такое метафизика?», «Письмо о гуманизме», «Техника и поворот», «Путевые вехи».

ЖАН-ПОЛЬ САРТР – 1905-1980 гг. *Основные труды:* «Бытие и ничто», «Экзистенциализм – это гуманизм», «Критика диалектического разума».

АЛЬБЕР КАМЮ – 1913-1960 гг. *Основные труды:* «Бунтующий человек», «Миф о Сизифе».

ХАНС-ГЕОРГ ГАДАМЕР – род. в 1900 г. *Основные труды:* «Истина и метод».

РОЛАН БАРТ – 1915-1980 гг. *Основные труды:* «Критика и истина», «Империю знаков».

ЖАН БОДРИЙЯР – род. в 1929 г. *Основные труды:* «Система вещей», «Символический обмен и смерть», «В тени молчаливого большинства», «Экстаз коммуникации», «Реквием по масс-медиа».

ЖИЛЬ ДЕЛЕЗ – 1925-1995 гг. *Основные труды:* «Логика смысла», «Эмпиризм и субъективность».

ЖАК ДЕРРИДА – род. в 1930 г. *Основные труды:* «Голос и явление», «Письмо и различие», «Поля философии», «Хора».

ЖАН-ФРАНСУА ЛИОТАР – род. в 1924 г. *Основные труды:* «Состояние постмодерна», «Склеп интеллигенции», «Феноменология».

МИШЕЛЬ ФУКО – 1926-1984 гг. *Основные труды*: «Слова и вещи: археология гуманитарных наук», «Что такое автор», «Игра власти», «Субъективность и истина».

8.3 ЗАДАНИЯ

1. Какие стадии в духовном развитии человечества выделяет О. Конт?

«Изучая, таким образом, весь ход развития человеческого ума в различных сферах его деятельности, от его первого простейшего проявления до наших дней, я, как мне кажется, открыл главный основной закон, которому это развитие подчинено безусловно... Этот закон состоит в том, что каждая из наших главных идей, каждая из отраслей нашего знания проходит последовательно три различных теоретических состояния: состояние теологическое, или фиктивное; состояние метафизическое или абстрактное; состояние научное или положительное. Другими словами, человеческий дух по самой природе своей, в каждом из своих исследований пользуется последовательно тремя методами мышления, по характеру своему существенно различными и даже прямо противоположными друг другу: сначала теологическим методом, затем метафизическим и, наконец, положительным методом. Отсюда и возникают три взаимно исключаящие друг друга вида философии, или три общие системы воззрений на совокупность явлений: первая есть необходимая исходная точка человеческого ума; третья – его определенное и окончательное состояние; вторая служит только переходной ступенью.

В теологическом состоянии человеческий дух, направляя свои исследования, главным образом, на внутреннюю природу вещей, первые и конечные причины порождающих его явлений, стремясь, одним словом, к абсолютному познанию, воображает, что явления производятся прямым и постоянным воздействием более или менее многочисленных сверхъестественных факторов, произвольное вмешательство которых объясняет все кажущиеся аномалии мира.

В метафизическом состоянии, которое на самом деле представляет собой только общее видоизменение теологического, сверхъестественные факторы заменены абстрактными силами, настоящими сущностями (олицетворенными абстракциями), неразрывно связанными с различными вещами, и могущими сами собой производить все наблюдаемые явления, объяснение которых состоит в таком случае только в подыскании соответствующей сущности.

Наконец, в положительном состоянии человеческий дух познает невозможность достижения абсолютных знаний, отказывается от исследования происхождения и назначения существующего мира и от познания внутренних причин явлений и стремится, правильно комбинируя рассуждение и наблюдение, к познанию действительных законов явлений, т.е. их неизменных отношений последовательности и подобия» (Конт О. Курс положительной философии // Мир философии: Книга для чтения. М., 1991. Ч. 1. С. 57-58).

2. Почему, по мнению Хайдеггера, человек философствует?

«Философия – мы как-то вскользь, пожалуй, знаем – вовсе не заурядное занятие, в котором мы по настроению коротаем время, не простое собрание познаний,

которые в любой момент можно добыть из книг; но – мы лишь смутно это чувствуем – нечто нацеленное на целое и предельнейшее, в чем человек выговаривается до последней ясности и ведет последний спор. /.../

Философия – последнее выговаривание и последний спор человека, захватывающие его целиком и постоянно. Но что такое человек, что он философствует в недрах своего существа, и что такое это философствование? Что мы такое при нем? Куда мы стремимся? Не случайно ли мы забрели однажды во вселенную? *Новалис* говорит в одном фрагменте: «Философия есть, собственно, ностальгия, тяга повсюду быть дома». /.../

Подобной тягой философия может быть, только когда мы, философствующие, повсюду *не* дома. По чему тоскует тоска этой тяги? Повсюду быть дома – что это значит? Не только здесь и там, и не просто на каждом месте, на всех подряд, но быть дома повсюду значит: всегда и, главное, в целом. Это «*в целом*» и его целое мы называем миром. Мы существуем, и пока мы существуем, мы всегда ожидаем чего-то. Нас всегда зовет Нечто как целое. Это «*в целом*» есть мир. – Мы спрашиваем: *что это такое – мир?*

Туда, к бытию в целом, тянет нас в нашей ностальгии. Наше бытие есть это притяжение. Мы всегда уже так или иначе направились к этому целому или, лучше, мы на пути к нему. Но «нас тянет» – это значит нас одновременно что-то неким образом тащит назад, мы пребываем в некой оттягивающей тяготе. Мы на пути к этому «*в целом*». Мы сами же и есть переход, «ни то, ни другое». Что такое это наше колебание между «ни то – ни то»? Ни одно, ни, равным образом, другое, вечное «пожалуй, и все-таки нет, и однако же». Что такое этот непокой неизменного отказа? Мы называем это *конечностью*. – Мы спрашиваем: *что это такое – конечность?*

Конечность не свойство, просто приданное нам, но *фундаментальный способ нашего бытия*. Если мы хотим стать тем, что мы есть, мы не можем отбросить эту конечность или обмануть себя на ее счет, но должны ее сохранить. Ее соблюдение – сокровеннейший процесс нашего конечного бытия, то есть нашей сокровеннейшей обращенности к концу. Конечность *существует* только в истинной обращенности к концу. А в этой последней совершается в конечном итоге *уединение* человека до его неповторимого присутствия. Смысл уединения не в том, что человек упорствует в своем тщедушном и маленьком Я, раздувающимся в замахе на ту или иную мнимость, которую считает миром. Такое уединение есть, наоборот, то *одиночество*, в котором каждый человек только и достигает близости к существу всех вещей, к миру» (Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Мир философии. Ч. 1. С. 121-122).

3. Как понимает свободу Ж.П. Сартр?

«Бытие может породить лишь бытие, и если человек включен в этот процесс порождения, выйти из него он может, лишь выходя за пределы бытия. Коль скоро человек способен вопрошать об этом процессе, то есть ставить его под вопрос, предполагается, что он может обозревать его как совокупность, то есть выводить самого себя за пределы бытия, ослабляя вместе с тем структуру бытия. Однако человеческой реальности не дано нигилировать массу бытия, ей предстоящего, пусть даже временно. Человеческой реальности дано лишь видоизменять свое отношение с этим

бытием. Для нее выключить из обращения то или иное существующее – значит выключить саму себя из обращения по отношению к этому существующему. В таком случае она выскальзывает из существующего, становится для него недостижимой, не зависимой от его воздействий, она отступила по ту сторону ничто. Декарт, вслед за стоиками, назвал эту способность человека – способность выделять ничто, его обособляющее, – свободой. Но «свобода» пока только слово. Если мы хотим проникнуть в проблему дальше, нельзя удовлетвориться этим ответом, теперь следует задаться вопросом: что такое свобода человека, если путем ее порождается ничто?..

... Свобода не может быть понята и описана как обособленная способность человеческой души. Мы старались определить человека как бытие, обуславливающее появление ничто, и это бытие явилось нам как свобода. Таким образом свобода – как условие, необходимое для нигилирования ничто, – не может быть отнесена к числу свойств, характеризующих сущность бытия человека. /.../ Свобода человека предшествует его сущности, она есть условие, благодаря которому последняя становится возможной, сущность бытия человека подвешена в его свободе. Итак, то, что мы называем свободой, неотличимо от бытия «человеческой реальности». О человеке нельзя сказать, что он сначала есть, а затем – он свободен; между бытием человека и его «свободобытием» нет разницы» (Сартр Ж.П. Бытие и ничто // Мир философии. Ч. 2. С. 60-61).

4. Одно из центральных понятий в философии Камю – «бунтующий человек». Прочитайте фрагмент из книги Камю и подумайте, в чем заключается сущность бунта.

«Что такое бунтующий человек? Это человек, который говорит «нет». Но, отказываясь, он не отрекается: это также человек, который изначально говорит «да». Раб, подчинявшийся приказам всю свою жизнь, вдруг находит новую команду неприемлемой. Каково содержание этого «нет»?

Оно означает, например, «все это слишком затянулось», «это можно, но не больше», «это уже слишком» и еще – «этой границы вы не перейдете». То есть «нет» утверждает существование границы. Та же идея предела содержится в чувстве бунтаря, что другой «заходит слишком далеко», что он распространяет свое право за пределы той границы, где ему противостоит другое право, ограничивающее его. Таким образом, бунтарский порыв опирается одновременно и на смутную уверенность в собственной правоте, вернее, чувстве бунтующего, что «он вправе»... Бунт невозможен без ощущения, что ты сам где-то каким-то образом прав. Именно в этом смысле взбунтовавшийся раб одновременно говорит «да» и «нет». /.../

Бунтарство порождает, пусть и смутно, осознание, осеняющее понимание того, что в человеке есть нечто, с чем он может, хотя бы временно, идентифицироваться. /.../ Движение бунта несет его дальше простого отказа. Он переходит границу, за которой находится противник, и требует, чтобы с ним обращались, как с равным. То, что было изначально непримиримым сопротивлением человека, захватывает его в целом; он идентифицируется с сопротивлением и сводится к нему. Он ставит ту часть себя, к которой требовал уважения, выше всего, предпочитает ее всему, даже жизни. Она становится для него высшим благом. Мирившийся с компромиссом

раб вдруг («раз уж на то пошло...») выбирает Все или Ничего. Сознание рождается вместе с бунтом.

Но очевидно, что это еще довольно смутное осознание «всего» и одновременно «ничего», означающего возможность человеческого жертвоприношения этому «всему». Бунтарь хочет быть всем, тотально идентифицироваться с внезапно осознанным благом, признания и восхваления которого в себе он жаждет, - или ничем, то есть безнадежно павшим, уступившим превосходящей силе. Он даже предпочитает последнее падение – смерть – отказу от того высшего посвящения, которое он назовет, например, свободой. Лучше умереть стоя, чем жить на коленях» (Камю А. Бунтующий человек // Мир философии. Ч. 2. С. 222-223).

5. Прочитайте следующее рассуждение А. Камю и прокомментируйте его.

«Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, - значит ответить на фундаментальный вопрос философии. Все остальное – имеет ли мир три измерения, руководствуется ли разум девятью или двенадцатью категориями – второстепенно. Таковы условия игры: прежде всего нужно дать ответ. И если верно, как того хотел Ницше, что заслуживающий уважения философ должен служить примером, то понятна и значимость ответа – за ним последуют определенные действия. Эту очевидность чувствует сердце, но в нее необходимо вникнуть, чтобы сделать ясной для ума.

Как определить бóльшую неотложность одного вопроса в сравнении с другим? Судить должно по действиям, которые следуют за решением. Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь умирал за онтологический аргумент. Галилей отдавал должное научной истине, но с необычной легкостью от нее отрекся, как только она стала опасной для его жизни. В каком-то смысле он был прав. Такая истина не стоила костра. Земля ли вертится вокруг Солнца, Солнце ли вокруг Земли – не все ли равно? Словом, вопрос это пустой. И то же время я вижу, как умирает множество людей, ибо, по их мнению, жизнь не стоит того, чтобы ее прожить. Мне известны и те, кто, как ни странно, готовы покончить с собой ради идей или иллюзий, служащих основанием их жизни (то, что называется причиной жизни, оказывается одновременно и превосходной причиной смерти). Поэтому вопрос о смысле жизни я считаю самым неотложным из всех вопросов» (Камю А. Миф о сизифе / Бунтующий человек. М., 1990. С. 24-25).

6. Что препятствует достижению счастья, по мысли Фрейда?

«... каковы смысл и цели жизни людей, если судить об этом на основании их собственного поведения: чего люди требуют от жизни и чего стремятся в ней достичь? Трудно ошибиться, отвечая на этот вопрос: люди стремятся к счастью, они хотят стать и пребывать счастливыми. Это стремление имеет две стороны, положительную и отрицательную: отсутствие боли и неудовольствия, с одной стороны, переживание сильных чувств наслаждения – с другой. В узком смысле слова под «счастьем» подразумевается только последнее. Сообразно этой двойственной цели человеческая деятельность протекает в двух направлениях, в зависимости от того, какую из целей – преимущественно или даже исключительно – она стремится осуществить.

Таким образом, как мы видим, жизненная цель просто определяется программой принципа наслаждения. Этот принцип главенствует в деятельности душевного аппарата с самого начала; его целенаправленность не подлежит никакому сомнению, и в то же время его программа ставит человека во враждебные отношения со всем миром, как с микрокосмосом, так и с макрокосмосом. Такая программа неосуществима, ей противодействует вся структура вселенной; можно было бы даже сказать, что в плане «творения» отсутствует намерение сделать человека «счастливым». То, что понимается под счастьем в строгом смысле этого слова, проистекает скорее из внезапного удовлетворения потребности, достигшей высокой напряженности, и по своей природе возможно лишь как эпизодическое явление. Продолжительность ситуации, к созданию которой так страстно стремится принцип наслаждения, дает лишь чувство прохладного довольства; мы так устроены, что можем интенсивно наслаждаться только контрастом и весьма мало – самим состоянием. Таким образом, возможности для счастья ограничены уже самой нашей структурой. Значительно менее трудно испытать несчастье. Страдания угрожают нам с трех сторон: со стороны нашего собственного тела, судьба которого – упадок и разложение, не предотвратимые даже предупредительными сигналами боли и страха; со стороны внешнего мира, который может обрушиться на нас могущественные и неумолимые силы разрушения, и, наконец, со стороны наших взаимоотношений с другими людьми» (Фрейд З. Неудовлетворенность культурой // Мир философии. Ч. 2. С. 128-129).

7. На основании приведенного фрагмента определите, считает ли Фрейд возможной свободу в рамках общества. Разделяете ли вы его точку зрения?

«Совместная человеческая жизнь становится возможной только тогда, когда образуется некое большинство, более сильное, чем каждый в отдельности, и стойкое в своем противопоставлении каждому в отдельности. Власть такого коллектива противостоит тогда, как «право», власти отдельного человека, которая осуждается как «грубая сила». Эта замена власти отдельного человека властью коллектива и есть решительный шаг на пути культуры. Сущность этого шага заключается в том, что члены коллектива ограничивают себя в своих возможностях удовлетворения, в то время как отдельный человек не признает этих рамок. Первое требование культуры заключается, следовательно, в требовании справедливости, т.е. гарантии того, что раз установленный правовой порядок не будет вновь нарушен в чью-либо индивидуальную пользу. /.../

Индивидуальная свобода не есть достижение культуры. Она была максимальной еще до всякой культуры, правда, тогда она не имела большой цены, так как единственный человек едва ли был в состоянии ее защитить. Развитие культуры налагает ограничения на эту свободу, а справедливость требует, чтобы от этих ограничений никому нельзя было уклониться. То, что в человеческом обществе проявляется как жажда свободы, может быть направлено на борьбу с существующей несправедливостью и в этом смысле быть благоприятным для дальнейшего развития культуры. Но это же может брать свое начало в недрах первобытной, неукротенной культурой личности и тогда быть враждебным самим основам культуры. Жажда свободы, таким образом, или направлена против отдельных форм и притязаний культуры, или – вообще против культуры. Едва ли какое-либо воздействие может позволить преобра-

зовать природу человека в природу термита, он, вероятно, всегда будет защищать, вопреки воле масс, свое притязание на индивидуальную свободу. Значительная часть борьбы человечества концентрируется вокруг одной задачи – найти целесообразное, т.е. счастливое, равновесие между индивидуальными требованиями и культурными требованиями масс; одна из роковых проблем человечества заключается в том, достижимо ли это равновесие при помощи определенной организации человечества или этот конфликт останется непримиримым» (Фрейд З. Неудовлетворенность культурой // Мир философии. Ч. 2. с.289).

8. В чем, по Фрейду, заключается сущность культуры?

«Человеческая культура – я имею в виду все то, в чем человеческая жизнь возвысилась над своими биологическими обстоятельствами и чем она отличается от жизни животных, причем я пренебрегаю различием между культурой и цивилизацией, - обнаруживает перед наблюдателем, как известно, две стороны. Она охватывает, во-первых, все накопленные людьми знания и умения, позволяющие им овладеть силами природы и взять у нее блага для удовлетворения человеческих потребностей, а во-вторых, все институты, необходимые для упорядочения человеческих взаимоотношений и особенно – для дележа добываемых благ. Оба эти направления культуры связаны между собой, во-первых, поскольку на взаимоотношения людей оказывает глубокое влияние мера удовлетворения влечений, дозволяемая наличными благами, во-вторых, поскольку отдельный человек сам может вступать в отношения с другим по поводу того или иного блага, когда другой использует его рабочую силу или делает его сексуальным объектом, а в-третьих, поскольку каждый отдельный индивид виртуально является врагом культуры, которая тем не менее должна оставаться делом всего человеческого коллектива. /.../

...всякая культура вынуждена строиться на принуждении и запрете влечений; неизвестно еще даже, будет ли после отмены принуждения большинство человеческих индивидов готово поддерживать ту интенсивность труда, которая необходима для получения прироста жизненных благ. Надо, по-моему, считаться с тем фактом, что у всех людей имеют место деструктивные, то есть антиобщественные и антикультурные, тенденции и что у большого числа лиц они достаточно сильны, чтобы определить собою их поведение в человеческом обществе.

Этому психологическому факту принадлежит определяющее значение при оценке человеческой культуры. Если вначале еще можно было думать, что главное в ней – это покорение природы ради получения жизненных благ и что грозящие ей опасности устранимы целесообразным распределением благ среди людей, то теперь центр тяжести переместился, по-видимому, с материального на душевное. Решающим оказывается, удастся ли и насколько удастся уменьшить тяжесть налагаемой на людей обязанности жертвовать своими влечениями, примирить их с неизбежным минимумом такой жертвы и чем-то ее компенсировать. Как нельзя обойтись без принуждения к культурной работе, так же нельзя обойтись и без господства меньшинства над массами, потому что массы косны и недалекосведны, они не любят отказываться от влечений, не слушают аргументов в пользу неизбежности такого отказа, и индивидуальные представители массы поощряют друга в друге вседозволенность и

распущенность» (Фрейд З. Неудовлетворенность культурой // Мир философии. Ч. 2. С. 297).

9. Прочитайте описание западного общества, данное Э. Фроммом. В чем вы не согласны с ним?

«Наша установка на жизнь становится все более механической. Наша основная цель состоит в том, чтобы производить вещи, и в ходе этого поклонения вещам мы превращаем самих себя в предметы потребления. С людьми обращаются, как с номерами. Речь идет не том, хорошо ли обращаются с ними и хорошо ли кормят их (с вещами тоже можно обращаться хорошо), а о том, являются ли люди вещами или живыми существами. Люди находят больше удовольствия в механических аппаратах, чем в живых существах. Встреча с другими людьми происходит на интеллектуально-абстрактном уровне. Ими интересуются как объектами, их общими качествами, статистическими законами массового поведения, а не отдельными живыми существами. Все это идет рука об руку с постоянно возрастающей бюрократизацией. В гигантских центрах производства, в гигантских городах, в гигантских странах людьми управляют, как вещами: люди и те, кто ими управляет, превратили себя в вещи и подчиняются законам вещей. Но человек не создан вещью, он гибнет, если становится вещью, и, прежде чем это случится, он впадает в отчаяние и хочет уничтожить жизнь.

В бюрократически организованном и централизованном индустриальном государстве вкусы манипулируются таким образом, что люди потребляют как можно больше; это заранее принимается в расчет с целью получения прибыли. Их интеллигентность и характер стандартизируются посредством постоянно возрастающей роли тестов, которые отдают предпочтение посредственностям и людям, избегающим риска, оригинальности и смелости. В действительности, бюрократически-индустриальная цивилизация, преобладающая в Европе и Северной Америке, создала новый тип человека, которого можно обозначить как человека организации, человека-автомата и *homo consumens*. Кроме того, он является *homo mechanicus*, под которым я подразумеваю систему человеческих органов, чувствующую влечение ко всему механическому и испытывающему отвращение ко всему живому. /.../ *Homo mechanicus* все больше интересуется машинами и все меньше – участием в собственной жизни и ответственностью за нее. Механическое приводит его в восторг, и, наконец, он чувствует влечение к мертвому и тотальному разрушению.

Можно было бы поразмыслить, какую роль играют убийства в наших развлекательных программах. Фильмы, комиксы и газеты действуют в высшей степени возбуждающе, поскольку содержат огромное количество сообщений о разрушении, садизме и жестокости. Миллионы людей ведут монотонную, но спокойную жизнь. В возбуждение они приходят только тогда, когда видят, что кто-то умирает, или когда они читают об этом, и совершенно безразлично: идет ли речь об убийстве или о несчастном случае со смертельным исходом во время автогонок. Разве это не является указанием на то, сколь глубоко уже пустило в нас корни очарование мертвым: Приходят на ум выражения типа «убийственно захватывающий» или «я смертельно влюблен», или «это меня просто убивает», и начинаешь задумываться, о каком равнодушии к жизни говорят многочисленные автомобильные катастрофы.

Короче говоря, интеллектуализация, квантификация, абстрагирование, бюрократизм и овеществление – отличительные черты нынешнего индустриального общества – не есть принципы жизни: они являются механическими принципами, если их применяют к людям, вместо того, чтобы применять их к вещам. Люди, живущие в такой системе, становятся равнодушными к жизни и чувствуют влечение к мертвому. Правда, сами они этого не замечают. Они принимают возбуждающие соблазны за радость жизни и пребывают в иллюзии, что ведут очень живую жизнь, если обладают и могут пользоваться множеством вещей» (Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 43-45).

10. В чем Т. де Шарден видит сущность человека?

«Человек в том виде, каким его удастся воспроизвести сегодняшней науке, – животное, подобное другим. По своей анатомии он так мало отличается от человекообразных обезьян, что современные классификации зоологии, возвращаясь к позициям Линнея, помещают его вместе с ними, в одно и то же семейство гоминоидных. Но если судить по биологическим результатам его появления, то не представляет ли он собой как раз нечто совершенно иное?

Ничтожный морфологический скачок и вместе с тем невероятное потрясение сфер жизни – в этом весь парадокс человека... /.../

Для окончательного решения вопроса о «превосходстве» человека над животными... я вижу только одно средство – решительно устранить из совокупности человеческих поступков все второстепенные и двусмысленные проявления внутренней активности и рассмотреть центральный феномен – рефлексия.

... рефлексия – это приобретенная сознанием способность сосредоточиваться на самом себе и овладеть самим собой как *предметом*, обладающим специфической устойчивостью и своим специфическим значением, – способность уже не просто познавать, а познавать самого себя; не просто знать, а знать, что знаешь. Путем этой индивидуализации самого себя внутри себя живой элемент, до того расплывчатый и разделенный в смутном кругу восприятий и действий, впервые превратился в точечный *центр*, в котором все представления и опыт связываются и скрепляются в единое целое, осознающее свою организацию.

Каковы же последствия подобного превращения? Они необъятны, и мы их так же ясно видим в природе, как любой из фактов, зарегистрированных физикой или астрономией. Рефлектирующее существо в силу самого сосредоточивания на самом себе внезапно становится способным развиваться в новой сфере. В действительности это возникновение нового мира. Абстракция, логика, обдуманый выбор и изобретательность, математика, искусство, рассчитанное восприятие пространства и длительности, тревоги и мечтания любви... Вся эта деятельность *внутренней жизни* не что иное, как возбуждение вновь образованного центра, воспламеняющегося в самом себе» (Шарден Т. Феномен человека // Мир философии. Ч. 2. С. 76-77).

11. Каковы, по Шелеру, различия между человеком и другими живыми существами?

«Только человек, поскольку он личность – может возвыситься над собой как живым существом и, исходя из одного центра как бы по ту сторону пространственно-временного мира, сделать предметом своего познания все, в том числе и себя самого.

Но этот центр человеческих актов опредмечивания мира... не может быть сам “частью” именно этого мира, то есть не может иметь никакого определенного “где” или “когда”, – он может находиться только в высшем основании самого бытия. *Таким образом, человек – это существо, превосходящее само себя и мир.* В качестве такового оно способно на иронию и юмор, которые всегда включают в себя возвышение над собственным существованием. Уже И. Кант в существенных чертах прояснил в своем глубоком учении о трансцендентальной апперцепции это новое единство мышления – “условие всего возможного опыта и потому также всех предметов опыта” – не только внешнего, но и того внутреннего опыта, благодаря которому нам становится доступна наша собственная внутренняя жизнь...

...Способность к разделению существования и сущности составляет основной признак человеческого духа, который только и фундирует все остальные признаки. Для человека существенно не то, что он обладает знанием, как говорил уже Лейбниц, но то, что он обладает сущностью *argioi* или способен овладеть ею. При этом не существует “постоянной” организации разума, как ее предполагал Кант; напротив она принципиально подвержена историческому изменению. Постоянен только сам разум как способность образовывать и формировать – посредством функционализации таких сущностных усмотрений – все новые формы мышления и созерцания, любви и оценки.

Таким образом, человек есть то живое существо, которое может (подавляя и вытесняя импульсы собственных влечений, отказывая им в питании образами восприятия и представлениями) относиться принципиально аскетически к своей жизни, вселяющей в него ужас. По сравнению с животным, которое всегда говорит “да” действительному бытию, даже если пугается и бежит, человек – это “тот, кто может сказать нет”, “аскет жизни”, вечный протестант против всякой только действительности. /.../. В этом смысле и З. Фрейд в книге “По ту сторону принципа удовольствия” усматривает в человеке “вытеснителя влечений”. И лишь потому, что он таков, человек может надстроить над миром своего восприятия идеальное царство мыслей, а с другой стороны, именно благодаря этому во все большей мере доставлять живущему в нем духу дремлющую в вытесненных влечениях энергию, т. е. может *сублимировать* энергию своих влечений в духовную деятельность» (Шелер М. Проблема человека в космосе // Хрестоматия по философии / под ред. А. Радугина. М., 2001. С. 240-241).

12. На чем основан пессимизм Бодрийера в оценке современной культуры?

«Если бы мне надо было дать название современному положению вещей, я сказал бы, что это - состояние после оргии. Оргия – это каждый взрывной момент в современном мире, это момент освобождения в какой бы то ни было сфере. Освобождения политического и сексуального, освобождения сил производительных и разрушительных, освобождения женщины и ребенка, освобождения бессознательных порывов, освобождения искусства. И вознесения всех мистерий и антимистерий. Это была всеобъемлющая оргия материального, рационального, сексуального, критического и антикритического, оргия всего, что связано с ростом и болезнями роста. Мы прошли всеми путями производства и скрытого сверхпроизводства предметов, символов, посланий, идеологий, наслаждений. Сегодня игра окончена - все освобождено. И все мы задаем себе главный вопрос: что делать теперь, после оргии? [8]

Нам остается лишь изображать оргию и освобождение, притворяться, что ускорив шаг, мы идем в том же направлении. На самом же деле мы спешим в пустоту, потому что все конечные цели освобождения остались позади, нас неотступно преследует и мучает предвосхищение всех результатов, априорное знание всех знаков, форм и желаний.

Но что же нам все-таки делать? Мы находимся в состоянии лицедейства и не способны ни на что, кроме как заново разыграть спектакль по некогда написанному в действительности или в воображении сценарию. Это состояние, когда все утопии обрели реальные очертания, и парадокс состоит в том, что мы должны продолжать жить так, как будто этого не было. Но так как утопии все же стали реальностью, мы не можем больше тешить себя надеждой, что нам еще предстоит дать им жизнь. Все что нам остается - тщетные притворные попытки породить какую-то жизнь помимо той, которая уже существует. Мы живем в постоянном воспроизведении идеалов, фантазмов, образов, мечтаний, которые уже присутствуют рядом с нами и которые нам, в нашей роковой безучастности, необходимо возродить снова и снова» (Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С. 8-9).

13. Прочитайте характеристику нынешнего состояния общества, данную Бодрийяром. Какие из названных им признаков вы сами замечаете в современном мире?

«Когда вещи, знаки, действия освобождаются от своих идей и концепций, от сущности и ценности, от происхождения и предназначения, они вступают на путь бесконечного самовоспроизводства. Все сущее продолжает функционировать, тогда как смысл существования давно исчез. Оно продолжает функционировать при полном безразличии к собственному содержанию. И парадокс в том, что такое функционирование несколько не страдает от этого, а, напротив, становится все более совершенным.

Таким образом, идея прогресса исчезла, но прогресс продолжается. Идея богатства, которая предполагает производство, исчезла, но производство как таковое осуществляется наилучшим образом. И по мере того, как исчезает первоначальное представление о его конечных целях, рост производства ускоряется. Идея исчезла и в политике, но политические деятели продолжают свои игры, оставаясь втайне совершенно равнодушными к собственным ставкам. О телевидении можно сказать, что оно абсолютно безразлично к тем образам, которые появляются на экране, и, вероятно, преспокойно продолжало бы существовать, если бы человечество вообще исчезло./.../

Не является ли успех коммуникации и информатизации результатом того, что социальные отношения не могут выйти за свои пределы, будучи отчужденными? За неимением этого они возрастают в процессе коммуникации, множатся во всем многообразии сетей, натываясь на их безразличие. Коммуникация предстает перед нами, как нечто наиболее социальное, это - сверхотношения, социальность, приводимая в движение техникой социального. Социальное же по своей сути есть нечто иное. Это была мечта, миф, утопия, форма, которой присущи конфликты, противоречия, страстность, во всяком случае явление неровное и особенное.

Коммуникация же, упрощая "интерфейс", ведет социальную форму к безразличию. /.../ Это относится и к информации: избыток знаний безразлично рассеивается по поверхности во всех направлениях, при этом происходит лишь замена одного слова другим. Интерфейс подключает собеседников друг к другу, как штекер к электрической розетке. Коммуникация осуществляется путем единого мгновенного цикла, и для того,

чтобы все шло хорошо, необходим темп - времени для тишины не остается. Тишина изгнана с экранов, изгнана из коммуникации. Изображения, поставляемые средствами массовой информации (а тексты подобны изображениям), никогда не умолкают: изображения сообщений должны следовать друг за другом без перерыва. Молчание - разрыв замкнутой линии - представляется легкой катастрофой, оплошностью, которая по телевидению, например, становится весьма

показательной, ибо это - нарушение, полное и тревоги, и ликования, подтверждающее, что любая коммуникация, по сути, есть лишь принудительный сценарий, непрерывная фикция, избавляющая нас от пустоты - и не только от пустоты экрана, но и от пустоты нашего умственного экрана, на котором мы с не меньшим вожделением ждем изображения. Образ сидящего человека, созерцающего в день забастовки пустой экран своего телевизора, когда-нибудь сочтут одним из самых великолепных образов антропологии XX века» (там же. С. 12-13, 21-22).

8.4 ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Каковы особенности современной западной философии?
2. Какие направления получили развитие в философии XX – начала XXI века?
3. Какое влияние оказывают на современную философию развитие науки и техники?
4. На каких основаниях представители позитивизма подвергают критике философию?
5. Какие методы проверки истинности научных гипотез разработали представители неопозитивизма?
6. Каково центральное понятие философии экзистенциализма?
7. Как представители экзистенциализма трактовали человеческую свободу?
8. Какое начало в психике человека З. Фрейд считал определяющим? Какую роль оно играет в психической и социальной жизни индивида?
9. Какие структуры обнаружил К. Юнг в коллективном бессознательном? Какую роль играют они в культуре?
10. Почему Э. Фромм считал, что в западной цивилизации преобладает бессознательное стремление к смерти?
11. Какие понятия и идеи неотоцизма унаследовал из философии Фомы Аквинского?
12. Какова социальная философия неотоцизма?
13. Каковы социокультурные предпосылки появления постмодернизма?
14. В чем представители постмодернизма видят недостатки классической философии?
15. Как изменились функции философии в современном мире?

9 РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ

9.1 ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

БОГОЧЕЛОВЕЧЕСТВО – 1) первичное личностное начало Троицы – Христос как выражение сущности абсолюта; 2) акт воплощения Христа в человеческом облике как центральный пункт земной и космической истории; 3) ожидаемое и неизбежное становление человечества единым мистическим и реальным телом Бога в созидании совершенного общества или церкви.

ВСЕЕДИНСТВО – философская концепция, заключающаяся в представлении мира, человека, а также сферы сверхбытия в виде единого, органического целого.

ЗАПАДНИЧЕСТВО – направление русской антифеодальной общественной мысли 40-х гг. XIX в., сторонники которого полагали, что Россия в своем историческом развитии должна следовать по пути западной цивилизации.

НЕПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ – принцип, основанный на убеждении в том, что активное противостояние злу ведет к его усилению. У Л.Н. Толстого – сосредоточение на индивидуальном самосовершенствовании и ненасильственной проповеди собственного образа жизни.

РУССКИЙ КОСМИЗМ – течения в русской научной и философской мысли XX в., исходящие из принципа единства космических процессов и основных направлений развития человека, в т.ч. социальных, научно-технических, социобиологических, психофизических.

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО – направление русской религиозно-философской мысли 40-х гг. XIX в., идейно противостоявшее западничеству и обосновывавшее самобытность русской культуры и социально-экономического уклада.

СОБОРНОСТЬ – особый род человеческой общности, характеризующийся свободой, любовью и верой; у славянофилов – одна из характеристик культуры и национальной истории русского народа, выражающая особенности его социального уклада.

СОФИЯ (с греч. буквально: «мудрость», «премудрость») – специфическое понятие мистической философии и теологии, выражающее единство Бога и сотворенного им мира; у В.С. Соловьева – носитель идеи всеединства в ее конкретном выражении.

9.2 ПЕРСОНАЛИИ

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ РАДИЩЕВ – 1749-1802 гг. *Основные труды:* «Путешествие из Петербурга в Москву», «О человеке, его смертности и бессмертии»

ПЕТР ЯКОВЛЕВИЧ ЧААДАЕВ – 1794-1856 гг. *Основные труды:* «Философические письма», «Апология сумасшедшего».

НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ ДАНИЛЕВСКИЙ – 1822-1885 гг. *Основные труды:* «Россия и Европа».

КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ ЛЕОНТЬЕВ – 1831-1891 гг. *Основные труды:* «Византизм и славянство», «Восток, Россия и славянство».

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ – 1821-1881 гг. *Основные труды:* «Записки из мертвого дома», «Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы», «Речь о Пушкине».

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ – 1828-1910 гг. *Основные труды:* романы, «Исповедь», «Критика догматического богословия», «В чем моя вера?», «Царство Божие внутри нас».

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ СОЛОВЬЕВ – 1853-1900 гг. *Основные труды:* «Философские начала цельного знания», «Духовные основы жизни», «История и будущность теократии», «Оправдание Добра», цикл статей «Национальный вопрос в России».

ЛЕВ ШЕСТОВ – 1866-1938 гг. *Основные труды:* «Достоевский и Ницше. Философия трагедии», «Великие кануны», «Умозрение и откровение».

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕРДЯЕВ – 1874-1948 гг. *Основные труды:* «Философия свободы», «Смысл творчества: опыт оправдания человека», «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы», «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики».

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН – 1870-1924 гг. *Основные труды:* «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради», «Государство и революция».

СЕМЕН ЛЮДВИГОВИЧ ФРАНК – 1877-1950 гг. *Основные труды:* «Смысл жизни», «Духовные основы жизни общества. Введение в социальную философию».

ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ФЛОРЕНСКИЙ – 1882-1937 гг. *Основные труды:* «Столп и утверждение истины», «Смысл идеализма», «Обратная перспектива», «Имена».

9.3 ЗАДАНИЯ

1. В чем П.Я. Чаадаев видит различия между Востоком и Западом?

«Мир искони делился на две части – Восток и Запад. Это не только географическое деление, но также и порядок вещей, обусловленный самой природой разумного существа: это – два принципа, соответствующие двум динамическим силам природы, две идеи, обнимающие весь жизненный строй человеческого рода. Сосредоточиваясь, углубляясь, замыкаясь в самом себе, созидался человеческий ум на Востоке; раскидываясь вовне, излучаясь во все стороны, борясь со всеми препятствиями, развивается он на Западе. По этим первоначальным данным естественно сложилось общество. На Востоке мысль, углубившись в самое себя, уйдя в тишину, скрывшись в пустыню, предоставила общественной власти распоряжение всеми благами земли; на Западе идея, всюду кидаясь, вступаясь за все нужды человека, алкая счастья во всех его видах, основала власть на принципе права; тем не менее и в той, и в другой сфере жизнь была сильна и плодотворна; там и здесь человеческий разум не имел недостатка в высоких вдохновениях, глубоких мыслях и возвышенных созданиях. Первым выступил Восток и излил на землю потоки света из глубины своего уединенного созерцания; затем пришел Запад со своей всеобъемлющей деятельностью, своим живым словом и всемогущим анализом, овладел его трудами, кончил начатое Востоком и, наконец, поглотил его в своем широком обхвате. Но на Востоке покорные умы, коленапоклоненные пред историческим авторитетом, истошились в безропотном служении священному для них принципу и в

конце концов уснули, замкнутые в своем неподвижном синтезе, не догадываясь о новых судьбах, которые готовились для них; между тем на Западе они шли гордо и свободно, преклоняясь только перед авторитетом разума и неба, останавливаясь только перед неизвестным, непрестанно устремив взор в безграничное будущее» (Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего / Соч. М., 1989. С. 145-146).

2. Как вы думаете, применима ли к современной России характеристика, данная ей Чаадаевым в начале XIX века?

«Народы живут только сильными впечатлениями, сохранившимися в их умах от протекших времен, и общением с другими народами. Этим путем каждая отдельная личность ощущает свою связь со всем человечеством.

В чем заключается жизнь человека, говорит Цицерон, если память о протекших временах не связывает настоящего с прошлым? Мы же, явившись на свет, как незаконно-рожденные дети, лишены наследства, без связи с людьми, предшественниками нашими на земле, не храним в сердцах ничего из наставлений, вынесенных до нашего существования. То, что у других народов просто привычка, инстинкт, то нам приходится вбивать в свои головы ударами молота. Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы как бы чужие для себя самих. Мы так удивительно шествуем во времени, что по мере движения вперед пережитое пропадает для нас безвозвратно. Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной. Внутреннего развития, естественного прогресса у нас нет, прежние идеи выметаются новыми, потому что последние не вырастают из первых, а появляются у нас откуда-то извне. Мы воспринимаем идеи только в готовом виде; поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний. Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед, но в косвенном направлении, т.е. по линии, не приводящей к цели. Мы подобны тем детям, которых не заставляли самих рассуждать, так что, когда они вырастают, своего в них нет ничего, все их знание на поверхности, вся их душа – вне их. Таковы же и мы.

Народы – существа нравственные, точно так, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как людей – годы. Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в человечество, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру. И конечно, не пройдет без следа то наставление, которое суждено нам дать, но кто знает день, когда мы найдем себя среди человечества, и кто исчислит те бедствия, которые мы испытываем до свершения наших судеб? /.../

... раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, а другим – на Германию, мы бы должны были сочетать в себе две великие основы духовной природы - воображение и разум - и объединить в своем просвещении исторические судьбы всего земного шара. Не эту роль предоставило нам Провидение. Напротив, оно как будто совсем на занималось нашей судьбой. Отказывая нам в своем обычном благодетельном влиянии на человеческий разум, оно предоставило нас всецело самим себе, не захотело ни в чем вмешиваться в наши дела, не захотело нас ничему научить. Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно. Наблюдая нас, можно бы сказать, что здесь сведен на нет всеобщий закон человечества» (Чаадаев П.Я. Философические письма / Соч. М., 1989. С. 21-22, 24-25).

3. Какую духовную деятельность В.С. Соловьев называет философией?

«Слово «философия», как известно, не имеет одного точно определенного значения, но употребляется во многих весьма между собой различных смыслах. Прежде всего мы встречаемся с двумя главными, равно друг от друга отличающимися понятиями о философии: по первому философия есть *только* теория, есть дело *только* школы; по второму она есть более чем теория, есть преимущественно дело жизни, а потом уже и школы. По первому понятию философия относится *исключительно* к познавательной способности человека; по второму она отвечает также и высшим стремлениям человеческой воли, и высшим идеалам человеческого чувства, имеет, таким образом, не только теоретическое, но также нравственное и эстетическое значение, находясь во внутреннем взаимодействии с сферами творчества и практической деятельности, хотя и различаясь от них. Для философии, соответствующей первому понятию, - для философии школы – от человека требуется только развитой до известной степени ум, обогащенный некоторыми познаниями и освобожденный от вульгарных предрассудков; для философии, соответствующей второму понятию, - для философии жизни – требуется, кроме того, особенное направление воли, то есть особенное нравственное настроение, и еще художественное чувство и смысл, сила воображения, или фантазии. Первая философия, занимаясь исключительно теоретическими вопросами, не имеет никакой прямой внутренней связи с жизнью личной и общественной, вторая философия стремится стать образующей и управляющей силой этой жизни.

Спрашивается, какая из этих двух философий истинная? И та и другая имеют одинаковое притязание на познание истины, но самое это слово понимается ими совершенно различно: для одной оно имеет только отвлеченно-теоретическое значение, для другой – живое, существенное. Если для разрешения нашего вопроса мы обратимся к этимологии слова «философия», то получим ответ в пользу живой философии. Очевидно, название «любомудрие», то есть любовь к мудрости (таков смысл греческого слова φιλοσοφία), не может применяться к отвлеченной теоретической науке. Под мудростью разумеется не только полнота знания, но и нравственное совершенство, внутренняя цельность духа. Таким образом, слово «философия» означает стремление к духовной цельности человеческого существа – в таком смысле оно первоначально и употреблялось» (Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Мир философии. М., 1991. Ч. 1. С. 93-94).

4. В чем В.С. Соловьев видит историческое предназначение философии?

«Итак, что же делала философия? Она освобождала человеческую личность от внешнего насилия и давала ей внутреннее содержание. /.../

И если теперь мы спросим: на чем основывается эта освободительная деятельность философии, то мы найдем ее основание в том существеннейшем и коренном свойстве человеческой души, в силу которого она не останавливается ни в каких границах, не мирится ни с каким извне данным определением, ни с каким внешним ей содержанием, так что все блага и блаженства на земле и на небе не имеют для нее никакой цены, если они не ею самой добыты, не составляют ее собственного внутреннего достоинства. И эта неспособность удовлетвориться никаким извне данным содержанием жизни, это стремление к все большей и большей внутренней полноте бытия, эта сила-разрушительница всех чуждых богов, - эта сила уже содержит в возможности то, к чему стремится, - абсолютную

полноту и совершенство жизни. Отрицательный процесс сознания есть вместе с тем процесс положительный, и каждый раз как дух человеческий, разбивая какого-нибудь старого кумира, говорит: это не то, чего я хочу, - он уже этим самым дает некоторое определение того, чего хочет, своего истинного содержания.

Эта двойственная сила и этот двойной процесс, разрушительный и творческий, составляя сущность философии, вместе с тем составляет и сущность самого человека, того, чем определяется его достоинство и преимущество перед остальной природой, так что на вопрос: что делает философия? – мы имеет право ответить: она делает человека вполне человеком. А так как в истинно человеческом бытии равно нуждаются и Бог, и материальная природа, - Бог в силу абсолютной полноты своего существа, требующий *другого* для ее свободного усвоения, а материальная природа, напротив, вследствие скудости и неопределенности своего бытия, ищущей другого для своего восполнения и определения, - то, следовательно, философия, осуществляя собственно человеческое начало в человеке, тем самым служит и божественному и материальному началу, вводя и то, и другое в *форму свободной человечности*» (Соловьев В.С. Исторические дела философии // Мир философии. Ч. 1. С. 174-175).

5. Почему, по Бердяеву, философия близка каждому человеку?

«Философы всегда составляли небольшую группу в человечестве, их всегда было немного. И тем более поразительно, что их так не любят. Философию и философов не любят люди религии, теологи, иерархи и простые верующие, не любят ученые и представители разных специальностей, не любят политики и социальные деятели, люди государственной власти, консерваторы и революционеры, не любят инженеры и техники, не любят артисты, не любят простые люди, обыватели. Казалось бы, философы люди самые безвластные, они не играют никакой роли в жизни государственной и хозяйственной. Но люди, уже власть имеющие или к власти стремящиеся, уже играющие роль в жизни государственной или хозяйственной или стремящиеся ее играть, чего-то не могут простить философам. Прежде всего не могут простить того, что философия кажется им ненужной, неоправданной, существующей лишь для немногих, пустой игрой мысли. Но остается непонятным, почему ненужная и непонятная игра мысли самой незначительной кучки людей вызывает такое недоброжелательство и почти негодование. Это психологически сложная проблема. Философия чужда большей части людей, и вместе с тем каждый человек, не сознавая этого, в каком-то смысле философ. Весь технический аппарат философии чужд большей части людей. Большая часть людей готова употреблять слово «философ» в насмешливом и порицательном смысле. Слово же «метафизика» в обыденной обывательской жизни почти ругательство. Из «метафизики» сделали смехотворную фигуру, и она действительно бывает смехотворной. Но каждый человек, хотя бы он этого не сознавал, решает вопросы «метафизического» порядка. Вопросы математики или естествознания гораздо более чужды огромной массе людей, чем вопросы философские, которые в сущности ни одному человеку не чужды. И существует обывательская философия тех или иных социальных групп, классов, профессий, как существует обывательская политика. Человек, испытывающий отвращение к философии и презирающий философов, обыкновенно имеет свою домашнюю философию. Ее имеет государственный деятель, революционер, специалист-ученый, инженер-техник. Они именно потому и считают ненужной философию. Мы должны констатировать социальную незащищенность философии и фи-

лософа. Философия не выполняет непосредственных социальных заказов. Философ видит даже свое достоинство в том, чтобы стать выше предъявляемых ему социальных требований. Философия не социальна, философия персональна. Религия и наука, столь разные по своей природе и столь часто враждующие, социально защищены, они выполняют социальный заказ, за ними стоят коллективы, готовые их защищать. Философия социально незащищена, за ней не стоят никакие коллективы. Философа никто не станет защищать. Даже экономическое положение его самое незащищенное. Философ должен в своем разуме, а не в разуме других раскрыть истину, раскрыть сверхчеловеческое и божественное» (Бердяев Н.А. И мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Мир философии. Ч. 1. С. 106-107).

6. Какие различия между философией и наукой указывает Бердяев?

«Как понять отношение между философией и наукой, как разграничить их сферы, как установить между ними конкордат? Совершенно недостаточно определить философию как учение о принципах или как наиболее обобщенное знание о мире, как о целях, или даже как учение о сущности бытия. Главный признак, отличающий философское познание от научного, нужно видеть в том, что философия познает бытие из человека и через человека, в человеке видит разгадку смысла, наука же познает бытие как бы вне человека, отрешенно от человека. Поэтому для философии бытие есть дух, для науки же бытие есть природа. Это различие духа и природы, конечно, ничего общего не имеет с различием психического и физического. Философия в конце концов неизбежно становится философией духа и только в таком качестве своем она не зависит от науки. Философская антропология должна быть основной философской дисциплиной. Философская антропология есть центральная часть философии духа. Она принципиально отличается от научного – биологического, социологического, психологического – изучения человека. И отличие это в том, что философия исследует человека из человека и в человеке, исследует его как принадлежащего к царству духа, наука же исследует человека как принадлежащего к царству природы, то есть вне человека, как объект. /.../ Наука и научное предвидение обеспечивают человека и дают ему силу, но они же могут опустошить сознание человека, оторвать его от бытия и бытие от него. Можно было бы сказать, что наука основана на отчуждении человека от бытия и отчуждении бытия от человека. /.../

Философия видит мир из человека и только в этом ее специфичность. Наука же видит мир вне человека» (Бердяев Н.А. О назначении человека // Мир философии. Ч. 1. С.

7. В чем Н.А. Бердяев видит специфику человеческого бытия?

«Проблема человека есть основная проблема философии. Еще греки поняли, что человек может начать философствовать только с познания самого себя. Разгадка бытия для человека скрыта в человеке. В познании бытия человека есть совсем особая реальность, не стоящая в ряду других реальностей. Человек не есть дробная часть мира, в нем заключена цельная загадка и разгадка мира. Тот факт, что человек, как предмет познания, есть вместе с тем и познающий, имеет не только гносеологическое, но и антропологическое значение... Человек есть существо, недовольное самим собою и способное себя перерастать. Самый факт существования человека есть разрыв в природном мире и свидетельствует о том, что природа не может быть самодостаточной и покоится на бытии сверхприродном. Как существо, принадлежащее к двум мирам и способное преодолевать себя, человек есть существо

противоречивое и парадоксальное, совмещающее в себе полярные противоположности... Человек не есть только порождение природного мира и природных процессов, и вместе с тем он живет в природном мире и участвует в природных процессах. Он зависит от природной среды, и вместе с тем он гуманизирует эту среду, вносит в нее принципиально новое начало. Творческий акт человека в природе имеет космогоническое значение и означает новую стадию жизни космической. Человек есть принципиальная новизна в природе...» (Бердяев Н.А. О назначении человека // Мир философии. Ч. 2. С. 56).

«Человек и очень ограничен и бесконечен, и мало вместителен и может вместить вселенную. Он потенциально заключает в себе все и актуализирует лишь немногое. Он есть живое противоречие, совмещение конечного и бесконечного. Также можно сказать, что человек совмещает высоту и низость. /.../ ... в глубине бессознательного человек выходит за границы сознания и приобщается к космическим стихиям. Но ядро индивидуальности лежит глубже сознания. С горечью нужно признать, что естественно, чтобы люди ненавидели и убивали друг друга, но сверхъестественно, духовно, чтобы они любили друг друга, помогали друг другу. Поэтому нужно было бы утверждать не естественное право, не естественную мораль, не естественный разум, а духовное право, духовную мораль, духовный разум. Ошибочно было бы относить целостность и свободу человека к примитивному, натуральному, к истокам в мире феноменальном, в то время как отнесено это может быть лишь к духу, к миру ноуменальному. Все определяется актом духа, возвышающимся над естественным круговоротом...» (Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // там же. С. 54-55).

8. Прочитайте рассуждение Н.А. Бердяева о природе времени. Что в его словах вызывает у вас несогласие?

«Прошлого уже нет. Все, что в нем реально и бытийственно, входит в настоящее. Прошлое и будущее, как существующее, входит в состав настоящего. Вся прошлая история нашей жизни, вся прошлая история человечества входит в наше настоящее и лишь в этом качестве существует. В этом основной парадокс времени: моя судьба осуществляется во времени, разбитом на прошлое и будущее, время есть реализация судьбы, и вместе с тем прошлое и будущее, без которых нет реализации моей судьбы, существуют лишь в моем настоящем. /.../ Мы хотим увековечить дорогое нам и прекрасное настоящее, мы страшимся, когда оно от нас уходит, печалимся его умиранию. Мы, наоборот, хотим исчезновения мучительного для нас и уродливого настоящего. Родное, дорогое нам, ценное настоящее должно было бы быть вечным, для него не должно было бы наступать того будущего, которое делало бы его прошлым. Будущее и делает настоящее прошлым, в этом смертоносная связь прошлого и будущего. Время есть болезнь, болезнь к смерти. И есть смертельная печаль в этой болезни, болезни времени. Течение времени безнадежно печально. Печален взгляд человека на уходящее время. /.../

В чем болезнь и смертельная печаль времени? В невозможности пережить полноту и радость настоящего как достижения вечности, в невозможности в этом моменте настоящего, самом даже полноценном и радостном, освободиться от отравы прошлого и будущего, от печали о прошлом и от страха будущего. Радость мгновения не переживается как полнота вечности, в ней есть отравленность стремительно мчащимся временем. Мгновение, как часть уходящего времени, несет на себе всю разорванность, всю мучительность времени, вечное разделение на прошлое и будущее. И лишь мгновение, как приобщение к вечности, имеет

иное качество. Есть глубокая меланхолия в мысли о том, что все непрочно, все преходяще. Мысль о прошлом и мысль о будущем меланхоличны. Нельзя думать о будущем без меланхолии и даже без ужаса. Эта меланхолия и этот ужас проходят не в рефлексии о будущем, а исключительно в творческой активности настоящего, когда будущее открывается не как фатум и не как детерминация. Мы осуществляем свою судьбу, реализуем полноту личности во времени, и мы ненавидим время как разрыв и смерть» (Бердяев Н.А. И мир объектов. Опыт философии общества и общения // Мир философии. Ч. 1. С. 234-235).

9. Как определяет П.И. Новгородцев общественный идеал?

«... в центре построений общественной философии должна быть поставлена *не будущая гармония истории, не идея земного рая, а вечный идеал добра*, обязательный для каждого лица в конце истории, как и в ее начале. Мысль о будущей гармонии общества оказывается иллюзорной и лишенной реального значения, но вечный идеал добра обязывает признать в истории иную подлинную реальность, - живую человеческую личность, через которую должны быть осуществлены идеальные требования. Не гармония будущего человечества, для которого прошлые и настоящие поколения служат лишь подмостками и лесами, а безусловное нравственное значение лиц в каждом данном общественном сочетании и в каждую данную эпоху – вот что является идеальным началом общественности. Известная гармония, известное примирение противоречивых интересов необходимы в общественной жизни. По самой своей идее общезитие предполагает сочетание частных сил в общем стремлении и в этом смысле представление об общественной гармонии органически входит в самое понятие общения. Но не это представление должно служить безусловной целью и нравственным критерием прогресса, и не с этой точки зрения должно измеряться все остальное. Если справедливо, что каждая человеческая личность имеет безусловное нравственное значение, то целью и критерием прогресса и должно считаться понятие личности. Первенство общественного единства над понятием личности означало бы превращение личности в средство и орудие для будущего блаженства каких-то высших существ, по отношению к которым люди настоящего являлись бы низшим видом, не имеющим равной нравственной ценности. В противоположность этому, следует признать, что в силу безусловного своего значения личность представляет ту последнюю нравственную основу, которая прежде всего должна быть охраняема в каждом поколении и в каждую эпоху как источник и цель прогресса, *как образ и путь осуществления абсолютного идеала*. Никогда не должна быть она рассматриваема как средство к общественной гармонии; напротив, сама эта гармония является лишь одним из средств для осуществления задач личности и может быть принята и одобрена лишь в той мере, в какой способствует этой цели.

/.../ ... основным определением идеала в его отношении к миру эмпирической действительности является понятие о нем как о *требовании вечно совершенствования*. Понятый в этом смысле, идеал нравственного развития может показаться отвлеченным и бессодержательным. Стремиться к вечно удаляющейся и никогда вполне не достижимой цели не значит ли гоняться за призраками и тенями? Но таково свойство идеала, что, будучи беспредельным и бесконечным, он остается тем не менее реальным и практическим в качестве движущего мотива человеческой жизни. И не одно *стремление* к вечно удаляющейся цели представляет собою нравственное действие, но и *осуществление* нравственно-го закона» (Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 67-69).

10. Каковы, по Новгородцеву, необходимые условия становления демократии?

«Наивная и незрелая политическая мысль обыкновенно полагает, что стоит только свергнуть старый порядок и провозгласить свободу жизни, всеобщее избирательное право и учредительную власть народа, и демократия осуществится сама собой. Нередко думают, что провозглашение всяческих свобод и всеобщего избирательного права имеет само по себе некоторую чудесную силу направлять жизнь на новые пути. На самом деле то, что в таких случаях водворяется в жизни, обычно оказывается не демократией, а, смотря по обороту событий, или олигархией или анархией, причем в случае наступления анархии ближайшим этапом политического развития бывают самые сильные суровые формы демагогического деспотизма.

Мысль о том, что с разрушением старых устоев тотчас же водворяется истинная свобода, принадлежит анархической, а не демократической теории. /.../ В противоположность этому анархическому взгляду современные исследователи демократии единодушно признают, что как более поздняя и сложная форма политического развития она требует и большей зрелости народа. По существу своему, как мы сказали, демократия есть самоуправление народа; но для того, чтобы это самоуправление не было пустой фикцией, надо, чтобы народ выработал свои формы организации. Это должен быть народ, созревший для управления самим собою, сознающий свои права и уважающий чужие, понимающий свои обязанности и способный к самоограничению. Такая высота политического сознания никогда не дается сразу, она приобретает долгим и суровым опытом жизни. И чем сложнее и выше задачи, которые ставятся пред государством, тем более требуется для этого политическая зрелость народа, содействие лучших сторон человеческой природы и напряжения всех нравственных сил.

Но эти же условия осуществления демократии вытекают и из другого ее определения как системы свободы, как политического релятивизма. Если демократия открывает широкий простор свободной игре сил, проявляющихся в обществе, то необходимо, чтобы эти силы подчинялись некоторому высшему обязывающему их началу. Свобода, отрицающая начала общей связи и солидарности всех членов общения, приходит к самоуничтожению и разрушению основ государственной жизни.

Наконец, те же требования известной высоты нравственного сознания народа вытекают и из свойственного демократии стремления к равенству. Подобно страсти к свободе, и страсть к равенству, если она приобретает характер слепого стихийного движения, превращается в «фурию разрушения». Только подчиняя себя высшим началам, и равенство, и свобода становятся созидательными и плодотворными основами общего развития» (Новгородцев П.И. Демократия на распутье / Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 548-549).

11. Как вы думаете, присущи ли современным людям взгляды, описанные С.Л. Франком в приведенном ниже фрагменте?

«Революция и фактическая деятельность, преследующая революционные в отношении существующего строя цели, суть явления политического порядка... Здесь же мы говорим о революционности лишь в смысле *принципиального революционизма*, разумея под последним убеждение, что основным и внутренним необходимым средством к осуще-

ствлению морально-общественного идеала служит социальная борьба и насильственное разрушение существующих общественных форм. /.../

В основе революционизма лежит тот же мотив, который образует и движет силу социалистической веры: социальный *оптимизм* и опирающаяся на него *механико-рационалистическая теория счастья*. Согласно этой теории... внутренние условия для человеческого счастья всегда налицо, и причины, препятствующие устройению земного рая, лежат не внутри, а вне человека – в его социальной обстановке, в несовершенствах общественного механизма. И так как причины эти внешние, то они и могут быть устранены внешним, механическим приемом. Таким образом, работа над устройением человеческого счастья, с этой точки зрения, есть по самому своему существу не творческое или созидательное, в собственном смысле, дело, а сводится к расчистке, устранению помех, т.е. к разрушению. Эта теория – которая, кстати сказать, обыкновенно не формулируется отчетливо, а живет в умах как бессознательная, самоочевидная и молчаливо подразумеваемая истина, - предполагает, что гармоническое устройство жизни есть как бы естественное состояние, которое неизбежно и само собой должно установиться, раз будут отменены условия, преграждающие путь к нему; и прогресс не требует, собственно, никакого творчества или положительного построения, а лишь ломки, разрушения противодействующих внешних преград. /.../

... основная морально-философская ошибка революционизма есть абсолютизация начала борьбы и обусловленное ею пренебрежение к высшему и универсальному началу производительности» (Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 182-183, 187).

12. Какой вопрос ставит Иван Карамазов в приведенном ниже фрагменте из романа Ф.М. Достоевского?

«Девчоночку маленькую, пятилетнюю, возненавидели отец и мать "почтеннейшие и чиновные люди, образованные и воспитанные". /.../ Эту бедную пятилетнюю девочку эти образованные родители подвергали всевозможным истязаниям. Они били, секли, пинали ее ногами, не зная сами за что, обратили все тело ее в синяки; наконец дошли и до высшей утонченности: в холод, в мороз запирали ее на всю ночь в отхожее место, и за то, что она не просилась ночью (как будто пятилетний ребенок, спящий своим ангельским крепким сном, еще может в эти лета научиться проситься) - за это обмазывали ей все лицо ее же калом и заставляли ее есть этот кал, и это мать, мать заставляла! И эта мать могла спать, когда ночью слышались стоны бедного ребеночка, запертого в подлом месте! Понимаешь ли ты это, когда маленькое существо, еще не умеющее даже осмыслить, что с ней делается, бьет себя в подлом месте, в темноте и в холоде, крошечным своим кулачком в надорванную грудку и плачет своими кровавыми незлобивыми, кроткими слезками к "боженьке", чтобы тот защитил его, - понимаешь ли ты эту ахинею, друг мой и брат мой, послушник ты мой божий и смиренный, понимаешь ли ты, для чего эта ахинея так нужна и создана! Без нее, говорят, и пробыть бы не мог человек на земле, ибо не познал бы добра и зла. Для чего познавать это чертово добро и зло, когда это столького стоит? Да ведь весь мир познания не стоит тогда этих слез ребеночка к "боженьке". Я не говорю про страдания больших, те яблоко съели и черт с ними, и пусть бы их всех черт взял, но эти, эти! /.../

Слушай: если все должны страдать, чтобы страданием купить вечную гармонию, то при чем тут дети, скажи мне пожалуйста? Совсем непонятно, для чего должны были страдать и они, и зачем им покупать страданиями гармонию? Для чего они-то тоже попали в материал и унавозили собою для кого-то будущую гармонию? Солидарность в грехе между людьми я понимаю, понимаю солидарность и в возмездии, но не с детками же солидарность в грехе, и если правда в самом деле в том, что и они солидарны с отцами их во всех злодействах отцов, то уж конечно правда эта не от мира сего и мне непонятна. /.../ Пока еще время, спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезками своими к "боженьке"! Не стоит потому что слезки его остались неискупленными. Они должны быть искуплены, иначе не может быть и гармонии. Но чем, чем ты искупишь их? Разве это возможно? Неужто тем, что они будут отомщены? Но зачем мне их отмщение, зачем мне ад для мучителей, что тут ад может поправить, когда те уже замучены. И какая же гармония, если ад: я простить хочу и обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше. И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены» (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Глава «Бунт»).

9.4 ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Какие этапы можно выделить в истории русской философии?
2. Каковы особенности русской философии?
3. Как развивалась русская философия в период Просвещения?
4. Какие идеи высказал П.Я. Чаадаев об исторической судьбе России?
5. По какому вопросу противостояли славянофилы и западники?
6. Что такое соборность?
7. Какие мыслители представляют материалистическое направление в русской философии?
8. Каково философское наследие В.И. Ленина?
9. Какие важные философские идеи развивал в своем творчестве Ф.М. Достоевский?
10. Каковы основные положения социологического учения Н.К. Михайловского?
11. Что представляет собой всеединство в философии В.С. Соловьева?
12. Как понимает В.С. Соловьев богочеловечество?
13. Почему философию Н.А. Бердяева называют «онтологией свободы»?
14. На каких основаниях Н.А. Бердяев критикует западноевропейскую культуру?
15. Как Н.А. Бердяев объясняет происхождение зла?

10 ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ БЕЛАРУСИ

10.1 ПЕРСОНАЛИИ

ЕФРОСИНЯ ПОЛОЦКАЯ – 1110-1171 гг. *Основные труды:* о ней – «Житие Ефросинии Полоцкой».

КИРИЛЛ ТУРОВСКИЙ – ок. 1130 – ок. 1193 гг. *Основные труды:* «Притча о человеческой душе, и о теле, и о нарушении Божьей заповеди, и о воскресении тела человеческого, и о страшном суде, и о мучении»

ФРАНЦИСК СКОРИНА – ок. 1490 – ок. 1541 гг. *Основные труды:* издал 22 книги Ветхого и Нового Завета под общим названием: «Бивлия руска, выложена доктором Франциском Скориною из славного града Полоцка», издал «Малую подорожную книжицу» и «Апостол»; предисловия и послесловия к книгам Библии.

НИКОЛАЙ ГУСОВСКИЙ – ок. 1480 – после 1533 гг. *Основные труды:* «Песнь о зубре», «Победа над турками», «Песня к божественному Севастьяну».

АНДРЕЙ ВОЛАН – 1530-1610 гг. *Основные труды:* «О политической или гражданской свободе», «О счастливой жизни, или наивысшем человеческом благе», «О государе и его личных добродетелях».

ЛЕВ САПЕГА – 1557-1633 гг. *Основные труды:* руководил подготовкой и изданием третьей редакции Статута Великого Княжества Литовского.

СЫМОН БУДНЫЙ – 1530-1593 гг. *Основные труды:* «Катехизис», «Оправдание грешного человека перед Богом»

ВАСИЛИЙ ТЯПИНСКИЙ – ок. 1530-1540 – ок. 1604 гг. *Основные труды:* «Предисловие к Евангелию»

МЕЛЕТИЙ СМОТРИЦКИЙ – 1577-1633 гг. *Основные труды:* «Тренос», «Версификация невинности», «Прибавление», «Грамматика».

КАЗИМИР ЛЫЩИЦКИЙ – 1634-1689 гг. *Основные труды:* «О несуществовании Бога».

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ – 1629-1680 гг. *Основные труды:* «Жезл правления», «Вертоград многоцветный», «Риф-мологион», «Букварь», «Псалтырь рифмованная».

ГЕОРГИЙ КОНИССКИЙ – 1717-1795 гг. *Основные труды:* «Историческое известие о епархии Могилевской...», «Записки Конисского отом, что в России до конца XVI века не было унии», «Права и свободы жителям Короны Польской и Великого княжества Литовского, исповедующим греко-восточную религию».

КАЗИМИР НАРБУТ – 1738-1807 гг. *Основные труды:* «Логика, или Наука мышления о суждениях и предметах...», «Избранные суждения из философии...»

КОНСТАНТИН КАЛИНОВСКИЙ – 1838-1864 гг. *Основные труды:* письма в «Мужицкой правде».

ФРАНЦИСК БОГУШЕВИЧ – 1840-1900 гг. *Основные труды:* предисловие к сборнику «Дудка белорусская», стихотворения и поэмы

ИГНАТ АБДИРАЛОВИЧ – 1826-1923 гг. *Основные труды:* «Адвечным шляхам»

10.2. ЗАДАНИЯ

1. Прочитайте предисловие Ф. Скорины к Псалтыри и подумайте, с какими целями он предпринял печатание книг.

«Всякое писание... полезно к учению и к обличению, исправлению и утверждению правды. Да совершен будет человек... и на всякое доброе дело уготован... И сего ради... письма составлены к нашему учению, исправлению, духовному и телесному, различными обычаями единым законом, ветхим и новым... а некоторые притчами премудрых учителей.

Те же все вышеуказанные письма, каждое из них только одну вещь в себе содержит, учат людей, как постигнуть закон жизни вечной. Пророки грядущее доброе добрым, а злое злым проповедают... Притчи же и изречения премудрых учителей добрых обычаев молодых и старых наставляют.

Псалтырь же сама одна все те вещи содержит и всех тех учит и все проповедует, ибо суть в ней псалмы, как бы сокровищница всех дорогих кладов, всякие болезни, духовные и телесные, исцеляют, душу и смысл освещают, гнев и ярость усмиряют, мир и покой чинят, тоску и печаль отгоняют, познание... дают, людей в приязнь вводят, ласку и любовь укрепляют...

И что еще в псалмах найдешь?.. Там есть справедливость, там есть чистота душевная и телесная. Там есть наука всякой правды. Там мудрость и разум совершенный. Там есть любовь и дружелюбие без лести и все иные добрые нравы как бы из источника оттуда исходят... Там есть многих скрытых тайн указание. Все те вещи как бы в большом хранилище – в этой малой Псалтыри найдешь» (Скорина Ф. Предисловие к Псалтыри // Антология педагогической мысли Белорусской ССР. М., 1986. С. 47).

2. Какие достоинства Библии описывает Ф. Скорина?

«Бивлия – греческим языком, по-русски скажется – книги, тако убо святой Матфей починает Христово благовествование: «Бивлос генезеос Иесуу Христу», то есть по-русски – «Книга родства Иесуса Христова». А можете тым именем называти вси книги ветхаго и новаго закону для достойности его, понеже Бивлия зуполная все то в собь замыкает. /.../

И тако младенцем и людем простым ест наука, учителем же и людем мудрым по-дивление. Яко река дивная мелка – по ней же агнецъ брести можетъ, а глубока – слон убо пливати мусить.

В сей книзе прироженое мудрости зачало и конецъ; бог вседержитель познавай бываетъ. В сей книзе вси законы и права, ими же люде на земли справоватися имеютъ, пописаны суть. В сей книзе вси лекарства душевные и телесные зуполне найдете. Ту навчение философии добронравное, яко любити бога для самого себе и ближнего для бога, имамы. Ту справа всякого собрания людского и всякого града, еже верою, соединением ласки и згодю посполитое доброе помножено бываетъ. Ту научение седми наук или вы-зволених достаточное.

Хошеши ли умети граматикку или, по-русски говорячи, грамоту, еже добре чести и мовити учить, знайдеши в зуполной Бивлии, Псалтыру, чти ее. Пак ли ты ся любить разумети логику, она же учить за доводом розознати правду от кривды, чти книгу светого Ио-

ва или Послания светого апостола Павла. Аще ли же помыслиши умети риторику, еже ест красномовность, чти книги Соломоновы. А то суть три науки словесные.

Восхощеш ли пак учиться музыки, то ест певници, премножество стихов и песней светых по всей книзе сей знайдеш.

Любо ли ти ест умети аритметику, еже вократце а неомылне считате учить, четвертый книги Моисеевы часто чти.

Пак ли же имаши пред очима науку геометрию, еже по-русски сказуется землемерение, чти книги Исуса Наувина.

Естьли астрономии или звездочети – найдеш на початку книги сее о сотворении солнца и месеца и звезд; найдеш во Исусе наувине, яко стояле солнце на едином месте за целый день; знайдеш во книгах Царств, еже солнце воспать поступило неколико ступенев; знайдеш во светом Еувангелии о новосотворенной звезде часу нарожения нашего спасителя Исуса Христа. /.../

Надо все над то мы, христиане, ведаючи все науки быти минущие, потребуем речи вечное душного спасения. Чтимы ж уставичне светое Еувангелие, а чтучи е, наследуимы дела нашего избавителя Исуса Христа. А тако с помощью его вниидем в живот вечный и в царство небесное, уготованное избранным божиим» (Скорина Ф. Предисловие доктора Франьиска Скорины с Полоцька во всю Бивлию рускага языка // Философская мысль Беларуси. Минск, 2004. С. 110-111).

3. Что должен делать правитель, чтобы государство процветало, по мнению А. Волана?

«Во всех своих действиях государь должен поступать так, чтобы вся его жизнь представляла собой изящную гармонию добродетелей. И мне кажется, что справедливости здесь принадлежит первое место. Ведь того, кто наделен ею, именно поэтому и называют хорошим и порядочным человеком. Справедливость сводится главным образом к тому, чтобы никто не терпел вреда, но наоборот, тот, кто нуждается в помощи, быстро получал ее. Это человеческое общество, мир и спокойствие между людьми всех сословий будет сохранено максимально, если каждый получит возможность быть целым и невредимым, и счастье одних не будет строиться на несчастьи других. Ведь те, кто всячески стремится к накоплению богатств, кто тратит их на возведение дорогих строений или же шикарную жизнь со всеми удовольствиями и хвастливую манифестацию своей роскоши, не так уже легко могут удержаться от нанесения обиды и часто запускают жадные руки в имущество тех, кто им подчиняется. Жадность, которая стремится заполучить как можно больше, увлекает слепые человеческие умы на чужое добро и превращает то, что добыто трудом других, в свою собственность. Итак, человек, забыв о всякой человечности, вырождается в дикого зверя и свирепо рвет человеческое общество, в котором все взаимно связаны.

От такой чумы государю нужно быть как можно дальше. И он должен не только удерживать себя от нанесения обиды другим, но также сдерживать алчность своих прокураторов, которые ведают его имуществом и ведут его дела. Ведь если тот, кто может, все же не препятствует совершению несправедливости, то он виноват в такой же степени, как если бы грабил имущество граждан и опустошал их богатства.

Государю не подобает поддаваться чувству любви или ненависти к кому-либо, если нужно действовать быстро и настойчиво, чтобы защитить более слабых от несправедливости.

Он должен сознавать, что рожден не для собственного блага. Все богатства, которыми он располагает, ему следует обращать на благо общества и государства/.../

Большой похвалы в справедливости достоин тот, кто хранит незыблемость установлений и законов отечества и, поскольку в них заложено благо государства, не позволяет никакому лиходею нарушать их.

Но прежде всего следует охранять те законы, которые обеспечивают в государстве всеобщее спокойствие, скрепленное этими законами, словно нитями, и всеми одобренное ради того, чтобы каждый жил тихо и мирно, безо всякого страха перед опасностью. Ведь там, где отпущена узда для неистовства людей настолько, что одни безнаказанно совершают над другими все, что им вздумается, то это уже не государство, не общество, а шайка разбойников или какая-то живодерня, где каждый грызет каждого.

Не меньше он должен заботиться и о том, чтобы среди людей соблюдалось доверие, которое некоторые мудрецы вполне правильно называли фундаментом справедливости. Никогда не сможет утвердиться прочный мир и прочное общество среди тех людей, которые не соблюдают постоянства в своих словах и делах и, проворно работая языком, нисколько не заботятся о том, что к нему нужно присоединить еще и доверие...» (Волян А. О государе и его личных добродетелях // Философская мысль Беларуси. Минск, 2004. С. 120-123).

4. Как понимает Симон Будный свободу совести?

«/.../ Следовало бы, чтобы у нас уже была свобода говорить о божественных делах не только ученым, но и простым людям, не только учителям, но и ученикам, не только пастырям, но и овечкам или слушателям, не только богатым, но и бедным – лишь бы правильно (как пишет апостол); следует, чтобы во всех наших церковных собраниях (zborzech) была свобода говорить о святых делах, о делах спасения, знание которых необходимо всем верующим. А ведь была такая свобода в той израильской общине, а затем и в христианской.

/.../ Где нет этой свободы, там еще господствует если на папство, то папское рабство.

/.../ Посмотрим, есть ли эта свобода у нас в общине. Если говорить правду, то я ее совершенно не вижу. Это не требует доказательств и ясно видно на примере той свободы, которую мы имеем по вопросу власти (urzedu): может ли верующий занимать должность или не может. После того как двое или трое между собой постановили, что на основании книг Петра Гезка из Гонендза это недопустимо, они уже не прислушиваются ни к чьим советам (будь то пророк или апостол) и не допускают к причастию тех, кто понимает иначе. Они изгоняют их со своих собраний, не доказав ошибочности взглядов (сторонников светской власти» (Будный С. О светской власти // Философская мысль Беларуси. Минск, 2004. С. 130-131).

5. На основании приведенного фрагмента подтвердите, что С. Будный был идеологом Реформации.

«... когда они [учителя] ленились учить людей, научил их дьявол, дабы верили, что без науки, без веры и без исповедания человек может быть спасен, только бы водою в детстве окрещен был, а, повзрослев, только бы в определенные дни мяса не ел, милостыню хотя бы от излишнего приобретения давал, святым молился и эти обычаи сохранял.

А, наконец, до того доходили, если кто что-либо имел, чтобы попам на спасение души все отдать, чтобы они тело на освященной земле похоронили, проводили поминками – третины, девятины, полсорочины, полгодаины, години и иные такие же вымыслы справляли. Для этого именья, села, города отписывали, монастыри и церкви отдавали или вновь строили, жертвовали на колокола, ризы, иконы, надеясь за такие дела обрести спасение, царство божие и вечную жизнь. Все это говорю, потому в церковь христову вошло, что в святой обычай, которого первая церковь по повелению Христа держалась, допустили дьяволу вредные плевелы посеять. Христос же говорит: «Шедшеи, научите все язык и крестяще их!» Они же [учителя] не только не учат, но и сами мало правды знают и тем, которые бы учить хотели, запрещают. Не иначе как ранее еврейские учителя, о которых господь говорит: «Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разума: сами не вошли и входящим воспрепятствовали!» Не надо о том много писать. Ибо все знаем, каких теперь имеем учителей.

Знает весь свет, как на свои должности вступают, не тайна тоже как ими пользуются и как выполняют свои обязанности. Лучше плакать, чем их нравы описывать. Достоверно то, что напрасно их исправления в науке или в жизни ждать. Лучше, чтобы каждый, кто не хочет погибнуть, иного себе лекарства искал, а таким пастырям дал покой. Ибо так повелевает господь, [в том месте], где апостолам, а это значит, всем учителям говорит: «Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поправление людям». Солью называет [господь] всех учителей, так как соль сохраняет то, что ею посолят, дабы не провоняло. Так и учитель наказанием, поучением и напоминанием сохраняет людей от духовного гниения. Если же того не делает, повелевает господь вон его выкинуть и потоптать, как соль, если бы она взбесилась или утратила силу. Почему же непослушны поведению этому самого сына божьего?... Дóлжно и о другом слове помнить: «Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Будный С. Из предисловия к «Катехизису...» // Антология педагогической мысли Белорусской ССР. М., 1986. С. 69-70)

6. С каких позиций К. Лыщинский характеризует религию?

«Человек – создатель бога, а бог – творение и создание человека. Таким образом, люди – творцы и создатели богов, и бог является не действительной сущностью, а творением разума, и к тому же химерическим; поэтому боги и химера – одно и то же...

Религия установлена людьми неверующими, чтобы им воздавали почести... Вера в бога была введена безбожниками. Страх божий внушен не имеющими страха для того, чтобы их боялись. Вера, которую считают священной, – это человеческая выдумка. Учение, будь то логическое или философское, которое кичится тем, что оно учит истине о боге, ложно. И наоборот, то, что осуждено как ложное, есть правдивейшее...

Лжемудрецы обманывают простой народ, опутывая его лживой верой в бога, и поддерживают ее таким образом, что даже если бы мудрецы захотели его (народ) освободить с помощью истины от этого угнетения, то их (т.е. мудрецов) подавляют при помощи [самого же] народа...

Однако мы не находим ни в нас самих, ни в других этого веления разума, укрепляющего нас в откровении божьем, ибо если бы оно в нас было, то все бы согласилось, не сомневались и не возражали бы против писания Моисея и Евангелия (которое ложно!) и

не было бы различных изобретателей разных сект и их приверженцев – магометан и т.д. и т.п. Однако об этом не знают и подвергают это сомнению, а также высказывают противоречивые мнения не только несмышленные, но и мудрецы, которые путем правильного рассуждения, так же как и я, доказывают противоположное.

Следовательно, бога нет...» (Лыщинский К. О несуществовании бога // Антология педагогической мысли Белорусской ССР. М., 1986. С. 133-134).

7. Прочитайте описание философии, данное Г. Конисским и сравните его с уже известными вам определениями философии.

«1. Философия – что касается названия – обозначает любовь к мудрости, поскольку «философ» по-гречески – «любитель» или «друг мудрости». Это наименование взято из Пифагора, который первый им пользовался; когда Леонтий, царь флеазийцев, очарованный его красноречием, спросил его, в каком деле разумный самый сильный, он, говорят, ответил: «Я не софос, или мудрец [ибо так до него назывались те, кто отличался знанием множества вещей], и это название соответствует только богу, а я философ, то есть друг мудрости»...

Из этого же наименования, считают некоторые [авторы], следует брать определение философии. Они утверждают, что философия – это любовь к мудрости, в самом же деле, такое объяснение не делает никакой разницы между философией и всякой любовью к мудрости и отчужденное от нее свойство души ставит вместо нее; философия ведь находит свое место... в интеллекте.

2. Итак, самое лучшее определение [философии] дает св. Дамаскин в 4-й кн. своей диалектики, [взятое] из Аристотеля, кн. 10 «Метафизики», гл. 4, а именно такое: Философия – это познание вещей, как они суть». Под вещами понимается все, что может быть познано человеческим интеллектом. А это «как они суть» обозначает отличие философского познания, а именно: философ стремится познать всякую вещь так, чтобы он познал ее причины, откуда она возникла или возникает, из чего состоит, для какой цели существует. Вещи ведь не иначе получают свое бытие, как через свои причины.

3. Материя [предмет], о котором говорит философия, - это все вещи, как они сами должны быть причинами своего бытия, или, если пожелаешь сказать, есть сами причины вещей, ибо заниматься философией значит не что иное, как исследовать причины вещей.

4. Хорошо [всеми авторами] философия делится на рациональную, нравственную и натуральную. Рациональная – та, которая учит руководить действиями разума; нравственная – которая устанавливает акты воли, т.е. нравы; натуральная – та, которая рассматривает все другие вещи, существующие в природе, и она очень обширная» (Конисский Г. Всеобщая философия... // Антология педагогической мысли Белорусской ССР. С. 140-141).

8. Применимы ли к современному образованию критические замечания, высказанные К. Нарбутом?

«Трудно высказать, сколь многочисленные заблуждения распространяются из-за несовершенства учителей: они сами не знают того, чему хотят научить, или не владеют методом обучения и привития вкуса к наукам (знаниям), или же обучают совсем ненужным вещам. Это ведет к тому, что учащиеся сначала начинают ненавидеть учителей, а затем и науки. Оттолкнутые от науки или же плохо обученные, они не будут иметь желания

и воли взяться за учебу или исправить ошибки, так как гораздо труднее от чего-то отучиться, чем чему-либо научиться. Имеются еще учителя или развязные в речах, или тщеславные, или очень недалекого ума, или надменные, или ложно мнящие о себе, что они слишком много знают, или излишне строгие, или же плохих нравов во всех отношениях; они воспитывают и учеников, подобных себе; о них можно сказать то же самое, что и о несовершенных (плохих) родителях, так как они занимают их места. Те же учителя, которые своих учеников заставляют слепо придерживаться их взглядов, одевают как бы цепи на разум, когда не разрешают ученикам пользоваться разумной свободой суждения о предметах (вещах). Именно более всего благодаря этому философия перипатетиков в течение многих столетий не обрела никакого полезного роста и все больше и больше позволяла разрастаться заблуждениям» (Нарбут К. Логика, или Наука о размышлении и рассуждении // Антология педагогической мысли Белорусской ССР. С. 147-148).

9. Что, по мнению К. Нарбута, мешает людям быть образованными?

«Для того, чтобы стать обученным и много знающим человеком, необходимы не только природные способности, живая память, совершенные учителя и книги, но еще и настоящее желание, искренняя воля в сочетании с большим старанием; это последнее очень часто оказывается непостоянным по следующим причинам:

I. Телесные наслаждения, которые отрывают и ослабляют разум; очень необходимое в науках присутствие духа они так нарушают, что те, которые им предаются, не могут ни думать, ни делать что-либо полезное, кроме разве того, что приумножает наслаждения. Отсюда с неизбежностью вытекают ложные суждения, так как они имеют своим основанием не любовь к истине...

II. Мнение о том, что слабое понимание и недостаточные природные способности человека не дают возможности осилить ту или другую науку, является поводом незнания и более ранних предметов, а следовательно, и заблуждений, вытекающих из этого, так как он пренебрегает необходимыми усилиями и стараниями, с помощью которых даже наиболее слабое его понимание может успешно преодолеть многочисленные трудности.

III. Имеются некоторые очень изнеженные (избалованные) люди, которые считают, что они сократят себе жизнь, если будут заниматься науками, чистым размышлением и чтением. Это является большим заблуждением, так как Демокрит умер, прожив сто лет, Платон – восемьдесят один год, а всю жизнь они беспрестанно писали, читали и занимались умственным трудом... Ньютон – около восьмидесяти пяти, а также многие другие, которые почти постоянно занимались изучением различных наук. Это, однако, как я понимаю, должно происходить соразмерно, так как и в самой лучшей работе неумеренность может стать причиной болезни или сокращения жизни...» (там же. С. 148-149).

10. В чем К. Калиновский видит причины социального неравенства в современном ему обществе?

«Хлопцы!

Нет и уголка земли на свете, где бы люди все были добрыми друг к другу, не хотели бы жить за счет обиды своего ближнего. Для того, чтобы была справедливость и правда на свете, а злые люди не своевольничали и обиды другим не чинили, имеется правительство, которое собирает подати, устраивает школы, учит каждого жить по правде, устанавливает суд; а если это не помогает и делается несправедливость, то нанимает войско и таким путем оберегает каждого от беды и разорения. Вот для чего правительство

нужно. И как хороший слуга смотрит за добром хозяйским и слушается своего хозяина, так и хорошее правительство должно заботиться о счастье людей и делать так, как народу лучше. И не удивительно, потому что не народ существует для правительства, а правительство для народа...

А так ли, мужики, у нас? Разве у нас есть справедливая наука в школах, которая учит жить без обиды другого? Разве есть правда и справедливость в суде? Разве может человек быть уверен, что его никто не обидит? Разве царское правительство думает о людях, чтобы они могли жить счастливо? – Сами скажите...

Вот из этого письма и видно, что притеснения, разорение и несправедливость исходят от самого царя – он из нас набирает войско, он с нас дерет деньги будто бы на нужды народа и, взявшись со всеми лиходеями за руки, только угнетает нас, держит в неволе» («Мужицкая правда», № 2 // Антология педагогической мысли Белорусской ССР. С. 195-196).

11. Какие представления Я. Чачота применимы в современном обществе?

1. Шчасце – гэта найвышэйшая мэта ўсіх імкненняў чалавека; шчасце – ва ўнутранай задаволенасці ад сваёй працы, учынкаў і побыту; асаблівае шчасце – у шчасці грамадскім: дбаць пра грамадскае дабро – значыць памнажаць і дабро ўласнае.

2. Хто дбае пра грамадскае дабро, інакш кажучы пра шчасце, асвету і славу краю, хто рады прысвяціць яму самого сябе, а яму ўсё здольнасці, сілы і маёмасць – з'яўляецца сапраўдным грамадзянінам.

3. Сапраўдны грамадзянін паводзіць сябе не толькі згодна ўстаноўленым грамадскім законам, але і згодна сумлення маралі і рэлігіі; улада законам знаходзіць чалавека дома і па-за домам, але ўнутры чалавека няма моцнай спружыны для кіравання яго ўчынкамі; дык вось – там, дзе ўлада законаў і сораму слабыя, там пычынаецца ўлада сумлення і рэлігіі.

4. Рэлігія не толькі аб'ядноўвае людзей з творцам, яна не толькі ўцеха і вышэйшая асалода для сэрца знясіленых пад цяжарам няшчасця і чалавечых заганаў, але і шчыт супраць варожых грамадству яго членаў, яна краевугольны камень, на якім абапіраюцца мараль і тленнае шчасце.

5. Рэлігіі і маралі варожыя: абыякавасць да ўшанавання Бога, непавага да месцаў яго ўшанавання, распаўсюджванне поглядаў, якія падрываюць асновы рэлігіі, распуста і адступленне ад звычаяў, усялякага роду празмернасці.

6. Маральная распушчанасць, празмернасці і раскоша ў задавальненні жыццёвых патрэб, што прыводзяць да жудасных вынікаў, нараджаюць агіду да шлюбу, якая вельмі часта назіраецца сёння. Праз гэта псуюцца дарэштны не толькі пачцінасць, мараль, не толькі церпіць ад гэтага рэлігія, але, што вынікае адсюль, церпіць увесі люд, які ўсё больш прыкметна робіцца слабейшым, бяднейшым, становіцца няздатным як трэба працаваць для дабра краю, а значыць, і для дабра кожнага паасобку.

7. Ашчаднасць з'яўляецца маткай выгоды, парадку і багацця, словам, дамашняга і грамадскага шчасця, з'яўляецца рысай сапраўднага грамадзяніна, бо яна вядзе да прыстойнага карыстання дастаткамі, якімі трэба дзяліцца і з іншымі, яна працівіцца ўсякім празмернасцям і раскошы – самай галоўнай прычыне дэмаралізацыі. /.../

8. Той, хто прысвячае сваю працу – фізічную ці разумовую – свайму краю, усё робіць для яго дабра, з'яўляецца адначасова карысным грамадству чалавекам і паважаным

грамадзянінам. Адсюль вынікае, што гэтак жа, як да вырэвызнання заўсёды павінна быць цярпімасць да працоўнага класа – рамеснікаў ці прадстаўнікоў любой іншай працы: трэба быць нецярпімымі толькі да гультаёў, якіх мы павінны схіляць да працы.

9. Асвета краю – найважнейшая спружына яго шчасця. /.../

12. Мала гаварць пра станоўчыя якасці чалавека і вучыць ім; трэба самому даваць ва ўсім прыклад у паводзінах. Бо ніхто так не схіляе да ліхога людскія сэрцы і розум, як ліхія ўчынкi тых, хто воляй лёсу закліканы вучыць простых люд і паляпшаць разбэшчаны свет, хто на словах прапаведуе дабрачыннасць, а ў жыцці заграз у распусце” (Чачот Я. Пра будучае прызначенне таварыства... // Філасофская мысль Беларусі. Мінск, 2004. С. 267-268).

12. Какие недостатки европейского общества критикует И. Абдиралович?

“Чым слабей развіта духовасць чалавека, тым большую вагу набірае форма: звычай, догмат, дактрына, незразумелы лёзунг. Добра ведама сіла абычаёвага права ў сялянскіх масах, фанатычная рэлігійнасць у цёмных малаасьвечаных народаў, іх прыхільнасць да паемных рэлігійных формулаў у незразумелай мове. На нашых вачох вырастала дзіўная сіла палітычных лёзунгаў, так сама незразумелых, а часам і пазбаўленых зместу, характару, як самага рэакцыйнага, так і ультра-радыкальнага, якія маса сустрачала дружнымі воплескамі.

/.../

І вось большасць эўрапейскага грамадзянства набывае ідэялёгію, якую можна назваць духовым мяшчанствам. Яно ня лічыцца са зменнасцю, вечнай цякучасцю жыцця; вечная патрэба змяняцца, шукаць новага – надта марудная і клапатлівая праца. Адсюль выплывае прыхільнасць да рознага роду аўторытэтаў, пашана да пісаных законаў і канстытуцыяў, зацверджаньне доктрын, ўстаноўленай моралі; паважаньне сваіх і чужых “цвёрдых” перакананьняў, здольнасці чалавека пасвяціць ім сваё жыццё, не глядзячы на тое, ці адпавядаюць яны яго ўнутранаму перакананьню, ці не: ўсё гэта ня робіць клопату ў кожным выпадку думаць, як трэба рабіць, і зьяртацца да ўласнага сумленьня.

Культура духовага мяшчанства выгадала дзье сапраўдныя сілы: моду і дысцыпліну. Мода моцна трымае жыццё ў сваёй уладзе: яе дыктатура пачынаецца ад выгляду вопраткі і канчаецца на перакананьнях чалавека. Мода прымушае яго подпарадкавацца яе ўказам, угрунтаваўшыся ў самым сэрцы чалавека. Ён пачынае сароміцца свае вопраткі папярэдняга сезону, баіцца паказацца адсталым у сваіх перакананьнях: рэлігійных, палітычных, філэзофскіх. /.../

Калі не памагае мода, на сцэну выплывае дысцыпліна. Апошняя павінна бараніць выпрацаваныя ідэалы, берагчы існуючыя падставы жыцця. Дысцыпліна, вельмі паважаная праз грамадзянства, гэта – здольнасць пераламаць сябе і маўчаць, прымаючы тое, проці чаго дух пратэстуе, з чым сумленьне не згаджаецца. Дысцыпліна пранікае ўсе куткі жыцця; яна бывае рэлігійная, грамадзянская, партыйная, моральная, навуковая; ў кожным разе забараняе чалавеку рабіць па яго ўласнаму сумленьню, а толькі па выпрацаванай форме. Гэта – ланцугі, каторымі сьвядома апутаны чалавек, каб ён сядзеў ціха і ня рыпаўся.

Здавальненне існуючым і самбой асабліва характэрызуе духовае мяшчанства, адсюль выплывае інерцыя і непатрэба ў змене старога новым. Заўсёды самае імкненьне

да такой змены разглядаецца як праступак, годны кары. Ад духовага мяшчанства не ратуе ні нацыянальнасьць, ні рэлігія, ні кляса, ні партыя, ні прафесія” (Абдзіраловіч І. Адвечным шляхам // Філасофская мысль Беларусі. Мінск, 2004. С. 333-334).

10.3 ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Какое мировоззрение господствовало у древних славян в дохристианскую эпоху?
2. Назовите основные этапы становления философской мысли Беларуси.
3. Каковы особенности становления философского знания в Беларуси в эпоху Киевской Руси?
4. Почему философская мысль в Беларуси имеет ярко выраженный нравственный характер?
5. Как проявлялась в эпоху Возрождения взаимосвязь культурной истории Европы и Беларуси?
6. В чем специфика отечественной философской мысли эпохи Возрождения?
7. Какие течения противоборствовали в реформационном движении в Беларуси?
8. В чем актуальность социально-правовых взглядов Ф. Скорины, С. Будного, А. Волана и Л. Сапеги?
9. Какая религиозная и социокультурная ситуация сложилась в Беларуси после Люблинской и Брестской уний?
10. Какие идеи характеризуют философию белорусского Предпросвещения?
11. Каковы основные особенности белорусского Просвещения?
12. Как понимает свободу Г. Конисский?
13. Какова роль западнорусизма в развитии социально-философской мысли Беларуси?
14. Почему в конце XIX – начале XX века проблема белорусского языка стала проблемой национальной жизни?
15. Какие идеи определяли развитие отечественной философии в XX веке?